

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

И.П. Павлов

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

В 2 томах

Чебоксары
2014

УДК 811.512.111

ББК 81.2Чув–2

П 12

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Научный редактор, автор вступительной статьи,
примечаний и комментариев –
доктор филологических наук В.И. Сергеев

Павлов И.П.

Современный чувашский язык : монография : в 2 т. Т. 1 :
Морфемика, морфонология, словообразование / И.П. Павлов;
науч. ред., авт. вступ. ст., примеч. и коммент. В.И. Сергеев; Чу-
вашский государственный институт гуманитарных наук. – Че-
боксары, 2014. – 264 с.

Многолетний труд И.П. Павлова (I том) охватывает разделы «Морфемика», «Морфонология» и «Словообразование». Раздел «Морфемика» написан автором впервые, до сих пор морфемике уделяли внимание лишь попутно, когда исследовали вопросы морфологии. Звание первооткрывателя заслуживает автор и при разработке вопросов морфонологии. Следует обратить внимание и на вопросы словообразования по частям речи.

И.П. Павлов с 60-х годов прошлого века отстаивает конверсионный способ словообразования.

ISBN 978–5–87677–190–2

© Павлов И.П., 2014

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2014

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

ТОМ 1

МОРФЕМИКА

МОРФОНОЛОГИЯ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

От редактора

Жизнерадостный, добрый человек, неутомимый, разносторонний ученый, талантливый педагог, активный гражданин — таким был для нас и остался в нашей памяти Иван Павлович Павлов, посвятивший свою жизнь делу служения чувашской гуманитарной науке, чувашскому народу.

Авангардная роль И.П. Павлова проявляется в том, что он стал одним из создателей современного чувашского языкознания. Он был первым в разработке теории морфемики, морфонологии чувашского языка, дал творческий импульс глубокому и всестороннему исследованию систем и функций языка в морфологии, словообразовании и синтаксисе.

Известно, что наука (в том числе и лингвистика) не может существовать, развиваться без нескольких, иногда прямо противоположных теорий (а таких теорий в редактируемой нами монографии И.П. Павлова немало), но только их совместимость дает возможность рассматривать предмет исследования, в данном случае язык, объемно, цельно и всесторонне. Однако без наличия исходной, базовой теории в языкознании (в морфологии и словообразовании) невозможно дальнейшее развитие науки о языке, поиска закономерностей. Базовой теорией в чувашеведении являются фундаментальные труды Н.И. Ашмарина, Т.М. Матвеева, Ф.Т. Тимофеева, С.П. Горского, И.А. Андреева, Н.А. Андреева. И.П. Павлов создал несколько базовых теорий, ибо это был ученый, которому свойственна необычная широта научных интересов: он занимался общими проблемами чувашского языкознания, тюркологии, фонетикой, орфоэпией, лексикографией, проблемами письменности, орфографии, методикой преподавания чувашского языка, созданием учебников чувашского языка для вузов и средней общеобразовательной школы.

И.П. Павлов в редактируемой нами книге выдвинул новое членение временных форм, но не довел до логического конца систему времен, этому препятствовало непризнание автором такого раздела науки о языке, как морфосинтаксис. Разработкой проблем морфосинтаксиса в чувашском языкознании в наши дни плодотворно занимаются современные молодые исследователи (например, А.М. Иванова на эту тему защитила докторскую диссертацию). Морфосинтаксис — это морфология словоизменения и морфология предложения, раздел языкознания, изучающий морфологические проблемы словосочетаний, оборотов речи и предложений с точки зрения синтаксиса.

Непризнание морфосинтаксиса вело И.П. Павлова к путаницам. Например, еще в 1985 г. в методическом пособии «V—VI классенче чăваш чĕлхин морфологиине вĕрентесси» выдвинул «золотое правило» для определения частей речи: «Пуплев пайĕсем уйрăм сăмахсене кăна пĕрлештерсе тăрасĕĕ, сăмах майлашăвĕсемпе сăмах саврăнăшĕсене пĕрлештермесĕĕ» (Части речи включают в себя только отдельные слова, но не включают словосочетания и обороты речи). Этого правила в своих трудах И.П. Павлов никогда не придерживался.

Осноположником теории морфосинтаксиса был выдающийся ученый-чувашевед Н.И. Ашмарин. Хотя он ни разу не употребил термин «морфосинтаксис», но работу «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (Ч. 1. Казань, 1903; Ч. 2. Симбирск, 1923) всецело посвятил вопросам морфосинтаксиса, об этом мало кто из чувашеведов задумался.

Окрыленные идеей создания научной грамматики (отчасти — морфологии) чувашского языка, авторы сборника «Материалы по грамматике современного чувашского языка» (1957. Ч. 1: Морфология) заставили чувашеведов переосмыслить достижения чувашского языкознания и связать научное изучение языка с развитием живого чувашского языка, с изучением тех процессов, которые активно проходили в 30–50-х гг. XX в.* Например, в этом сборнике напечатана статья И.П. Павлова «Деепричастие» (основан-

* Мы имеем в виду дискуссию по некоторым вопросам чувашской грамматики (июнь 1953 — апрель 1954 гг.). Результаты опубликованы в сборнике «Ученые записки» (Вып. 12. Чебоксары, 1955).

ная на его кандидатской диссертации), а в нынешнем, редактируемом нами труде раздела о деепричастиях нет. Этот вопрос «растворен» во временных формах глагола.

Если труд И.П. Павлова посмотреть по разделам, то можно заметить, что они написаны в последнее двадцатилетие XX в. Многие достижения русского и чувашского языкознания конца XX — начала XXI в. в целом им не учтены. Например, в разделе «Морфемика» членимость — способность слова и словоформы делиться на значимые элементы (морфемы) — преподносится во многих случаях по образцу примеров статьи Г.О. Винокура «Заметки по русскому словообразованию» (Известия АН СССР. Вып. 4. Отдел литературы и языка. 1946), а не по высказываниям А.И. Смирницкого в статье «Некоторые замечания о принципах морфологического анализа слов» (Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 5. М., 1948), тем более И.П. Павлов не учел высказывания ученых-русистов, приведенные в сборнике научных трудов «Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова» (М.: Наука, 1975. 246 с.). В силу этого в исследовании И.П. Павлова накопилось много сложных (составных, композитных) аффиксов типа *-нӑранпа (-нӑренпе): кайнӑранпа* «с тех пор как ушел», *килнӑренпе* «с тех пор как пришел» и т.д., хотя он правильно расчленил морфемы *-р-и (шыв-р-и* «то, что в воде»), *-т-и (килт-и* «то, что дома»), *-ч-и (ял-ӗ-н-ч-и)* «тот, кто в деревне».

И.П. Павлов много внимания уделял вопросу об интерфонемах (интерфиксах), и на этой основе сложные вопросы исторической морфологии решались им своеобразно, не научно.

Острая проблема, которая стоит перед чувашеоведами, — это вопрос о деривационных и реляционных аффиксах, в частности о качественных и относительных прилагательных. Это прежде всего вопрос о границах между существительными и прилагательными не только в чувашском, но и во всех тюркских языках. В данном вопросе также много неясного. Это говорит о том, что до сих пор в морфологии и словообразовании чувашского языка не все однозначно.

Много путаницы в исследовании И.П. Павлова в вопросах конверсии, словообразования наречий. Если верить доводам И.П. Павлова, то в чувашском языке теоретически

можно образовать несколько сотен тысяч (а может, и миллионы) наречий с так называемыми «деривативами» *-ла (-ле)*, *-лла (-лле)*, *-ӓн (-ӓн)* и т.д. На земном шаре около 3,5 тыс. языков (с учетом диалектов их число доходит до 7,5 тыс.), и все эти названия теоретически употребляются с аффиксом *-ла (-ле)*: *чайвашла, яппунла, марилле, пенджабилле* и т.д. Имена, фамилии, прозвища, названия животных, птиц, злаков также принимают этот аффикс: *Петӓрле, Петр Петровичла, Хусанкайла, урпалла, ырашла, сӓлӓлле* и т.д.

Видимо, И.П. Павлов не учел валентность аффикса *-ла (-ле)*. То же самое касается и аффиксов *-ӓн (-ӓн)*, *-чен*, *-серен* и т.д. Эти реляционные аффиксы превращены в деривационные.

Не разобравшись в тех и других вопросах, невозможно думать о научной (академической) грамматике чувашского языка, к тому же научные грамматики тюркских и других языков написаны группой авторов, а не одним исследователем.

Требуют особого внимания не только вопросы словообразования и словоизменения, но и формообразования, словоформообразования, словоформоизменения.

Для научной грамматики не менее важным или даже важнейшим является разработка вопросов о грамматических (морфологических) категориях, а также о некатегориальных формах.

До 80-х гг. XX в. языковеды придерживались тезиса Д.А. Штелинга о том, что морфологическая категория основана на оппозиции или противопоставлении двух (и не более) форм. И.П. Павлов следовал этой догме и не замечал отношения неоппозитивного различия, выдвинутого русоведом А.В. Бондарко и тюркологами В.Г. Гузевым, Д.М. Насиловым, В.И. Сергеевым. Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной связью ее смысла и всех формальных признаков, а также тотальностью употребления данной формы в пределах той или иной части речи. Аспект тотальности употребления формантов словоизменения проясняет категориальность форм, а аспект избирательности — формообразование.

Не разобравшись в вопросах категориальной и некатегориальной форм, не представив четко, что такое формо-

образование, словообразование и словоизменение, невозможно приступить к исследованию и оформлению вопросов научной (академической) грамматики.

Пока эти вопросы в работе И.П. Павлова остались открытыми. Между тем в чувашеведении они уже частично разработаны и ждут всеобщего утверждения и признания.

Скромно, достойно и достоверно вслед за Н.И. Ашмариным исследование И.П. Павлова мы можем назвать «Материалами для исследования чувашского языка», поскольку в работе имеется большой объем фактического материала, в «густоте» этого материала временами теряется сам автор и делает иногда ошибочные выводы (см. примечания редактора к каждому разделу исследования И.П. Павлова).

Образ И.П. Павлова, выдающегося чувашского лингвиста, человека исключительного благородства, большой душевной теплоты, достоин того, чтобы увековечить его. Очень важно, чтобы облик его как человека запечатлелся для будущих поколений, так думают его ученики. Как бы далеко ни шагнула в будущее наука о языке, как бы ни критиковали исследования И.П. Павлова, труды его навсегда сохраняют свое значение в качестве важного переходного этапа в истории чувашского языкознания. Считаю, что данное исследование И.П. Павлова должно быть издано в двух томах: «Морфемика, морфонология, словообразование» и «Морфология».

Раздел 1

МОРФЕМИКА

§ 1. Понятие о морфемике

Термин *морфемика*, как и термины *грамматика*, *морфология*, *синтаксис*, *фонетика* и т.п., употребляется в двух значениях: во-первых, это морфемный строй языка, совокупность морфем и их типы, во-вторых, раздел лингвистики, занимающийся изучением типов морфем и взаимоотношений морфем.

Морфемика — общая часть словообразования, морфологии и ономазиологии. Для того чтобы иметь представление о специфичности морфемики чувашского языка, желательно сопоставить ее с морфемикой флективных языков. Морфемика чувашского языка как языка агглютинативного строя имеет немало общих черт в словообразовании и значительные отличия от морфемики словоизменения флективных языков. Если словообразование флективных языков достигается суффиксами, а образование словоформ — флексиями, то в образовании слов и словоформ чувашского языка преобладает аффиксация. Аффикс в чувашском языке служит преобразованию корня и основы слова в словообразовательных и грамматических целях. Он характеризуется однозначностью в противоположность многозначности флексии.

В морфемике главное внимание уделяется морфемной структуре слова. Изучаются виды морфем по их месту в слове и функции; типы значений, выражаемых морфемами; функционирование в словоформах минимальных линейных значимых единиц; звуковые изменения, связанные с сочетаемостью значимых единиц языка.

Многие стороны морфемики чувашского и родственных тюркских языков обнаруживают явную близость. Но

фонемная структура морфем, звуковые, особенно морфологические изменения, происходящие при сочетании морфем, значительно обособляют чувашский язык даже в кругу близкородственных языков.

§ 2. Морфема и ее репрезентанты

Морфема в структуре языка — это наименьшая значимая единица, которая объединяет фонетические близкие, семантически тождественные морфы, характеризующиеся позиционным распределением.

Один и тот же членимый сегмент слова, выражающий то или иное значение, может быть назван и морфом, и алломорфом, и морфемой. Но употребление каждого термина связано с конкретной языковой ситуацией.

Если слово или словоформа расчленяются на значимые части, то каждая часть называется морфом. В слове могут быть представлены один или несколько морфов. Так, в слове *ёҫлеттереймерёмёр* «мы не смогли заставить работать» восемь морфов: *ёҫ-ле-ттер-ей-ме-р-ём-ёр*, а в слове *ёлёк* «прежде, в старину» только один морф.

В зависимости от позиции в слове тот или иной морф, сохраняя свое значение, может принимать несколько иное фонетическое отличие. Например, морф, выражающий значение однократного прошедшего времени, в словоформе *илтём* «я взял» (1 л., ед. ч.) имеет облик *-т-*. Но если перед показателем этого времени поставить выразитель отрицательного аспекта (*илмерём* «я не взял»), то тот же морф, обозначающий однократное прошедшее время, получит другой облик — *-р-*. Если же данное действие совершило не 1, а 3 лицо (*илчё* «он взял»), то морф времени, стоящий перед морфом 3 лица, выступает в облике *-ч-*. В итоге может сложиться впечатление, что в каждой словоформе для выражения значения одного и того же времени используются разные морфемы. Но с таким мнением трудно согласиться. Во-первых, эти различия в морфах времени связаны с альтернативой фонем *[р]*, *[т]*, *[ч]*. Фонема *[т]* чередуется с фонемой *[р]* и с фонемой *[ч]*. Во-вторых, по значению морфы *-р-*, *-т-*, *-ч-* выражают одно и то же время. Различ-

ные морфы, представляющие одну и ту же морфему, принято называть алломорфами.

По характеру экспонента (материального показателя) морфемы бывают сегментными, нулевыми и супрасегментными [10, с. 133—143]. В вышеприведенных примерах морфемы являются сегментными. В языке главенствующую роль играют сегментные морфемы, а нулевые и супрасегментные морфемы — вспомогательную роль.

Характерной особенностью морфемы является ее воспроизводимость. Морфемы не создаются в результате творческого акта. Они в ходе контакта извлекаются людьми из памяти в качестве готовых единиц.

Правда, количество морфем постепенно растет в результате диахронического процесса развития языка. Можно указать на некоторые, более известные пути образования морфем:

а) от служебных слов; например, морфема *-шӑн* (*-шён*), обозначающая значение причинно-целевого падежа (*миршён* «за мир»), образована от общетюркского послелого *чин* «для, ради; из-за того, что»;

б) в результате диахронического перехода деривационной морфемы в реляционную; например, морфема *-ма* (*-ме*), образующая супины и отсупинные имена (*сырма* «река», *каҫма* «переправа» и др.), совпала с морфемой инфинитивной формы глагола: *ташлама вӗрен* «научиться плясать» (в связи с утратой ауслаутного *-а*);

в) путем соединения (слияния) двух служебных морфем; например, морфема *-иччен* <*-и-* + *-ччен*^{1*}, выражающая время действия (*кайиччен* «прежде чем уйти»);

г) в результате чередования фонем; например, *кайтӑр* «пусть уходит» — *кайчӑр* «пусть уходят»; форма, содержащая фонему *[t]*, обозначает действие одного лица, форма, содержащая фонему *[ʈ]*, — действие множества лиц и др.

Морфема должна повторяться в ряде слов (как минимум в двух словах); например, в словоформах *хула-ра* «в городе», *вӑрман-та* «в лесу», *арча-ра* «в сундуке» морфема *-ра* (*-та*) выражает местонахождение чего-либо; в сло-

* Цифры на верхней линии шрифта соответствуют порядковому номеру примечаний и комментариев, которые даны в конце книги к каждому разделу отдельно. — *Ред.*

воформах *пахча-çă* «огородник», *сунар-çă* «охотник», *юрă-çă* «певец» морфема *-çă* обозначает лицо по объекту.

Следует констатировать также, что термин *морфема* является родовым. Он объединяет видовые понятия: корень, аффикс, префикс, постфикс и т.п.

§ 3. Сегментные морфемы

Сегментные морфемы разделяются на два больших класса: 1) корни и 2) аффиксы. Они противопоставлены друг другу по целому ряду признаков: а) по фонемному составу, б) по характеру выражаемого значения и в) по их функции в составе слова.

Сегментная морфема может состоять из одной или нескольких фонем. Но в чувашском литературном языке нет однофонемных корневых морфем. Они бывают лишь среди аффиксальных: *вăрман-а* «в лес», *тăван-у* «твой родственник». Протяженность корневой морфемы в среднем больше протяженности аффиксальной морфемы. Но аффиксальные морфемы нередко бывают длиннее корневых морфем, они могут состоять из двух-трех слогов: *кай-сассăн* «когда ушел», *кай-массерен*² «каждый раз, когда уходил», *кай-нăран-на*³ «с тех пор как ушел».

Вокализм корня богаче вокализма аффикса. Фонемы *|ь|* и *|о|* встречаются только в составе корневых морфем. Фонема *|о|* присуща лишь корням заимствованных слов.

Чувашскому языку несвойственно зияние двух гласных фонем в составе как корневых морфем, так и аффиксальных. Оно возможно лишь в заимствованных корнях: *аэроплан*, *соус* и др.

Именные корни (сплошь и рядом) могут оканчиваться на редуцированные гласные фонемы *|ă|* и *|ĕ|* (*утă* «сено», *вĕтĕ* «мелкий», *икĕ|ĕ* «два», *эпĕ* «я»), в ауслауте глагольных корней эти фонемы не употребляются.

Если фонемный состав корневой морфемы отличается относительной устойчивостью, то фонемный состав аффиксальной морфемы нередко подчиняется фонемному составу корневой морфемы, и вследствие этого вся словоформа бывает или твердой, или мягкой. Конечно, здесь возможны исключения.

Среди гласных фонем переднего ряда в составе аффиксальных морфем фонема *|и|* отличается тем, что она не может повлиять на смягчение ауслаутной твердой согласной фонемы предшествующей морфемы: *алă* «рука» + *-и* > *алли*; *ăймăл* «легкий» + *-и* > *ăймăлли*; *ăрман* «лес» + *-та* + *-и* > *ăрманти* «тот (из них), кто в лесу».

§ 4. Особенности корневых и аффиксальных морфем по характеру выражаемого значения

К о р н е в а я м о р ф е м а является носителем основного лексического значения родственных слов, исходной точкой для их образования. Она соотносится с явлением реальной действительности. Не существует слов без корня. Чувашский язык в большинстве случаев характеризуется, как и другие тюркские языки, четкой выделяемостью корневой морфемы. Она встречается на правах показателя, обычно можно определить, к какой части речи она относится. (В словарях корневые морфемы без дополнительных грамматических морфем выступают в качестве словарных единиц.)

Как главный носитель материального значения слова, корень сохраняется во всех словах даже тогда, когда они относятся к разным частям речи, например: *ёç* «работа, труд», *ёçле* «работать, трудиться», *ёçлев* «труд», *ёçлĕ* «деловой», *ёçлĕх* «работоспособность», *ёçлĕхлĕ* «трудолюбивый», *ёçлĕхсĕр* «ленивый», *ёçсĕр* «безработный», *ёçсĕрлен* «бездельничать», *ёçсĕрлĕх* «безработица», *ёçтăвком* «исполком», *ёçхĕл* «дело», *ёçчен* «трудолюбивый», *ёçченлĕх* «трудолюбие», *ёçялкор* «рабселькор»; *кур* «видеть», *курăн* «виднеться», *курăну* «появление», *курмăш* «судьба, доля, участь», *курнăç* «видеться», *курнăçлан* «кривляться», *курнăçланчăк* «ломака, кривляка», *курнăçлă* «ломающийся, кривляющийся, приговорный», *курнăсу* «свидание».

Так образуются гнезда однокоренных слов.

А ф ф и к с а л ь н ы е м о р ф е м ы не имеют самостоятельных значений. Они сопровождают корневую морфему, а также основу слова и играют в слове служебную роль, выражая словообразовательные и словоизменительные значения.

Деривационные (словообразовательные) морфемы могут присоединяться не только к корневой морфеме, но и к другой деривационной морфеме, которая, в свою очередь, присоединена к корневой морфеме. Если в производном слове имеется несколько деривационных морфем, то только последняя морфема указывает на часть речи, к которой относится слово. Так, слово *ṣāml(ā)amas* «шерстистый, мохнатый» относится к разряду имен прилагательных, так как кончается аффиксом *-amas*. По последней деривационной морфеме узнаем также, что слова типа *nuṭar|y|lāḥ* «дарование, способности», *ṣāl|ān|āṣ* «спасение» относятся к именам существительным, слова *tyt|kān|la* «пленишь; брать в плен», *irēk|cēr|le* «принуждать, неволить» — к глаголам, слова *ṣātār|ṣā|lla* «вредительски», *kan|āṣ|cār|ān* «беспокойно, тревожно» — к наречиям, так как каждая часть речи имеет свой набор деривационных морфем.

Словоизменительные морфемы сходны с деривационными, они как в структуре плана содержания, так и в структуре плана выражения передают по одному словоизменительному значению.

Такое важное сходство деривационной и реляционной морфем имеет немаловажное значение в историческом развитии языка, деривационная морфема в результате развития одного из значений может отделиться и перейти в грамматическую (словоизменительную) морфему. Так, одно из значений субстантивного имени прилагательного на *-cār* (*-cēr*) в результате регулярного употребления в объективной функции стало выступать в значении лишительного падежа имен существительных. Ср.: *achācār ṣeme* «бездетная семья». — *Achūcār mēnle purānān-ha?* «Как же будешь жить без своего ребенка?» Отглагольное имя прилагательное на *-a* (*-e*), активно выступая в такой же функции, также отделилось и стало употребляться в качестве формы глагола, выражающей обстоятельство временное значение: *ṣavra ḥāira* «круглое точило» — *Al armanne ṣavra-ṣavra ywānsaḥ ṣitrēm* «Я совершенно выбился из сил, долго вращая ручную мельницу».

Как правило, за корневой морфемой располагаются словообразовательная, затем словоизменительная морфемы. Так, в словоформе глагола *kurmarāyār* «мы не видели» содержатся: а) корневая морфема *kur-* «видеть»; б) словоизме-

нительная морфема *-ма-*, выражающая значение отрицания; в) словоизменительная морфема *-р-*, выражающая значение однократного прошедшего времени; г) словоизменительная морфема *-йм-*, выступающая со значением 1 лица; д) словоизменительная морфема *-ър* со значением личной множественности. По наличию в данной словоформе словоизменительной морфемы отрицания определенно можно сказать, что слово относится к глаголам, ибо эта морфема присуща только данной части речи, а по участию словоизменительных морфем лица и личного числа трудно определить, к какой части речи относится основа слова, так как обе морфемы могут участвовать не только в глагольной словоформе, но и в словоформах других частей речи — имен существительных (*юлташймър* «наш товарищ»), имен числительных (*тăватсăмър* «мы вчетвером»), местоимений (*пурсăмър* «мы все»), а также в атрибутивной временной форме глагола предшествования (*курассăмър* «наше видение будущего»).

§ 5. Особенности функций корневых морфем

Корень (или сочетание корней) образует смысловое ядро и структурный центр слова. А деривационная морфема вместе с корнем формируют целостное лексическое значение слова. При сочетании корня *чул* «камень» с деривационной морфемой *-лă* образуется слово *чуллă* «каменистый». А сочетание корней *сайкар* «хлеб» и *тайвар* «соль» образует обобщенное значение парного слова *сайкар-тайвар* «пища, еда, съестные припасы».

Одно из значений деривационного аффикса отчетливо выражает место, изобилующее тем, что обозначено словообразующей основой: *сайкалах* «липняк», *хурăллах* «березняк». (О других значениях данного аффикса см. в разделе «Словообразование».)

Реляционные морфемы несут чисто вспомогательные функции, но прямо связаны с передачей смысловых значений. Например, морфема *-рех* передает значение сравнительной степени (*сёнёрех* «более новый, новее», морфема *-ран* имеет соединительную функцию, выражает исходное место (*хула-*

ран «из города»). От присоединения этих морфем к корневой морфеме или основе не изменяется лексическое значение основы.

Следует заметить, что в чувашском языке нет формально классифицирующих морфем, выражающих такие значения, как род, спряжение, вид, присущие флективным языкам.

§ 6. Виды и функции аффиксальных морфем

А ф ф и к с ы* — служебные морфемы. Они выступают с дополнительным словообразовательным или грамматическим значением. Аффиксы не существуют вне слов, они сопровождают корневую морфему. Аффиксальная морфема обязательно повторяется в составе разных слов.

Аффикс — общий термин для всех некорневых сегментных морфем, входящих в состав слова.

Ввиду того, что в тюркских языках аффикс не делится на виды, отличающиеся друг от друга в зависимости от занимаемой по отношению к корню позиции (префиксы, суффиксы и постфиксы), исследователи-тюркологи пользуются только родовым термином *аффикс* [4, с. 43—44]. До недавнего времени термином *аффикс* без подразделения на виды пользовались и исследователи чувашского языка. Но поскольку в грамматике чувашского языка все же бытуют вышеуказанные виды аффиксов, для отображения специфики языка желательно пользоваться всеми этими терминами.

Префиксы располагаются перед корневой морфемой. В чувашском языке их незначительное количество. Так, с помощью префиксов *та-* (*те-*), *ни-* от вопросительных местоимений образуются неопределенные и отрицательные местоимения: а) *та-кам* > *такам* «кто-то», *те-мё́нле* «какой-то, каким-то образом» и др.; б) *ни-мё́н* > *нимё́н* «ничто», *те-пёр* > *тепёр* «другой».

Частица *ан-* может выступать в качестве формообразовательной морфемы, присоединяясь ко 2 и 3 лицу.

В отличие от префиксов, аффиксы располагаются после корня и основы или за другим аффиксом.

*В чувашском языкознании принят термин *аффикс*, а не *суффикс*. — *Ред.*

Аффиксы чувашского языка образуют слова или передают грамматические значения. У каждой части речи бывают свои деривационные аффиксы. Так, аффиксы *-çă (-çĕ)*, *-у (-ÿ)* используются только для образования имен существительных (*юрăçă* «певец», *вĕçевçĕ* «летчик», *куçаруçă* «переводчик», *танлаштару* «сравнение», *ăнăçу* «удача», *çĕнтерÿ* «победа»); аффиксы *-лă (-лĕ)*, *-амас (-емес)* — только для образования имен прилагательных (*вăйлă* «сильный», *тавлашуллă* «спорный», *илемлĕ* «красивый»); аффиксы *-лан (-лен)*, *-ăл (-ĕл)* — для образования глаголов-рефлексивов (*симĕслен* «зеленеть», *шултралан* «становиться крупным», *кукăрăл* «становиться кривым», *самăрăл* «полнеть»).

Определенный набор словоформ с грамматическими аффиксами образует парадигму той или иной грамматической категории; например, падежные аффиксы образуют парадигму падежных форм.

Грамматические категории, образованные при помощи аффиксов, бывают двух типов. Одни из них связаны только с одной частью речи. Так, категории кратности, аспекта имеют отношение только к глаголу. В то же время в языке имеется категория выделения, образуемая с помощью аффиксов *-и (-хи)*, *-скер*, которые могут создавать формы от слов многих знаменательных частей речи: *ман-р-и* «то, что (находится) у меня», *вула-нă-скер* «то, что прочитано».

Аффиксы лица и личного числа, употребляемые с глаголами, могут находиться в составе словоформ других частей речи.

К постфиксам относятся аффиксы *-и (-чĕ)*, *-сам (-сем)*. Постфикс *-и (-чĕ)* образует временную форму глаголов и имен и употребляется главным образом в словах с синтаксической функцией сказуемого: *Энĕ студентчĕ* «Я (тогда) был студентом»; *Энĕ айна курнăччĕ* «Я (тогда) видел было его». Постфикс *-сам (-сем)* выражает модальные оттенки глаголов повелительного наклонения (главным образом вежливости: *Маларах иртсем* «Проходи, пожалуйста, вперед»).

Характерной особенностью постфиксов является то, что они располагаются в абсолютном конце слова, после словоизменятельных аффиксов, и не меняют словоизменятельных свойств слова: *каясчĕ* «пойти бы (мне)», *хулараччĕ*

«в городе был(и) тогда», *канайрсам* «отдохните, пожалуйста».

В последнее время постфикс *-сам (-сем)* стал перемещаться, его начали ставить перед аффиксом личного множественного числа: *паллаштарсамайр* «познакомьте, пожалуйста (нас друг с другом)». Присоединяясь к словоформам, постфикс сообщает им дополнительные оттенки, обычно выражаемые частицами.

По положению, занимаемому в структуре слова, каждый вид служебной морфемы также своеобразен: словообразовательные морфемы находятся ближе к корневой морфеме, дальше следуют словоизменятельные морфемы. Правда, некоторые аффиксы занимают промежуточное положение в определенной позиции словообразования, например, аффиксы категории выделения могут присоединяться и к словообразовательной морфеме. В таких случаях, естественно, после них снова может находиться словоизменятельная морфема, например, *вайлайскерсем* «те, кто силён».

Неодинаковость грамматических и неграмматических морфем видна и в том, что словоизменятельные морфемы образуют целые комплексы в виде определенной парадигмы, а словообразующие аффиксы представляют одиночные морфемы, которые присоединяются к основам каждая сама по себе. Кроме того, если грамматические морфемы употребляются со всеми словами, входящими в состав определенной части речи, или с большинством из них, то неграмматические сочетаются только с ограниченным кругом слов.

§ 7. Варианты морфем

В школьных учебниках не различают термины «варианты» и «алломорфы». В целях упрощенного объяснения языковых явлений в учебниках пользуются только термином «вариант». Но в научной грамматике следует установить границу между вариантами морфем и алломорфами. Если различие между алломорфами объясняется их позицией в слове и объединяются они в морфему только тождественностью по значению, то варианты морфем тождественны не только по значению, но

и по позиции в слове. Таковы, например, варианты морфем обстоятельственной условно-временной формы предшествования *-сан (-сен)* и *-сассайн (-сессён)*: *килсен* и *килсессён* «когда (если) приходил(и)»; варианты морфем творительного падежа *-на (-не)*, *-нала (-пеле)*, *-палан (-пелен)*: *урампа*, *урамнала*, *урампалан* «по улице, (с) улицей»; варианты морфем инфинитива *-ма (-ме)* и *-машкён (-мешкён)*: *вулама*, *вуламашкён* «читать»; варианты деривационных морфем имени существительного *-кач (-кёч)* и *-кас (-кёс)*: *тыткас* и *тыткач* «рукоять, рукоятка», *тёркас* и *тёркач* «коньки», *уралтаркас* и *уралтаркач* «вытрезвитель». Варианты в любых позициях свободно могут заменять друг друга. Если алломорфы находятся в отношениях свободного дополнительного распределения, то варианты морфем появились в языке диахронически.

Вариантов служебных морфем в языке намного меньше, чем корневых.

Наличие вариантов корневых морфем объясняется разными причинами:

а) появлением новых заимствованных слов при наличии старых (дело в том, что старые заимствования проникли в язык устным путем, а новые — через письменную речь); ср.: *пуйас* — поезд, *парахут* — пароход, *саккун* — закон, *шкап* — шкаф и др.;

б) вставкой или пропуском редуцированных фонем [ä], [č] или слогов с этими фонемами (как в анлауте, ауслауте, так и инлауте) по ходу речи: *(ё)рет* «ряд», *(ä)расна* «разный», *(ё)рехлен* «нежиться», *тул(ä)* «пшеница», *сар(ä)* «желтый», *ев(ё)ч(ё)* «сваха», *пул(ä)с(ä)* «рыбак», *тем(ён)* «что-то», *ним(ён)ле* «никакой» и др. (В сочетаниях терминологического и фразеологического характера, а также в парных словах предпочитается краткий вариант: *йыт сёмёрчё* «крушина ломкая», *чёр тавар* «сырье», *вут пусси* «головня», *тип шар* «неожиданная беда», *чёр кёмёл* «ртуть», *чёр чун* «живое существо», *сас палли* «буква», *сив чир* «малярия, лихорадка», *хай чикки* «светец», *вай вяля* «играть в игру», *чях-чён* «домашняя птица (кроме водоплавающей)»; варианты употребляются в свободных сочетаниях: *чёрё ача* «бойкий ребенок», *чёрё вут* «сырые дрова», *вай юрисем* «игровые песни». Некоторые подобные сочетания с краткими и полными вариантами употребляются в разных значениях, *тип сёр* «суша» —

тинё сёр «сухая земля»; *пуш хир* «пустыня» — *пушй хир* «голое (незаселенное) поле»; *сар каййак* «иволга» — *сарй каййак* «желтая птица» и др.)

в) проникновением в литературный язык слов из разных диалектов и говоров: *чёрке* — *чърка* «обёртывать», *лёнчэ-лёнчэ* — *ләнчй-ләнчй* «слабый, нетугой», *михё* — *маййх* «мешок», *лўчёркен* — *лучъркан* «мяться, комкаться», *кўпчек* — *кёпчек* «ступица (у колеса)» и др.

Алломорфы некоторых служебных морфем утрачивают зависимость от морфонологических позиций и начинают употребляться как компоненты вариантов. Так, после имен существительных с согласными в ауслауте могут употребляться оба алломорфа морфемы 3 лица: *йъмра туратти* — *йъмра турачё* «ветка ветлы», *нўрт кётесси* — *нўрт кётесё* «уголок дома», *кўриёсен ласси* — *кўриёсен ласё* «лачуга соседей», *хула сынни* — *хула сынё* «городской человек».

Очевидно, основы существительных с согласными в ауслауте в древнем языке имели редуцированную гласную фонему *[ǣ]* или *[ǣ̃]*, и в 3 лице к этим основам присоединялся морф *-и*. Об этом же говорит факт удвоения согласного перед морфом *-и*. Но со временем редуцированная фонема основы утратилась, а форма 3 лица сохранила прежний облик. Примерно в это же время к новой (краткой) основе существительного (т.е. с согласным в ауслауте) стал присоединяться алломорф 3 лица *-ё̃*. В настоящее время в подобных случаях идет борьба между двумя формами. Показатели 3 лица *-ё̃*, *-и* выступают не как алломорфы, а как варианты. Победит в литературном языке морф *-ё̃* или морф *-и* — покажет время.

Несколько иное положение наблюдается в употреблении алломорфов местного и исходного падежей в положении после существительных с сонорными *[л]*, *[н]* в ауслауте. После природных чувашских слов следуют, как правило, алломорфы с фонемой *[т]* в ауслауте: *върманта* «в лесу», *ялта* «в деревне», *Хусанта* «в Казани», *Атълта* «в (на) Волге». Но после заимствованных существительных на *[л]*, *[н]* большей частью присоединяются морфы *-ра*, *-ре*, *-ран*, *-рен*. По-видимому, это связано с тем, что фонемы *[л]*, *[н]* в заимствованных словах произносятся глуше, поэтому в ауслауте аффиксы не употребляют *[т]*. В настоящее время употребление того или ино-

го морфа еще не определилось, и алломорфы местного падежа *-та (-те)* и *-ра (-ре)*, исходного падежа *-тан (-тен)* и *-ран (-рен)* выступают как варианты.

Некоторые исследователи считают явление вариантности форм избытком грамматического выражения, нарушением закона знака в сторону увеличения внешних различий без установления соответствующих им внутренних различий.

Но следует ли бороться с произвольным появлением вариантных форм?

Варианты отражают изменения, постоянно происходящие в языке. Поэтому при нормализации литературного языка приходится допускать одновременное использование вариантов, компромиссную форму, согласно которой варианты в лингвистическом отношении признаются сравнительно равноценными.

Если один из вариантов употребляется в двух значениях, то он не может быть рекомендован как приемлемая разновидность для литературного языка. Так, некоторые коммуниканты употребляют форму типа *редакцинче* вместо формы *редакцире*, забывая, что первая форма имеет также значение 3 лица («в его (их) редакции»). Если варианты могут употребляться в одной и той же позиции и заменять друг друга, то не можем этого сказать по поводу форм *редакцире* и *редакцинче*. У коммуникантов вызовет недоумение, если кто-либо вместо *хаҗат редакцинче* употребит *хаҗат редакцире* или вместо *Канаи станцинче* — *Канаи станцире*. Формы *станцинче*, *редакцинче* предполагают наличие определяющего слова, *Канаи станцинче*, «*Хыпар*» *хаҗат редакцинче*.

Авторы художественных произведений могут умело использовать варианты в случаях, когда необходимо отразить неоднородность значений двух однородных форм. Ср., например, употребление вариантов аффикса творительного падежа:

Тем майпа, тем шутпалан вӑл
Тӑрса юлнӑ пӑр-пӑччен (П. Хусанкай)
«Каким-то образом, с какой-то целью он
Остался один-одинешенек».

Из примера видно, что для показа различия функций показателей творительного падежа П. Хузангай правильно использовал варианты формы.

§ 8. Об аффиксоидах в чувашском языке

В общем языкознании под термином *аффиксоид* понимается корневая морфема, приобретающая в составе производного (сложного) слова функции служебной морфемы (аффикса, префикса, суффикса). В фонетическом плане аффиксоид устойчив, повторяется с одними и теми же значениями в разных словах. Ср. примеры с суффиксоидом *-вод* из русского языка: *хмелевод*, *полевод*, *птицевод*, *овощевод*, *садовод*, *кукурузовод*, *пчеловод*, *животновод* и др.

В чувашском языкознании некоторые авторы хотят видеть аффиксоиды (суффиксоиды) в лице сегмента — *ушши* (*-ушши*), *-ашши* (*-ешши*) в словах типа *улмушши* «яблоня», *хутрушши* «мотовило», *шанушши* «цеп (молотильный)», *партушши* «притужальник, притыкальник», *урлушши* «стопорный рычаг», *ярмушши* «воробы», *шатмарашши* «сковородник», *пучушши* «лукошко», *кёнчелешши* «прялка» и префиксоиды в лице сегментов *ан-*, *каш-*, *пи-*, *ас-* в словах *анкарти* «огород», *кашат* «валенки», *пишхи* «пояс», *асатте* «дедушка», *асанне* «бабушка» [19, с. 18–20].

Однако вышеприведенные чувашские слова не соответствуют общепринятому положению о синхроническом словообразовании сложных производных слов. В так называемых сложных словах чувашского языка типа *анкарти*, *кашат*, *улмушши*, *асатте* произошли диахронические изменения. Компоненты бывших словосочетаний срослись друг с другом до такой степени, что утратили способность к делению и их вполне можно относить не к сложным, а к простым словам.

Корневые морфемы в составе сложных слов потому и называются аффиксоидами (префиксоидами, суффиксоидами), что они постоянно воспроизводятся и продуктивно образуют новые слова, но не утрачивают своего первоначального облика. В приведенных же выше чувашских словах произошли довольно заметные фонетические изменения, поэтому не предвидится образование подобных слов по модели, содержащей аффиксоиды.

§ 9. Связанные корни (радиксоиды)

Корень слова бывает свободным, если он употребляется в качестве самостоятельного слова. Он считается связанным, когда оказывается только в окружении деривационных или реляционных, а также корневых морфем.

Чувашские корневые морфемы нередко могут выступать и в связанном виде. Их мы встречаем в качестве лишённых определённого значения главным образом в сочетании с деривационными аффиксальными морфемами, но возможно употребление связанных корней и в составе парных слов.

Связанные корни по-другому именуют *радиксоидами* (лат. *radix* «корень»; греч. *oid* «подобный»).

Радиксоиды существуют при определенных типах. Ср. *хӓт-ӓл* «спасаться», *хӓт-ар* «спасать»; *ӓрке-н* «лениться», *ӓрке-в* «лень». Сегменты *хӓт-* и *ӓрке-* не могут мотивировать значение так называемого слова, хотя по деривационным аффиксам можно подумать, что они относятся к глаголам, потому что дериваторы при них (радиксоидах) образуют новые слова только от глаголов.

Вот радиксоиды в составе парных слов: *сас-хура* «слух, молва», *ӓйт-качка* «собакообразные (общее название собак)», *тути-маци* «вкусовые качества». Компоненты *хура*, *качка*, *маци* самостоятельно не употребляются, но они способствуют выражению значений обобщающего характера.

В чувашском языке некоторые радиксоиды получили возможность употребляться при участии грамматических морфем. Так, в ауслауте возвратно-личных местоимений *ха-м* «я сам», *х-у* «ты сам», *хӓ-ӓ* «он сам» выступают личные аффиксы, а сегменты *ха-*, *х-*, *хӓ-* самостоятельно не употребляются. Вполне определённо можно сказать, что они являются реликтовыми алломорфами радиксоида возвратного местоимения. В местоименных формах *ле-ре* «там», *ле-рен* «оттуда», *ле-шӓ* «тот, другой» ясно вычлениваются падежные и личные аффиксы, а сегмент *ле-* характеризуется остаточной выделяемостью из составов словоформ бывшего указательного местоимения. В таких случаях смысловая тяжесть переносится на словоизменятельные аффиксы.

Среди терминов родственных отношений следует отметить термин, обозначающий младшего брата. Он образован

из радикаоида и личных аффиксов: *шӑллӑм* «мой младший брат», *шӑлла* (или *шӑлну*) «твой младший брат», *шӑллӗ* «его младший брат».

Радиксоиды выступают не менее чем в двух словах или словоформах. Но в языке имеются также корневые квази-морфы. «Понятие корневого квазиморфа вводится для описания единиц с низкой семантической значимостью и неясными значениями» [9, с. 174]. «В отличие от обычных морфем корневые квазиморфы, или квазикорни, характеризуются полной связанностью...» [9, с. 310].

Вот некоторые примеры из чувашского языка: *тӗрлӗ* «разный, различный», *хӗрлӗ* «красный», *вирлӗ* «крепкий, энергичный», *кирлӗ* «нужный» и др. Они относятся к прилагательным. Возможно, конечный сегмент *-лӗ* является деривационным аффиксом и означает «имеющий то, что выражено производящей основой». Но что передают производящие основы в указанных словах?

Радиксоиды и квазикорни не могут быть образцом для создания новых слов по аналогии. Все лексические новообразования строятся по принципу ясности каждой морфемы. Иначе нет смысла образовывать новые слова.

Но в последние десятилетия в языке чувашских газет и журналов сложилась сомнительная практика образовывать слова, не обращая внимания на значения производящей основы. Обычно авторы берут корневую морфему, не совпадающую со свободным словом и усложнённую русским интерфиксом, и к ней прибавляют чувашский дериватор. В результате получается трудно мотивируемая производная основа, как в словах, содержащих радикасоиды или квазикорни. Например, производное прилагательное *агрессивный* в конструкции *агрессивная политика* в существующих словарях переводят формой *агрессивӑ*. В ней *-ӑ* является дериватором чувашского прилагательного. Возникает вопрос: на каком основании прибавили его к сегменту *агрессив*? Ведь непонятен он чувашам, так как нет такого слова в их языке. Нам отвечают: «На том же основании, что и слова *кирлӗ*, *вирлӗ*». Получается, что авторы образовали слово от несуществующей основы, или квазикорня. И это они считают законным и нормальным явлением. Но ведь в русском языке слово *агрессивный* образовано от слова *агрессия* (см. «Словообра-

зовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова). Почему бы не перевести русскую определенную конструкцию *агрессивная политика* на чувашский язык изафетной конструкцией *агресси политики*? В ней, во-первых, нет необходимости иметь дериватор *-лй*, во-вторых, для перевода относительного прилагательного русского языка достаточно иметь форму основного падежа имени существительного.

§ 10. О заимствованных морфемах

Заимствование — это перенесение элемента (морфемы, слова и др.) из чужого языка в родной язык. Приспосабливания заимствованных элементов языка к правилам заимствующего языка бывают в разной степени адекватными. Так, слова, заимствованные устным путем, часто трудно отличить от природных, а книжные заимствования сохраняют не только фонетические особенности, но и словообразовательные и грамматические компоненты. Ср.: а) *кёрепле* < *грабли*, *менелник* < *именинник*, *катаччи* < *кататься*, *шушчйк* < *счетчик*, *шушкй* < *сушка* и др.; б) *председатель*, *табуретка*, *стрелка*, *колхозник* и др.

Чувашский язык в ранний период своего развития заимствовал слова из языков агглютинативного строя — из монгольских, финно-угорских источников. Признаки заимствованных слов из вышеуказанных языков почти не ощущаются, они нивелировались в заимствуемом языке, правда, невозможно определить их морфологическую структуру без специального этимологического анализа.

Новый период характеризуется заимствованиями из флективных языков (главным образом русского). Из русского языка заимствованы в основном термины и иные лексические единицы.

Чтобы говорить об освоении из русского языка аффиксальных морфем, у нас нет никаких фактических данных. До сих пор при помощи перенятых словоизменительных морфем не было образовано ни одной грамматической категории, а с помощью деривационных морфем не было создано ни одного производного слова чувашского языка. Значит, язык продолжал обходиться исконными служебными морфемами.

Что же касается заимствованных лексических морфем из русского языка, здесь многое зависит от того, каким образом они заимствуются — через устную или письменную речь. Морфологически сложные слова, заимствованные устным путем, подвергаются упрощению и воспринимаются как простые слова, т.е. как лексические морфемы, ибо в них не берутся во внимание ни деривационные аффиксы, ни окончания, ни префиксы, а также компоненты сложного слова: *ямшйк* (< *ямщик*), *укълча* (< *околица*), *пйтавка* (< *пудовка*), *прасник* (< *праздник*), *тесетник* (< *десятник*), *пйравус* (< *паровоз*).

Заимствованные через письменную речь слова (новозаимствования) оберегаются от искажений фонетического и грамматического облика: *летчик*, *колхоз*, *председатель* и др. Хотя подобные слова состоят из понятных значимых частей и членятся на значимые части русского языка, их невозможно заменить значимыми частями чувашского языка. Поэтому заимствованные слова в речи чувашей должны рассматриваться как неосвоенные простые (непроизводные) слова или неосвоенные лексические морфемы.

Грамотные люди, хорошо представляющие структуру русского слова, при наличии ясно выраженной производящей основы и возможности заменить служебную морфему чувашской служебной морфемой допускают морфологические освоения: *принципиальность* — *принциплӑх*, *варварство* — *варварлӑх*, *агрессивность* — *агрессилӑх*. Факт замены служебной морфемы в неродном слове говорит о том, что коммуниканты в большинстве случаев умеют делить русские слова на значимые части: *безответственность* — *ответсӑрлӑх*, *витаминный* — *витаминлӑ*, *сортировать* — *сортла*, *рапортовать* — *рапортла* и др. Умение делить русские слова на значимые части важно для переводчиков и для авторов. Но нередко при переводе русских слов авторы не могут правильно выделять производящие основы, в том числе корневые морфемы, и образовывать от них при помощи чувашского дериватора производные слова. Так, слово *агглютинативный* переводят формой *агглютинациллӑ* (вместо *агглютинациллӑ*), *эффективный* — *эффективлӑ* (вместо *эффектлӑ*), *продуктивный* — *продуктивлӑ* (вместо *продуктлӑ*), *абстрактный* — *абстрактлӑ* (вместо *абстракциллӑ*) и др. В затруднительных случаях надо обращаться к словообразовательному словарю и выявлять, от какого сло-

ва образовано то или иное слово. Ведь в чувашском языке слова образуются от производящей основы, после которой не используются вставочным элементом.

§ 11. Слияние нескольких служебных морфем в одну

В составе слова из рядом стоящих аффиксов один утрачивает свое значение, перестает сочетаться с другими аффиксами, и два аффикса, сливаясь воедино, начинают выступать в качестве отдельной морфемы. Например, в словоформе *кунёне* аффикс 3 лица утрачивает свое значение. В результате аффикс творительного падежа тоже утрачивает свое значение, и два суффикса сливаются в один, и целый комплекс морфем превращается в наречие. Аффикс *-ёне (-ине)* — словообразовательный⁴.

Далее приведены примеры с подобными явлениями.

1. Сочетание аффикса причастия возможности *-и* с послелогом — аффиксом *-ччен* образует деепричастный аффикс *-иччен* со значением «до совершения действия, указанного в основе глагола»: *кайиччен* «прежде чем пойти».

2. В результате сочетания аффикса причастия прошедшего времени *-нй (-нё)* с сокращенным послелогом *-сем (ён)* выражается действие, по мере развития которого постепенно развивается другое действие (в лучшую или худшую сторону). По-русски это передается сочетаниями слов «по мере того, как... ; чем больше... тем больше...» Например: *Малалла утнйсемён траншея тарйланать* (Илпек М.) «Чем дальше они идут, тем глубже становится траншея».

3. Прежний послелог *-серен* сочетался в прошлом с супинном на *-ма (-ме)*. В современном языке супинное значение суффикса *-ма (-ме)* стёрлось, сочетание его с *-серен* может восприниматься как один аффикс деепричастия. *Кайма-лӑх, кайма-лла, кайма-с(с)ерен* и т.д. образованы от супина *кай-ма*. Это однозначно!

Деепричастие на *-массерен (-мессерен)*⁵ имеет только одно временное значение, которое соответствует русским словосочетаниям «всякий раз, как...; каждый раз, как...; всякий раз, когда... ». При совершении каждого деепричастного дей-

ствия обязательно совершается другое. Например: *Кашни сиџём сиџмессерен аса сапса кимёрет* (Џ. Элкер) «Каждый раз, когда сверкает молния, гремит гром».

4. Аффикс деепричастия *-уџан (-ўџён)*⁵ образовался сочетанием аффиксов *-у (-ў)* + *-џа (-џё)* + *-н*. Сложный аффикс выступает со значением «по мере выполнения действия, выраженного основой глагола». Например: *Хулана кайуџан пирён пата кёрсе тух-ха* «Будешь в городе, зайди-ка к нам».

5. Сочетание аффикса причастия прошедшего времени *-нй (-нё)* с аффиксом исходного падежа *-ран (-рен)* и аффиксом творительного падежа употребляется как сложный деепричастный аффикс со значением «с тех пор, как было сделано действие, указанное основой глагола». Например: *Въл таврән-нйранна пёр сул џитрё* «С тех пор, как он вернулся, прошел год».

6. Сочетание инфинитивного аффикса *-ма (-ме)* с аффиксом наречия *-лла (-лле)* выступает как аффикс причастия долженствования. Например: *Эпир џмъртмалла вялярџмър* «Мы играли вперегонки».

7. Сочетание супинного аффикса *-ма (-ме)* с аффиксом имяобразования *-лџх (-лџх)* выражает значение необходимости совершить действие, выраженное основой глагола, и выступает как аффикс причастия долженствования. Например: *Юрла-малџх сассџм пур, ташламалџх пџвџм пур* «Для того, чтобы петь, у меня есть голос, для танца — стан».

8. Сочетание инфинитивного аффикса *-ма(к)* с бывшим послелогом — суффиксом *-иџн (-иџн)* (ныне — аффиксом причинно-целевого падежа) усиливает значение цели действия, выраженное основой глагола. Например: *Мџн Атџл хџрринче к а н м а ш к џ н / Кашни тухатпџр бульвара* (Н. Евстафьев) «Чтоб отдохнуть на берегу великой Волги, выходим все мы на бульвар».

9. Сложные компоненты словообразования *-лан (-лен)*, *-лаш (-леш)*, *-лат (-лет)* образованы путем сочетания глаголообразующего аффикса *-ла (-ле)* с аффиксами *-н*, *-ш*, *-т*. Поскольку глагольная основа на *-ла (-ле)* не всегда представляет собой глагол, способный выступать самостоятельно, основа глагола, словообразовательный аффикс *-ла (-ле)* и залоговые аффиксы срослись в нечленимые новообразования.

Некоторые исследователи сочетания аффиксов *-та (-те)*, *-ра (-ре)*, *-че* с аффиксом выделения *-и* необоснованно рассматривают как один аффикс. Ни падежный аффикс, ни аффикс выделения не утратили своих значений. Если признать их как слившиеся аффиксы, то придется считать слившимися и сочетания показателей причастий *-нй*, *-ас*, *-акан*, *-малла* с аффиксом выделения.

Вспомогательный (недостаточный) глагол **имек* [imak], сочетаясь с неличной формой, утрачивает свое лексическое значение и теряет свою корневую часть, а показатели времени, лица и числа становятся компонентами основной части другого глагола. Таким путем возникли формы будущего желательного второго (или причастия будущего времени + *-ччѣ*): *курасчѣ* «видеть бы мне (его)»; будущего желательного третьего: *кур-са-(ссѣ)н* + *-ччѣ* «видеть бы мне (тебе, ему)»; прошедшего периодического (причастия настоящего времени + *-чѣ*): *кур-акан-ччѣ* «видывал(и)», давнопрошедшего второго (лит.) (причастия прошедшего времени + *-ччѣ*): *кур-нй-ччѣ* «видел(и)»; прошедшего долженствующего (причастия долженствования + *-ччѣ*): *кур-малла-ччѣ* «следовало видеть»; прошедшего желательного (причастия будущего времени + *-шѣн (-ччѣ)*): *кур-ас-шѣн-ччѣ* «хотел(и) видеть»; давнопрошедшего второго (диал.) *кур-са-ччѣ* «видывал(и)»; будущего желательного четвертого (инфинитива на *-ма-ччѣ*): *кур-ма-ччѣ* «видеть бы».

Немало омонимичных словообразующих аффиксов возникло в языке в результате контаминации при словообразовании по конверсии. Например, аффикс *-чѣк (-чѣк)* первоначально от глаголов образовал слова, относящиеся к прилагательным, типа *мухтанчѣк* «хвастливый». От производных данного типа образованы по конверсии имена существительные: *мухтанчѣк* (прил.) «хвастливый» > *мухтанчѣк* (сущ.) «хвостун». Коммуникант, не разобрав, как они образованы, полагает, что оба слова созданы при помощи одного и того же аффикса, и создает новые существительные «по аналогии» при помощи этого аффикса, например, *шанчѣк* «надежда», *ларчѣк* «сидение». Так наряду с аффиксом, образующим имена прилагательные, появился аффикс, образующий существительные.

Омонимичные аффиксы диахронически возникают путем отпочкования реляционных аффиксов от деривацион-

ных (о чем было сказано выше), например: *-сăр (-сёр)*: I прил. (*вăйсăр сын* «бессильный человек»), II лишит. *Вăйсăр нимĕн те тăваймăн* «Без силы ничего не сделаешь».

Имеются также омонимичные морфемы, которые возникли в результате материального совпадения морфем в ходе развития языка. Таким путем, например, аффиксы дательного и винительного падежей совпали в одном формативе; ср.:

тат. дат. п. *урманга* — чув. *вăрмана* «в лес»;

тат. вин. п. *урманы* — чув. *вăрмана* «в лес».

В ходе дискуссии по вопросам грамматики чувашского языка в 1955 г. омонимичные формы дательного и винительного падежей ввиду того, что в ряде случаев трудно определить значение того или иного падежа, лингвисты решили рассматривать как один — дательно-винительный — падеж, в методических же целях, сократив название его, оставили только «дательный падеж». Следует отметить, что в определении омонимичных аффиксов встречается немало трудностей. Так, в чувашском языкознании глагольные формы типа *вуланă* «прочитавший, прочитал» по традиции (Ашмарин, Федотов, Сергеев) рассматриваются в одном ряду со спрягаемыми формами *вуларăм* «я прочитал» (однократное прошедшее время), *вулаттăм* «я прочитывал» (многократное прошедшее время) в качестве форм прошедшего неочевидного времени. Эти же формы при выполнении ими синтаксической функции определения включаются и в ряд так называемых причастий; ср.: *вуланă кĕнеке* «прочитанная книга», *вуланă ача* «прочитавший мальчик». Поскольку упомянутая форма интерпретируется как две разные единицы, то, стало быть, форматив *-нă (-нĕ)* должен трактоваться как источник омонимичных морфем. Но вряд ли можно доказать, что только синтаксические функции словоформ могут послужить критерием выделения аффиксов.

Некоторые исследователи тюркских языков утверждают, что показатели 1 и 2 лица в именах и глаголах являются омонимичными морфемами. Ср. чувашские примеры: существительные *шкулăм* «моя школа», *шкulu* «твоя школа»; глаголы *вуларăм* «я читал», *вуларăн* «ты читал». На наш взгляд, здесь нет убедительных данных для этого, так как личные показатели и в том, и в другом случаях выражают только значение лица. Что касается значений пассивности и отноше-

ния действия к лицу, то они приобретаются в результате сочетания аффикса лица с основой слова. В чувашском языке показатели лица могут употребляться также с числительными (*иксёмёр* «мы вдвоем») и с атрибутивными формами последующего действия (*каяссӑм сук* «у меня нет желания пойти»). Во всех случаях личный показатель в зависимости от того, к какой части речи принадлежит основа слова, приобретает особое значение связи. Значит, категория лица является свойством не одной части речи, а нескольких частей речи. Почти такое же явление мы наблюдаем и в сочетании аффикса множественного числа с существительным и числительным. В первом случае он выражает множество предмета (*ачасем* «дети»), во втором случае — приблизительность числа (*вунӑсенче* «лет десяти»).

§ 12. Омонимия, синонимия и антонимия морфем

Морфемы, как и слова, могут иметь ряд значений, а также выступать как омонимы, синонимы и антонимы.

Оттого, что морфема имеет несколько значений, мы не испытываем неудобств, ибо то или иное значение, как правило, уточняется в контексте.

Одинаковые по звучанию, но различающиеся по значению морфемы называются о м о н и м и ч н ы м и. Морфемная омонимия затрагивает главным образом корни и аффиксы.

Корневые морфемы могут находиться в отношениях лексической омонимии. В языке они возникают: 1) в результате распада прежней многозначности, например: *Сул хёррине чечексем шӑтса тухӑ* «У дороги взошли цветы». — *Лешё вара уретнике шӑтӑ* «Тот потом донёс уряднику» (подобные омонимичные корни возможны только в пределах одной части речи); 2) в результате случайных фонетических совпадений в ходе исторических изменений слов в языке; ср.: чув. *сёр* I сущ. — тат. *жир* «земля»; чув. *сёр* II числ. — тат. *йӧз* «сто»; чув. *сёр* III гл. — тат. *чер* «загнивать» (такие корни встречаются в пределах разных частей речи); 3) в результате образования слов по конверсии: *тарӑх* I гл. «злиться» → *тарӑх* II сущ. «злоба»; такие

омонимичные корни у заимствований из других языков: чув. *тир* I «кожа» — рус. *тир* II «помещение для стрельбы в цель»; чув. *май* I «способ» — рус. *май* II «один из весенних месяцев». В большинстве случаев подобные корневые морфемы встречаются в пределах одной части речи.

Из служебных морфем омонимичными бывают чаще всего словообразующие аффиксы.

Омонимичные словообразовательные аффиксы встречаются как омонимы в составе одной и той же части речи: *тух-ăç*: *тухăç* «восход» — *тухăç* «прибыль».

Наиболее бесспорна омонимичность аффиксов в составе разных частей речи. Омонимичные же аффиксы, обнаруживающиеся в составе одной и той же части речи, как правило, мотивируются словами, относящимися к разным частям речи.

Чувашский язык довольно богат омонимичными словообразовательными аффиксами. В подтверждение сказанному можно привести омонимичный ряд словообразования с помощью аффиксов *-a (-e)*, входящих в состав восьми моделей словообразования.

Имена существительные*:

- 1) $V + -a(-e) = N$: *пăсара* «хорёк», *макăра* «плакса»;
- 2) $N_1 + -a(-e)II = N_2$: *мăя* (<*мăй* + *-a*) «ожерелье из бус, навешиваемое на шею» (ср. *мăй-са* «тж»).

Имена прилагательные:

- 1) $V + -a(-e) III = A$: *семсе* (*семёс* + *-e*) «мягкий»;
- 2) $A_1 + -a(-e) VI = A_2$ *шысмака* (*шысмак* + *-a*) «толстенный, очень толстый»; *шысмака ёнселлёскер* (С. Аслан) «тот, у кого толстенная шея»;
- 3) $M + -a(-e) V = A$: *лаштра* «развесистый».

Глаголы:

- 1) $N + -a(-e)VI = V$: *сăна* «наблюдать»;
- 2) $N + -a(-e) VII = V$: *хёне* «избивать»;
- 3) $M + -a(-e) VIII = V$: *ялтăра* «блестеть, сверкать».

Омонимия словоизменительных морфем в чувашском языке довольно бедна. Вот некоторые примеры:

*Принятые обозначения частей речи: А — имя прилагательное, М — подражательное слово, N — имя существительное, V — глагол.

-*ән* (-*ән*): 1) аффикс притяжательного падежа: *юлташ-ән* «(у) товарища», *хёвел-ән* «(у) солнца»; 2) аффикс 2 лица: *калар-ән* «ты сказал», *итлер-ән* «ты слушал»;

-*и*: 1) аффикс 3 лица (существительных): *лаш-и* «его (её) лошадь», *ён-и* «его (её) корова»; 2) аффикс выделения: *пысакк-и* «тот из них, кто большой».

Возможна омонимия между словообразовательными морфемами и словоизменительными:

-*у* (-*ў*): 1) аффикс образования существительных: *пул-тар-у* «способность», *пёл-ў* «знание»; 2) аффикс 2 лица (существительных): *апп-у* «твоя старшая сестра», *кёп-ў* «твоя рубашка»;

-*сәр* (-*сёр*): 1) аффикс образования прилагательных: *пул-тару-сәр* «неспособный»; 2) аффикс лишительного падежа: *пултаравё-сёр* «без его способности».

Синонимичные морфемы отличаются тем, что фонемный состав их разный, а значения близки или совпадают друг с другом. Синонимичными бывают и корневые, и служебные морфемы. Но они всегда одинаковы по своим функциям — участвуют в создании новых слов или в образовании синтаксических, а также несинтаксических грамматических форм.

Корневые синонимы мало чем отличаются от лексических синонимов. Прилагательные *кахал*, *наян*, *юлхав* выражают значение слова «ленивый», существительные *сытар*, *минтер* — «подушка», *нике*, *хёр* — «девушка», *ут*, *урхамах*, *лаша* — «лошадь», глаголы *кур*, *пӑх* — «смотреть», наречия *ёлёк*, *авал* — «в старину» и т.д. Но они могут быть непохожими друг на друга стилистически. Так, существительные *ут*, *урхамах* чаще употребляются в поэтической речи, а слово *лаша* является нейтральным. Глаголы *сихёр*, *сұхӑр*, *кӑшкӑр* выражают понятие «кричать», но первое слово является просторечным, второе — разговорным, третье — нейтральным. Основы слов *пӑскарт* и *ятла* обозначают понятие «ругать», первое является просторечным, второе — нейтральным.

Синонимичных аффиксальных морфем в языке довольно-таки много. Вот некоторые из них. Аффиксы, образующие существительные со значением имени действия: -*ӑм* (-*ём*), -*у* (-*ў*), -*ӑс* (-*ёс*), например, *чӑтӑм* — *чӑту* «терпение», *йӑпану* — *йӑпанӑс* «утешение», *канӑс* — *кану* «отдых»; со значе-

нием места изобилия чего-нибудь: *-сар (-сер)* и *-лӑх (-лӑх)*, например, *хурӑнсар* — *хурӑнлӑх* «березняк», *юмансар* — *юманлӑх* «дубняк»; аффиксы, образующие прилагательные со значением «насыщенный чем-то»: *-ак (-ек)*, *-лӑ (-лӑ)*, например, *тӑварак* — *тӑварлӑ* «солёный», *шывак* — *шывлӑ* «обильный водой, водянистый»; аффиксы *-ла (-ле)* и *-ашкал (-ешкел)*⁶ со значением сравнения: *санла* — *санашкал* «как ты, наподобие тебя».

В ряде работ по чувашскому языкознанию утверждается положение о синонимичности аффиксов *-лӑ (-лӑ)* и *-ла (-ле)*. Поэтому в газетно-журнальных статьях, в разговорной речи относительные прилагательные русского языка, содержащиеся в составных терминах, переводят или прилагательными на *-лӑ (-лӑ)*, или словоформами на *-ла (-ле)*, без разбора и учета грамматических правил и русского, и чувашского языков, считая указанные аффиксы синонимичными. Например, русский термин *лирический герой* переводят на чувашский язык конструкциями *лирикӑллӑ герой* или *лирикӑлла герой*. Но переводчики и авторы забывают, что чувашаи никогда не путают друг с другом конструкции типа *выльӑхлӑ сын* «человек, имеющий скотину» и *выльӑхла сын* «скотоподобный человек». Отсюда следует вывод, что форманты *-лӑ (-лӑ)* и *-ла (-ле)* ни в коем случае не должны быть использованы как синонимичные пары. Русские термины типа *лирический герой* следует переводить изафетными конструкциями (*лирика геройӗ*), которые искони приноси чувашскому языку.

На практике следует различать варианты морфем и синонимы морфем. Варианты представляют собой, как уже было сказано, модификацию, которая обусловлена историческим развитием языка. Например, при помощи аффикса *-у (-ӳ, -в)*, образующего имена существительные со значением имени действия, в последнее время стали образовывать слова без соблюдения фонетических условий: *йыхрав* (вместо *йыхӑру*) «приглашение», *вӗсев* (вместо *вӗсӳ*) «полет», *вицев* (вместо *висӳ*) «измерение». Некоторые авторы вместо *шеллев* «жалость» употребляют *шеллӳ*, вместо *тиркев* «разборчивость, прихотливость» — *тиркӳ*. Алломорфы *-у (-ӳ)* и *-в* постепенно становятся вариантами морфем, так как они начали замещать друг друга.

Синонимичные морфемы имеют лишь семантическое совпадение или сходство, а восходят к различным источникам. Ср. лексические аффиксы *-ă* (*-ё*) и *-кăч* (*-кёч*): *карă* и *каркăч* «занавеска, штора», *-кан* (*-кен*) и *-анка* (*-енке*): *хыткан* «худой, худошавый, поджарый, сухопарый» — *хытанка* «сухошавый, сухопарый».

Весьма интересно то, что в чувашском языке абсолютно синонимичные грамматические аффиксы участвуют в образовании одних и тех же категорий. Так, взаимный залог образуют форманты *-ăш* (*-ёш*) и *-ăç* (*-ёç*)⁷: *калаç* «разговаривать», *паллаш* «познакомиться», возвратный залог образуют синонимичные *-ăл* (*-ёл*) и *-ăн* (*-ён*): *катăл* «откалываться», *çăвайн* «мыться». Атрибутивные формы одновременного действия с оттенком притворности образуются при помощи двух абсолютно синонимичных аффиксов *-анçи* (*-енçi*) и *-иш*: *çывриш* (*çывранçи*) *пул* «притвориться спящим».

Морфемы могут выражаться изредка прямо противоположными — а н т о н и м и ч н ы м и — значениями.

Корни с антонимичными значениями: *кун* «день» — *çёр* «ночь», *тус* «друг» — *тăшман* «враг», *шур(ă)* «белый» — *хур(а)* «чёрный», *ёлёк* «в прошлом» — *ўлём* «в будущем», *улăх* «подниматься» — *ан* «спускаться» и др.

Из словообразующих морфем антонимичными являются аффиксы, образующие имена прилагательные: *-анка* (*-енке*) и *-амас* (*-емес*), например, *пушанка* «слабоватый, свободный»; *-лă* (*-лё*) и *-сăр* (*-сёр*), например, *вайлă* «сильный» — *вайсăр* «бессильный», *пёлётлĕ* «облачный» — *пёлётсёр* «безоблачный».

К антонимичным словоизменительным морфемам относятся:

а) аффиксы *-а* (*-е*) и *-ран* (*-рен*), образующие формы дательно-винительного и исходного падежей: *яла* «в деревню» — *ялтан* «из деревни»;

б) аффиксы *-па* (*-пе*), *-пала* (*-пеле*), *-палан* (*-пелен*) и *-сăр* (*-сёр*), образующие формы творительного и лишительного падежей: *пальтона* «в пальто, с пальто» — *пальтосăр* «без пальто»;

в) аффиксы *-р* (*-т*-, *-ч*-) и *-атт*- (*-етт*-, *-ачч*-, *-ечч*-), образующие однократную и многократную формы прошедшего времени: *куртăм* «я видел» — *кураттăм* «я видывал».

§ 13. Аффиксальный плеоназм в чувашском языке

Термин *плеоназм* имеет значение «излишество». Плеоназм бывает не только корневой, но и аффиксальный. В пределах слова один аффикс употребляется дважды, трижды, но грамматическая избыточность особенно не ощущается. Повторное употребление аффикса связано с выражением того или иного оттенка грамматического значения.

Впервые тюркский аффиксальный плеоназм основательно был описан в статье Г.Ф. Благовой*.

В чувашском языке можно выделить несколько видов плеоназма.

1. Удвоенное или утроенное употребление одного и того же аффикса. Аффикс 1 лица употребляется с термином родства дважды или трижды для выражения почтительного отношения к родственнику: *пичче-м-ём* «братец», *анне-м-ём-с-ём* «мамуся, мамочка, мамуля».

Повторы деривационных аффиксов довольно разнородны в своих значениях и функциях.

Деривационный аффикс *-лӗх*, сочетаясь с числительным *пӗр* «один», образует слово *пӗрлӗх* со значениями «сплочённость, единство». Эти значения остаются без изменения, если к слову *пӗрлӗх* присоединим аффикс *-лӗх* еще раз. Но при повторном употреблении аффикса чувствуется важность понятия.

В производном слове *вӑрлӑхлӑх* видна совершенно другая картина. Вначале от слова *вӑрӑ* «семя» образовано прилагательное *вӑрлӑх* «семенной» (ср. *вӑрлӑх тырӑ* «семенное зерно»), от него по конверсии создано существительное со значением «семена». От последнего при помощи второго *-лӑх* образовано тоже прилагательное со значением «семенной, предназначенный на семена». В современном языке прилагательное *вӑрлӑхлӑх* употребительнее, чем прилагательное *вӑрлӑх*⁸.

В словоформе *еплелле* «какой, как, каким образом» первый дериватор *-ле* утратил свою семантику сравнения, а при повторном употреблении она восстанавливается.

* Благова Г.Ф. Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-лингвистическом освещении // Вопросы языкознания. 1968. № 6.

2. Контактное употребление алломорфов одного и того же аффикса. Когда один алломорф аффикса слабо выражает грамматическое значение, на помощь ему приходит другой алломорф. Например, при образовании формы 3 лица имени существительного после алломорфа *-и* нередко прибавляют алломорф *-ё*: *лаиийё* «его лошадь», *упайкийё* «ее муж». В слове *тул-тар-т-тар* аффикс *-т-* утратил свою самостоятельность. Поэтому вновь прибавляется аффикс *-тар*: *тултартттар* «заставить наполнить».

3. Употребление синонимичных аффиксов: *кăнтăр-ла-па* «в полдень», *ир-пе-ле* «утренней порой». Одновременное использование обоих аффиксов придает слову оттенок прилизительности. Ср.: форма *вăрман-а* «в лес» — *вăрман-а-лла* «в сторону леса»⁹.

4. Многократное прошедшее время образовано при помощи спрягаемой формы неоднократного глагола *имек*. В 1 и 2 лице к концу формы данного времени факультативно могут прибавлять постфикс *-ччĕ*, исторически образованный тоже от **имек*: *сыраттăм(-ччĕ)* «я, бывало, писал». В чувашском языке этот постфикс прибавляется и к другим формам, образованным при помощи спрягаемых форм недостаточного глагола **имек*: к давнопрошедшему времени (*сыраттăмччĕ* «я тогда писал»), к сослагательно-будущему времени (*сырăттăмччĕ* «я написал бы»).

5. К словоформе на *-лăх (-лĕх)*, выступающей в функции обстоятельства и выражающей значение предназначённости, для подчеркнутого выражения этого значения может прибавляться аффикс дательно-винительного падежа *-а (-е)*: *Вăл сÿлсем яланлăх(а) асра юлĕç* «Эти годы навечно останутся в памяти», *вăхăтлăх(а) ил* «взять что-либо на время».

6. Послелог *пирки* выражает не только причинное, но и объектное значение. Чтобы не было никакого сомнения по поводу точного выражения причины, к послелогу могут присоединить аффикс творительного падежа *-не* с причинным значением: *шăм-шак йывăр пиркине* «из-за тяжести в теле».

7. В верховом диалекте для выражения значения множественного числа возвратно-личного местоимения 2 лица употребляют не только аффикс личного множественного числа

-*ър*, но и аффикс предметного множественного числа *-сам*: *ху-сам-ър* «вы сами». Употребление *-сам*, по-видимому, связано с влиянием формы множественного числа местоимений 3 лица: *вёсем* «они», *хэйсем* «они сами».

§ 14. Нулевые морфемы

В языкознании существует положение о том, что морфонологическое и словообразовательное значения могут выражаться и без материально выраженного показателя, они устанавливаются при сопоставлении данного слова с другими словообразовательными и словоизменительными формами, а также производными словами, содержащими выраженную морфему и имеющими аналогичное значение. Морфема эта называется **н у л е в о й м о р ф е м о й**.

Нулевые морфемы употребляются в грамматическом или словообразовательном значении в оппозиции с основами, содержащими аффиксальные морфемы. В предложении *Энэ студент* «Я студент» слово *студент* имеет значение единственного числа и основного падежа. Оба грамматических значения выражены нулевыми морфемами. В словосочетании *йывăç хуттинче* «под прикрытием дерева» существительное *хутё* «прикрытие» образовано от прилагательного *хутё* «защищенный, укрытый, прикрытый» при помощи нулевой морфемы.

Нулевые морфемы не следует смешивать с нулевыми морфемами маркированных морфем. Так, в чувашском языке аффикс 2 лица при спряжении слов ряда частей речи перед аффиксом множественного числа выражается нулевым морфем. Это хорошо видно при сравнении с данными других тюркских языков. В аффиксе 2 лица при спряжении существительного татарского языка фигурирует гортанный звук [ц]. Во множественном числе к аффиксу данного лица прибавляется аффикс множественного числа *-ыз (-ез)*: *интэш-ең* «твой товарищ», *интэш-ег-ез* «ваш товарищ», в аффиксе 2 лица происходит чередование гортанных *η~з*. Иное положение наблюдается в чувашском языке. Известный исследователь чувашского языка Т.М. Матвеев писал: «Чуваши не особенно расположены к употреблению гортанных звуков и поэтому при всяком удоб-

ном случае заменяют их другими или вовсе выбрасывают» [15, с. 57]. В единственном числе аффикс 2 лица имени существительного употребляется в виде морфа *-у* (*-ӳ*), а во множественном числе он заменяется нулевым морфом: *юлташ-у* «твой товарищ» — *юлташ-ӳр*.

То же самое происходит и при спряжении количественной формы имен числительных от 2 до 7 (*ик-сёр* «вы вдвоем»), местоимения *пур* «все» (*пур-сӳр* «вы все»), предикативных временных форм (*кур-т-ӳр* «вы видели», *кур-атӳр* «вы видите», *кур-ӳр* «вы увидите», «посмотрите», *кур-атт-ӳр* «вы видали» и др.), атрибутивной формы последующего времени (*кур-асс-ӳр* «ваше желание видеть в будущем»).

В чувашском языке, как и в других тюркских, немало морфологических категорий с оппозитивным членом парадигмы, содержащим нулевую морфему. Вот некоторые общие (инвариантные) значения нулевых морфем: а) совокупное множество: *пул-ф* «рыба», ср. *пулӳ-сем* «рыбы»; б) субъект действия: *пулӳ ишет* (основной падеж) «рыба плавает», ср. *пулӳ-на* «(с) рыбой»; в) положительная степень имени качества: *пӗчӗк-ф* «малый, маленький», ср. *пӗчӗк-рех* «меньше» (сравнительная степень); г) однократность действия: *кай-ф* «уйти», ср. *кай-кала* «уходить»; д) утвердительность действия: *кур-ф-т-ӳм* «я видел», ср. *кур-ма-рӳм* «я не видел» (отрицание действия) и др.

Нулевая морфема, как правило, свойственна одному из членов такой морфологической категории, которая является обязательным признаком определенной части речи.

К числу таких признаков, например имен существительных, относятся категория числа и категория падежа, ибо любое существительное в любом предложении непременно употребляется в форме того или иного числа и в форме того или иного падежа. Что же касается категории лица, то она нужна существительному в меньшей степени, чем категории числа и падежа, ибо слову данной части речи необязательно находиться в связи с лицом. С именем существительным имеет связь также двухчленная категория выделения, ибо ее употребление зависит не от категориального значения части речи, а от ее падежной формы. В составе парадигмы оба члена оформлены при помощи аффиксов *-и* (*-хи*) и *-скер*. Поэтому и эта категория не является обязательным признаком имени существительного. Возникает

вопрос: в каких условиях происходит оформление члена парадигмы при помощи нулевой морфемы?

Сравнительные данные грамматических категорий показывают, что нулевые морфемы используются при наличии коррелятивного признака между членами оппозиции. При этом одна из форм парадигмы не имеет материального выражения. Немаркированный член (или член с нулевой морфемой), как правило, выражает постоянное, привычное грамматическое отношение. Так, при помощи нулевой морфемы передается значение утвердительного действия глагола, маркированный же член показывает отрицательное действие. Об оторванности формы без морфологического показателя от парадигмы едва ли можно сказать положительно, так как значения утвердительности и отрицательности действий взаимообусловлены.

В то же время в парадигме грамматической категории лица нет нулевой морфемы, ибо ее члены логически равноправны.

Как уже было отмечено выше, нулевая морфема может участвовать и при словообразовании. При этом производная основа в плане выражения совпадает с производящей основой, но в плане содержания эти единицы являются омонимичными, в грамматическом отношении слово переходит из одной части речи в другую. Например: *тумла* (гл.) «капать» > *тумлак* «капля» > *тумла* (сущ.) «капля» (ср. образование существительного от этого же глагола с помощью аффиксальной морфемы: *тумла* (гл.) + (-*йм*) = *тумлам* (сущ.) «капля»).

Не от любого слова можно образовать новые слова при помощи нулевой морфемы. Отметим некоторые правила: 1) при словообразовании с помощью нулевой морфемы производящая основа должна иметь довольно конкретное значение, чтобы по нему можно было определить значение производной основы; 2) производное слово должно иметь словоизменительные аффиксы, отличные от словоизменительных аффиксов производящей основы, чтобы по ним можно было определить категориальное значение части речи.

К словообразованию по конверсии (т.е. с помощью нулевой морфемы) коммуниканты прибегают в большинстве случаев, когда не нужны специальные аффиксы с тем или иным значением. Образование слов по конверсии подкупа-

ет слушателя и читателя эмоциональностью выраженных понятий.

Итак, нулевая морфема обладает таким же определенным (грамматическим и словообразовательным) значением, каким и эксплицитно аффиксальная морфема. Заодно следует отметить особенность грамматических категорий, не имеющих нулевой морфемы.

Если грамматическая категория не связана с определенной частью речи или присуща лексемам нескольких частей речи, то в составе парадигмы форм данной категории не бывает члена с нулевой морфемой, да и нет возможности иметь его. Наличие нулевой морфемы в парадигме категории лица помешало бы ей употребляться со словами нескольких частей речи.

К числу грамматических категорий без нулевых морфем относятся категории лица, выделения и времени.

Категория лица употребляется: а) с именами существительными: *тус-ām* «мой друг», *тус-ē* «его друг»; б) с именами числительными (употребляется в форме множественного числа имен числительных от 2 до 7): *виç-с-ēm-ēr* «мы втроем»; *виç-с-φ-ēr* «вы втроем», *виççē-ш-ē* «они втроем»; в) с определительным местоимением *нур* «все»: *нур-с-ām-ār* «мы все», *нур-с-φ-ār* «вы все», *нур-ē-(-те)*, *нур-ēш* «они все»; г) с глаголами временных форм: *чён-т-ēm* «я позвал», *чён-т-ēн* «ты позвал», *чён-ч-ē* «он позвал» и др.

Категория выделения употребляется: а) с падежными формами имен существительных: с родительным падежом *атте-н-ēнн-и* «тот из них, который принадлежит отцу», *атте-н-скер* «один из тех, который принадлежит отцу»; с причинно-целевым падежом: *мир-шённ-и* «тот из них, который (борется) за мир», *мир-шён-скер* «один из тех, который (борется) за мир»; б) с формами степеней сравнения имен прилагательных: *пысākки* «тот из них, который большой», *пысākскер* «один из больших»; *пысākраххи* «тот из них, который побольше», *хитререхскер* «один из них, более красивый»; *чи пысākки* «тот из них, который самый большой», *чи пысākскер* «один из них, самый большой»; в) с атрибутивными временными формами глагола: *ларни* «тот из них, который сидел», *ларнāскер* «один из сидевших» и т.д.

Раздел 2

МОРФОНОЛОГИЯ

В последнее время лингвисты в число морфем стали включать не только сегментные значимые единицы, но и супraseгментные.

Под супraseгментными морфемами понимают морфемы-операции, производимые над сегментными морфемами (или их сочетаниями) с целью выразить другое грамматическое значение.

§ 1. Значащее чередование

1. К числу супraseгментных морфем относятся чередующиеся морфемы. Так, в чередовании *m~ч* в глагольном аффиксе 3 лица повелительного будущего времени (*хунтăр* «пусть он закроет» — *хунчăр* «пусть они закроют») экспонентами, передающими грамматические значения, выступают альтернанты фонетического чередования в составе супraseгментной морфемы. Каждый альтернант четко закреплён за определенной грамматической функцией. Форма, содержащая фонему *|m|*, выражает значение действия единственного числа 3 лица, а форма, содержащая фонему *|ч|*, передает значение действия множественного числа 3 лица. Ср. также: *кайтăр* «пусть он пойдёт» — *кайччăр* «пусть они пойдут», *калатăр* «пусть он скажет» — *калаччăр* «пусть они скажут» < **калатчăр*.

2. Как известно, при спряжении глагола в настоящем времени значения первых двух лиц передаются сегментными морфемами. Они присоединяются к морфеме настоящего времени *-ат (-ет)*: *куратăп* «я вижу», *куратăн* «ты видишь».

В древнечувашском языке значение 3 лица единственного числа, пожалуй, тоже передавалось сегментной морфемой. Как пережиток прошлого употребление показате-

лей 3 лица настоящего времени встречается не только в фольклорных произведениях, но и в творениях художественной литературы:

*Час-часах уя тухса вӑл
ҫаврӑнатӗ кӑнтӑрла,
Вӑл ӑлтетӗ юрӑ-сӑвӑ,
Ҫум ҫумлан хӗрсем юрлаҫ* (И. Ивник).

«Он частенько, выйдя в поле,
Обходит его в полдень,
Слышит песенные мотивы,
Поют девушки на прополке».

Ыткӑнатӗ [Атӑл] хӑватӑн та харсӑр (Митта В.) «Волга течёт мощно и смело».

Но к нынешнему времени произошли изменения. Не стало морфемы *-ӗ*. Теперь же значение 3 лица передается супraseгментным экспонентом — смягчением согласного звука, входящего в состав аффикса настоящего времени: *куратӗ* > *курать* «он видит».

Это смягчение звука, надо думать, произошло еще в бытность морфемы *-ӗ* при глагольной словоформе. В этой позиции произошло чередование $|m| \sim |m'|$. Хотя впоследствии сама морфема выпала, но результат ее воздействия (смягчение звука $|m|$) на соседнюю морфему сохранился и способствует передаче значения 3 лица единственного числа. В данном случае в качестве супraseгментной морфемы-операции выступает смягчение звука $|m|$, входящего в состав сегментной морфемы настоящего времени.

Сходное явление наблюдается в разговорной речи в 3 лице единственного числа у существительных с ауслautными *-л*, *-н* в составе изафета: *сӑре шӑлӗ* «зуб бороны» > *сӑре шӑль*, *ҫил арманӗ* «ветряная мельница» > *ҫил армань*.

3. В недавнем прошлом в мягких основах имен существительных на согласный ауслaut возникали трудности при выражении значений 2 и 3 лица единственного числа в дательном-винительном падеже: из-за выпадения гласных фонем из состава указанных аффиксов приходилось пользоваться омоформами. Например: 2 лицо *хӗр-ӳн-е* > *хӗрне* «твоей девушке (дочери)», «твою девушку (дочь)»; 3 лицо *хӗр-ӗн-е* > *хӗрне* «его девушке (дочери)», «его девушку (дочь)».

В предложении *Паян эӗ хӗрне куртӑм* «Сегодня я видел твою(его) девушку (дочь)» трудно понять слушающему, о чьей девушке (дочери) идет речь.

Для того чтобы уяснить себе смысл подобных предложений, т.е. избежать омонимии форм, необходимо использовать другие способы передачи значения грамматического лица.

Одним из таких способов является синтаксический прием: к омонимичным словоформам типа *хёрне* прибавляют личное местоимение *санй* «твою» или *унй* «его, ее»: *Паян эй ун йн хёрне куртй* «Сегодня я видел его девушку (дочь)».

Используется и морфонологический прием, в частности, в верховом диалекте. Во избежание омонимии форм во 2 лице помимо правил закона сингармонизма вместо мягкого морфа прибавляется твердый морф дательного-винительного падежа, т.е. в составе падежного аффикса *е* чередуется с *а*. И это чередование решает проблему, т.к. выступает в качестве морфемно-операции. В результате аффикс дательного-винительного падежа, употребляясь с гласной заднего ряда, при любых условиях передает значение 2 лица, выступая же с гласной переднего ряда, передает значение 3 лица. Это необычный, но вполне удобный прием. Недаром ряд писателей и поэтов одобрительно отнесся к нему и в последние годы стал пользоваться им в своих произведениях. Примеры: *Питёрместпёр паян ещённа, усах хаваратпёр* (Л. Маяксем) «Сегодня не будем запира́ть твой ящик, оставим открытым»; *Юрё-ске, килна кайма ёлкёрён* (В. Синичкин) «Ладно уж, успеешь пойти в свой дом»; *Кам сана кёп-йёмна суса парё?* (Н. Терентьев) «Кто тебе постирает твоё бельё?»; *Пайхар-ха сан двигательна, мёскер пулнй йна* (А. Артемьев) «Посмотрим твой двигатель, что с ним случилось».

§ 2. Редупликация начальной части прилагательных

Перед качественными прилагательными чувашского языка нередко выступает сегмент, похожий на префиксальную морфему, в словоформах типа *сай-сайм* «очень легкий», *тип-типёс* «очень ровный». Но он не является префиксом. Значит, он не может быть и морфемой, ибо частица как часть речи характеризуется широкой употребительностью. Сегменты же типа *сай-*, *тип-* используются каждый с одним (редко двумя) прилагательным. Они не повторяются в составе других словоформ.

Правда, иногда повторяемость подобных сегментов можно встретить в составе некоторых прилагательных; ср. *кӑп-: кӑп-кӑтра* «очень кудрявый», *кӑп-кӑпӑш* «очень рыхлый»; *ҫап-: ҫап-ҫутӑ* «очень светлый», *ҫап-ҫара* «совершенно голый», *ҫап-ҫамрӑк* «очень молодой», *ҫап-ҫавра* «совершенно круглый». Но повторяемость *кӑп-* и *ҫап-* в этих прилагательных чисто случайная, в них она связана с одинаковым началом разных лексем. Значит, каждый сегмент образован сам по себе, и поэтому их невозможно рассматривать как грамматические морфемы. Тем более множество различных сегментных показателей не может создавать ряды идентичных словообразовательных производных.

Возникает вопрос: если сегменты типа *ҫӑп-* не являются морфемами, то что же способствует выражению значения интенсивности признака в прилагательном?

Из сказанного выше видно, что все редулицируемые сегменты образуются по одной модели: от прилагательных с согласным в анлауте берутся первые два звука лексемы — согласный и гласный, и к ним прибавляется вставочная фонема (интерфонема) *|п|*, *|м|* или *|н|*. И этот комплекс звуков (или фонем) ставится перед именами прилагательными.

Вся процедура (операция) сочетания трех звуков (фонем) как общая единица для всех словоформ с редулицируемой единицей, функционирующая над конкретными сегментами, действует в качестве морфемы и выражает грамматическое значение интенсивности (или превосходной степени).

В образовании форм превосходной степени эта морфема-операция выступает в одном ряду с сегментными морфемами-частицами *чи* и *чӑн* «самый». Супraseгментная и сегментная морфемы могут заменять друг друга. Ср. *ҫап-ҫутӑ* — *чи (чӑн) ҫутӑ* «самый светлый», *кӑп-кӑске* — *чи (чӑн) кӑске* «самый короткий».

В образовании форм превосходной степени с помощью морфемы-операции могут участвовать не все прилагательные, а именно лексемы: а) с гласными звуками в анлауте: *ӑшӑ* «теплый», *вӗтӗ* «мелкий», *инҫе* «далекий», *пӑчӑ* «душный и др.»; б) с согласными *в*, *м*, *н*, *п* в анлауте: *аван* «хороший», *мӑн(ӑ)* «крупный, большой», *начар* «плохой, слабый». Составляет исключение *пуш-пушӑ* «совершенно пустой».

Малозаметно также участие производных качественных прилагательных в образовании форм превосходной степени

указанным способом: *пултаруллă* «способный, одаренный», *тимсёр* «нестарательный, невнимательный» и др.

В прилагательных с гласной [y] в первом слоге возможно чередование *y~a*, *y~ă*. Гласные фонемы [a], [ă] в редуцируемой части, возможно, сохранили древнее состояние: *çап-çутă* «очень светлый», *шăп-шурă* «совершенно белый», *тăп-тулли* (разг.) «совершенно полный».

§ 3. Повторы слов как особый тип морфем-операций

В разговорной речи чувашского литературного языка довольно широко представлены повторы словесных основ и словоформ (редупликация). Ими пользуются для выражения грамматических морфем. Но в языке нет ни одной грамматической категории, которая образовалась бы исключительно при помощи повторов, ибо они нерегулярны и невсеобъемлющи. Ими пользуются как добавочным средством по отношению к универсальному средству — суффиксам формообразования. Иначе говоря, категории, образуемые при помощи своеобразной морфемы, а именно путем операции повторения основ, не могут участвовать в соединении слов, они служат только конкретизации категориального значения слов. Так, повторы участвуют в образовании таких форм, как формы предметного множественного числа, интенсивности качеств, интенсивной продолжительности и многократности действия, приблизительности количества и т.п. Повторы их пользуются во всех знаменательных частях речи. Поскольку каждая часть речи имеет свое категориальное значение, то при помощи повторов образуется соответствующая этому значению формообразующая грамматическая категория. При наличии, например, категориального значения предметности требуется обозначение предметного числа, а при наличии категориального значения признака (качества) необходимо обозначать интенсивность качеств и т.п.

Повторы образуются двумя способами: 1) соединением основ и 2) соединением форм слов. В обоих случаях компоненты соединяются сочинительной связью.

Первые возникают до образования предложения, а вторые — в ходе образования его. Если в первом положении для связи с другими словами аффиксы словоизменения или послелого прибавляются к концу готовой повторной конструкции, то в следующем случае второй компонент полностью воспроизводит форму первого компонента, т.е. здесь одновременно при каждой составной части участвуют одинаковые словоизменятельные аффиксы.

Формообразующие повторы отличаются слитным и убыстренным произнесением, отсутствием паузы между частями и единым ударением на одном из компонентов (на первом или втором).

Повторы основ и мён существительных выражают значение множественности¹⁰, т.е. они участвуют в образовании категории числа. Повторная форма противостоит одиночной форме:

витре сѧра «ведро пива»
ѣмѣр пурѧн «век живи»
ял урлѧ «через деревню»
татѧк нѣлѣт «кусочек облака»
сѣклем вутѧ «вязанка дров»
касѧ сил «порыв ветра»
йѧран купѧста «грядка капусты»
кѣсье тулли мѧйѧр «полный орехов карман»
кимѣ тулли тавар «полная товара лодка»
купа утѧ «копна сена»
мѧшѧр куш «пара глаз»
сын урлѧ нѣл «узнать через человека»
чѣптѣм тѧвар «щепотка соли»

витре-витре сѧра «пиво ведрами»
ѣмѣр-ѣмѣр пурѧн «живи веками»
ял-ял урлѧ «через деревни»
татѧк-татѧк нѣлѣтсем «рваные, клочковатые тучи»
сѣклем-сѣклем вут «вязанка за вязанкой — поленица дров»
кас-кас сил «порывистый ветер»
йѧран-йѧран купѧста «грядками капуста»
кѣсье-кѣсье тулли мѧйѧр «полные орехов карманы»
кимѣ-кимѣ тулли тавар «полные товара лодки»

купа-купа утӑ «сено копнами»
мӑшӑр-мӑшӑр куçсем «несколько пар глаз»
çын-çын урлӑ пӗл «узнать через людей»
чӗптӗм-чӗптӗм тӑвар «щепотки соли».

К повторы основ одного и того же существительного могут прибавляться личные и падежные аффиксы. От этого не утрачивается значение множественности. Примеры: *Халь ак çак улӑха пӗтӗм район, пӗтӗм ял-ял ӑмсанать* (А. Емельянов) «Теперь вот на эти луга зарятся-любуются весь район, все деревни»; *Ял-ялӗнче малтанхи пекех пӑлханаççӗ* (А. Артемьев); «В деревнях бунтуют по-прежнему»; *«Ял-ялӗнчен килӗ уполномоченӑйсене, бурлаксене вуласа паратӑр», — терӗ Пичугов* (Н. Мранькка) «Пичугов сказал: “Зачитаете текст соглашения всем уполномоченным и бурлакам, приехавшим из деревень”»; *Çынсем тепӗр виç-тӑватӑ кунтан таврари ясенчен те ушкӑн-ушкӑнна киле пуçларӗç* (С. Аслан) «Через три-четыре дня люди стали приходиться группами и из окрестных деревень»; *Каярахна вара ушкӑн-ушкӑна пайланса каймалла пулчӗ* (А. Алка) «Потом пришлось разделиться на группы»; *Çапах та самант-самантпа ялшӑн, хӑйӗн ӗлӗкхи тус-юлташӗсемшӗн хытӑ тунсӑхларӗ Клавье* (В. Игнатьев) «Все же временами Клавдия сильно тосковала по деревне, по своим старым друзьям-товарищам»; *Автобус асфальт çула хытах чупать. Самант-самантран юпасем мӗлтлете-мӗлтлете юлаççӗ* (В. Енӗш) «Автобус быстро движется по асфальтовой дороге. Каждый миг мелькают и остаются позади столбы».

Повторы основ и м е н п р и л а г а т е л ь н ы х выражают избыточную меру качества и тем самым образуют усиленную форму (интенсив) имен прилагательных:

ӗшӗ туйӑм «теплое чувство»
вӑрӑм çул «длинный путь»
вӗтӗ сас паллисем «мелкие буквы»
çутӑ кӗлӗ «светлое озеро»
кирӗ хутсем «нужные бумаги»
пӗчӗк çӑлтӑр «маленькая звезда»

ӗшӗ-ӗшӗ туйӑм «теплое-пре теплое чувство»
вӑрӑм-вӑрӑм çул «длинный-преддлинный путь»

вётё-вётё сас палисем «мелкие-премелкие буквы»
сутă-сутă кӳлӗ «светлое-пресветлое озеро»
кирлӗ-кирлӗ хутсем «нужные-пренужные бумаги»
пӗчӗк-пӗчӗк ӗлтӑр «маленькая-премаленькая звезда».

К и м е н а м ч и с л и т е л ь н ы м, употребляющимся в повторном виде, относятся лишь *пӗр-пӗр* «какой-нибудь один», *вун-вун* «десятки», *ӗр-ӗр* «сотни», *пин-пин* «тысячи», *миллион-миллион* «миллионы», *миллиард-миллиард* «миллиарды». Они выражают большое количество в пределах, указанных числительным. Примеры: *Тен, вӑл пире пӗр-пӗр ӗваш пьеси лартса парӗ* (В. Паймен) «Возможно, он нам поставит какую-нибудь чувашскую пьесу»; *Тата вун-вун тренер ятне асӑнма пулатӗ* «Можно привести еще десятки имен тренеров»; *Темӗсе ӗр-ӗр хӗр ача илсе килтӗм комбината* (В. Ухли) «Я привела несколько сотен девушек на комбинат»; *Тӗпене пин-пин ӗлтӑр тухса тулӑ* (В. Алентей) «Тысячи звезд высыпали на небе».

Повторные числительные не принимают никаких словоизменительных аффиксов, за исключением формы *пӗр-пӗр*. Последняя, принимая аффикс 3 лица и падежный аффикс, теряет значение неопределенности-приблизительности, приобретает местоименное значение. Ср.: *Ав мӗншӗн иккен ӗваш пӗр-пӗри апатра хыпалансан*: «*Эс кӑрка пек ан ӗт-ха*», — *тет* (А. Емельянов) «Вот, оказывается, почему чуваша, глядя, как кто-либо спешит в еде, говорят: “Ты не глотай-ка, как индюк”; *Ӗавӑнтанна пӗр-пӗрин патне сыру ӗретме пуҫларӑмӑр* (К. Пайраш) «С тех пор мы начали переписываться»; *Ӗапах та эфир пӗр-пӗрне лайӑх ӑнланатӑр* (К. Пайраш) «Всё же мы хорошо понимаем друг друга»; *Эфир пӗр-пӗринне икӗре кирлине те тупма ӗлкӗрӗ курӑнать* (Ю. Скворцов) «Вы, видать, успели найти друг с другом нужное для обоих»; *Ӗапла вӗсем пӗр-пӗринчен сивӗнме пуҫланӑ* (А. Талвир) «Так они начали охладевать друг к другу»; *Автобус тапранса кайсанах вӗсем пӗр-пӗринне палашма тытӑнӗҫ* (М. Кипек) «Как только автобус тронулся, они начали знакомиться друг с другом»; *Тепӗр икӗ эрнерен савнисем пӗр-пӗринсӗр кунна ӗр кӑсайми пулса ӗтрӗҫ* (К. Турхан) «Через две недели любящие не могли друг без друга ни днём, ни ночью»; *Икӗшӗ те пӗр-пӗриншӗн хытӑ тунсӑхласа*

пуря́нни синчен пё́лтерчёс (С. Элкер) «Сообщили, что оба сильно скучают друг без друга».

Значения повторных основ местоимений зависят от того, какую часть речи они заменяют.

Местоимения, заменяющие имена существительные, в повторном виде выражают значения множества предметов или лиц: *Мён-мён илме пулмасть-ши ку укса́на?* (Н. Мрань-кка) «Что только не купишь на эти деньги?» *Ухик арсын-сенчен ялта кам-кам пуррине ыйтрё* (А. Талвир) «Ухик спросил у мужчин, кто-кто есть в деревне».

Местоимения, соотносимые с прилагательными, в повторном виде выражают не только множество предметов, но и множество качеств этих предметов. Подразумевается, что каждый предмет имеет свое качество. Примеры: *Кала-ха, мёнле-мёнле кёнеке вула́н эс?* (Илпек М.) «Скажи-ка, какие книги ты читал?»; *Епле-епле вёрентмеллине кана́ш та́ватпёр* (Г. Тимофеев) «Мы советуемся, какими способами обучать»; *Хайш-хайш те́лте сёре́сене вале́сме тыта́нчёс* (И. Максимов-Кошкинский) «Кое-где начали раздавать земли (помещиков)»; *Эпё сав-сав кёнекене па́хмасёр калама та вёренсе ситрё́м ёнтё*, — *тетчё* [Тимёр] (Илпек М.) «[Владимир] говорил, что он выучил те и иные книги наизусть».

Глагольные основы в повторном виде употребляются и без словоизменительных аффиксов: *лар-лар*, *та́р-та́р*, *вула-вула* и др.

В повторном виде могут употребляться *на р е ч и я* образа действия, времени, меры и степени.

Наречия образа действия выступают с усилительным значением. *Ерипен-ерипен тул су́та́лса килет* (И. Григорьев) «Мало-помалу проступает рассвет»; *Ухтиван Ивук хы́сся́н аран-аран ёлкё́рсе пы́рать* (Хв. Уяр) «Ухтиван еле-еле успевает за Ивуком»; *Та́ста ялта пу́шар ча́нё хавёрт-хавёрт ша́нни яна́раса кайрё́* (С. Аслан) «Где-то в деревне стали раздаваться частые удары в пожарный колокол».

Наречия времени в повторном виде выражают крайнюю степень напряженности момента, указанного данным словом: *Петька че́ри халь-халь сиксе тухас пек та́палтатса та́пать* (Г. Краснов) «Сердце Пети бьется так сильно, будто вот-вот выпрыгнет»; *Вёрманта чы́лайччен-чы́лайччен нимё́нле*

сас-чў те пулмарё (В. Игнатъев) «В лесу долго-долго не было слышно никаких звуков».

Наречия меры и степени, образованные от имен существительных, в повторном виде выражают множество единиц, обозначенных производящими основами: *Еиёл вёрман илемёне савайнса сармáрксем мáйшáрaн-мáйшáрaн е ушкáнaн-ушкáнaн*¹ *сўрeссё* (Уйяп М.) «Радуюсь красоте зеленого леса, молодые люди гуляют парами или группами»; *Хулáн хумсем сыран хёрринелле валемён-валемён пырса сапáнчёс* (И. Григорьев) «Громадные волны вал за валом бились о берег»; *сыпкáмaн-сыпкáмaн ёс* «пить небольшими глотками».

Изобразительные слова в удвоенном виде выражают многократность или продолжительность имитируемого звука или образа: *Алкум патнелле такам юра качáрт-качáрт тутарса утрё* (В. Алентей) «Кто-то зашагал к сениям, скрипя снегом»; *Мáкáр-мáкáр калаçать вáл аппáшёне* (В. Паймен) «Он с сестрой говорит с брюзжанием»; *Тата унáн* [Кирилл Семенчáн] *күсёсене мáч-мáч хупса илес йáла пур* (В. Алентей) «Еще у него [Кирилла Семеновича] есть привычка моргать».

Повторные формы имен существительных с одинаковыми словоизменительными аффиксами в обоих компонентах употребляются очень редко. К таковым относятся:

а) формы 3 лица: *пўлми-пўлми тырри-пулли* (А. Алка) «полные хлебов закрома»; *карти-карти кикак-кикак хур кайáк* (Я. Ухсай) «вереницы крикливых диких гусей»; *катки-катки пылна су...* (И. Тáхти) «мед и масло кадками»; *чашки-чашки йáвача* «миски, полные колобков»;

б) разделительная форма на *-шар (-шер)*: *Виноград кáсал пите нумай, старик пире сункáмшар-сункáмшар татса парать* (Илпек М.) «Винограду нынче очень много, старик рвет целыми гроздьями»;

в) падежные формы: *Пурлаксем ялтан-ялтан пухáннá тет пёр сул сине* «Говорят, бурлаки собирались из многих деревень на одну дорогу».

Во всех приведенных случаях повтор выражает множество предметов, а словоизменительные аффиксы выступают в роли синтаксически связующего элемента.

Когда повторные формы образуются от существительных с пространственной семантикой типа *инсет* «даль», *си*

«верх», *сўл* «вершина», *кай* «зад», *ката* «даль», *хуш* «промежуток», *аяк* «сторона» и др. в падежных формах, то в результате утраты существительными предметной семантики они не выражают значения множественности, а выступают в значении наречия места с оттенком высшей степени дальности. Примеры: *Шухайшесем хайён инсете-инсете вёссе кайрёс* (Н. Мрань-кка) «Его мысли уносились далеко-далеко»; *Инсетре-инсетре сьалтърсем сьутатассь* (К. Пайраш) «Далеко-далеко светят звезды»; *Хумсем, сўле-сўле сёкленсе, кимёсене вайлӓраххӓн пыра-пыра сӓпма тытӓнчӓс* (К. Турхан) «Волны, поднявшись высоко-высоко, сильнее стали ударять о борта лодок»; *Сўлте-сўлте кайӓк хурсем кӓнтӓралла вёссе иртессь* (Тихӓн П.) «Высоко-высоко пролетают к югу дикие гуси»; *Пӓлесчӓ, сўлтен-сўлтен пӓхсан мӓнле курӓннӓ-ши ун чухне пӓчӓссь Сӓмен* (В. Игнатьев) «Хотелось бы знать, каким виднелся тогда маленький Семен, когда смотрели на него с самого верха».

Прилагательные только в некоторых падежных формах могут выступать в повторном виде: *Ачана пӓчӓкрӓн-пӓчӓкрӓн хӓнӓхтарса пыр* «Прививай ребенку навыки с самого раннего детства»; *Эпир санпа иксӓмӓр инсене-инсене кайӓпӓр* «Мы с тобой вдвоем отправимся далеко-далеко»; *Лекци нумая-нумая тӓсӓлчӓ* «Лекция длилась долго-долго».

У числительных в повторном виде употребляется главным образом разделительно-обобщенная форма. В данном случае повторение числительного обозначает множество групп, содержащих в своем составе одинаковое количество предметов или людей. Ср.: *Аэродромран самолетсем икшерӓн-икшерӓн сёкленчӓс* (В. Сатай). «С аэродрома поднимались по два самолета»; *Пурне те тӓрӓслесе пӓтерсен конвой пуслӓхӓ арестантсене вишшерӓн-вишшерӓн тӓратса тухрӓ* (М. Кипек) «Когда кончили проверку, старший конвоир построил арестантов по трое»; *Кам партизан пулма килӓшет, ман хыса тӓватшарӓн-тӓватшарӓн тӓрса тухӓр* (М. Кипек) «Кто согласен стать партизаном, становитесь за мной по четверо».

Глагольные предикативно-временные формы в повторном виде выражают:

1) напряженность процесса: *Каччӓсем ӓна чӓмса шырассь-шырассь* — *тупаймассь, пӓвене татса ярсан тин туртса кӓла-*

рассё (А. Артемьев) «Парни, ныряя, ищут-ищут его — не находят, обнаруживают только тогда, когда прорывают плотину»; «*Сан хыссын чупрам-чупрам, Чулхулана ситиччен те хаваласа ситеймерём*», — *каласа пачё Аринка* (Г. Харламповев) «"За тобой я бежала-бежала, но не смогла догнать до самого Нижнего Новгорода", — рассказывает Аринка»; *Кётнё-кётнё Ултутти майшёрне, ниепле те кётсе шлеймен* (С. Аслан) «Ждала-ждала Евдокия мужа, но никак не дождалась»;

2) результативное действие после продолжительных усилий — в таких случаях, как правило, к концу повторной формы глагола прибавляется частица *-ах (-ех)*: *Юратнй хёрне усал тайшман аллинчен сйлать-сйлатех* (А. Ёсхёл) «Все же спасает любимую девушку от злого врага»; *Микола мана укёте кёртрё-кёртрех* (Уйяп М.) «Микола меня все же убедил»; *Кяларчё-кяларчех*¹² *шыва путнй трактора* (В. Элпи) «Все-таки вытащил затонувший в воду трактор»; *Сапах пёр ёс тайвакансем кайран пёр чёлхе тупатчёс-тупатчёсех* (В. Сатай) «Делая одну работу, они потом все же находили общий язык»; *Колхоз чямартаннй-чямартаннах* (В. Сатай) «Колхоз все же организовался»;

3) многократность действия: *Хальччен никама та сив сймах каламанскер, кураксене тайпра муклашкисемпе пере-перейтласрё тет* (Хв. Уяр) «До сих пор никому не сказавший неласкового слова, ругался, говорят, кидая в грачей комьями земли»; *Вял [Санюк] пёрре пёчёк Георгий сине, тепре пирён еннелле пяха-пяха илет* (А. Ёсхёл) «Она [Санюк] посматривает то на маленького Георгия, то в нашу сторону»;

4) функциональная временная форма на *-нй (-нё)* в повторном виде выражает действие, до истечения которого говорящий желает выполнить другое действие: *Ёнтё пёр килнё-килнё — сумласа та хаварас* (Илпек М.) «Раз уж пришли (мы), надо бы и прополоть»; *Ларнй-ларнах, кайтахлахи апат та сиер мар-и?* «Раз сели, то не следует ли нам и пообедать?»; *Килнё-килнё, Ёнчё хёррине ситсе курас мар-и, Ярмуш?* (К. Турхан) «Раз пришли, не пойти ли нам, Ярмуш, посмотреть на берег реки Энче?».

От повторов грамматических морфем нужно отличать случаи, в которых повтор образует тавтологообразное (квизитавтологическое) сочетание типа *тёлме-тёл* «противоположный, напротив, носом к носу», *сймахран сймах* «дос-

ловно, слово в слово», *пищё-пищмен* «недоваренный, недозре-
лый». В них знаменательные компоненты имеют один и тот же
корень и являются различными формами одного и того же
слова. Характерным свойством квазитавтологических сочета-
ний является их способность образовываться по определенным
моделям. Они состоят из двух переменных лексических компо-
нентов. Постоянными элементами являются фиксированный
порядок следования и определенная грамматическая форма
компонентов. Квазитавтологизмы обладают семантической це-
лостностью, становятся наречными. Ср.: *кулен-кун* «ежеднев-
но», *сума-сум* «бок о бок, рядом», *вǎхǎтран-вǎхǎйт* «иногда,
временами», *пулчѐ-пулмарѐ* «как попало», *пузма-пуз* «баш на
баш» и др.

К стандартным повторам трудно относить и так назы-
ваемые слова-эхо типа *хǎрǎк-харǎк* или *хǎрǎк-марǎк* «суш-
няк, хворост, валежник». Такие слова Н.К. Дмитриевым
отнесены к парным словам. Но ряд исследователей рассмат-
ривает их в числе повторов необоснованно: ведь повторы
не могут выражать обобщающие понятия. Общепринятое в
языкознании положение о редупликации не нуждается в
пересмотре.

§ 4. Звуковые изменения на стыке морфов

Морфонология изучает фонологические явления, про-
исходящие между морфемами в рамках лексемы, а именно:
чередование фонем, вставку фонем, наложение фонем и
усечение фонемы основы.

Лексема — не механическое соединение морфем, в ней
содержатся и чисто морфонологические элементы (морфоне-
мы, интерфонемы, общие фонемы, усекаемые фонемы), уча-
ствующие для построения знака более высокого уровня, чем
уровень знака-морфемы.

Морфонологические явления происходят главным об-
разом на стыке морфов. Среди этих явлений более заметны
чередование фонем, наложение фонем и морфов. Эти два
явления охватывают как словообразование, так и морфо-
логию; вставка фонем связана только с морфологией, а
усечение фонемы основы связано только со словообразо-
ванием.

Вышеуказанные четыре морфонологические явления помогают группировать служебные морфемы вокруг основы. Если бы не было этих явлений, то в языке были бы лишь морфемы, а предложения состояли бы только из сочетаний не приспособленных друг к другу морфем.

При помощи морфонологических процессов (явлений) фонологически налагивается морфонологическая структура слова, из знаков низшего уровня — морфем — создаются знаки высшего уровня — лексемы.

Все морфонологические явления способствуют устранению неудобопроизносимых или неудобопонятных сочетаний фонем. Одни из них (чередование фонем, усечение фонем основы) выравнивают морфемы в отношении благозвучия, а другие (вставка фонем) сохраняют облик морфов, третьи же (наложение фонем) занимают промежуточное положение.

Для соединения морфа с другим морфом бывает достаточно применения одного вида морфонологического явления. Так, в качестве постоянного явления при стыковке морфов выступает чередование гласных фонем по передне-рядности-заднерядности (явление палатального сингармонизма). Но иногда одному морфонологическому явлению сопутствует другое морфонологическое явление, например, чередование фонем — вставка фонем и т.п.

Активное использование морфонологических явлений* больше всего проявляется при стыковке основы, имеющей в ауслауте гласную фонему, с морфом, имеющим в анлауте также гласную фонему. Самую малую активность использования морфонологических явлений наблюдаем при стыковке аффиксального морфа, имеющего гласную фонему в анлауте, с морфом основы, имеющим гласную фонему в ауслауте. Ту же картину наблюдаем, когда в конце корневого морфа находится гласная фонема, в начале аффиксального морфа — согласная фонема. Именно в конце первого и начале второго стыкующихся морфов бывает ряд морфонологических явлений.

*Под активным использованием морфонологических явлений понимается применение более чем одного вида этих явлений на месте стыковки морфем.

Язык эволюционирует. Непостоянство и изменчивость языковых элементов наблюдаются и в морфонологии. Так, при сочетании основы существительного на *-a/-e* с аффиксом родительного падежа в старочувашском языке использовали вставку фонемы *|n|*. Но в современном языке это средство стали употреблять все реже и реже, вместо него применяют чередование анлаутной гласной фонемы аффикса с нулем звука (вместо *лаша-н-ӓн* — *лаша-н*). В дательно-винительном же падеже все делается наоборот: вместо общепринятого чередования исходной гласной фонемы с нулем звука в некоторых словах стали пользоваться вставкой фонемы *|n|* (ср.: *каччӓ* «парень» — *качч-а* и *каччӓ-н-а*).

§ 5. Правила соединения морфем в лексемы

Лексема, как правило, состоит из морфем. Самые простые знаковые единицы — морфемы, сочетаясь друг с другом, образуют знаковые единицы более высокого уровня — лексемы. Но не любое сочетание морфем образует лексему. Для того чтобы сочетание морфем образовало лексему, требуется не только структурное ее единство, но и материальная (фонологическая) организация. В структурном отношении в основе лексемы должна быть корневая морфема, и за ней располагаются аффиксальные морфемы сообразно с их значениями, в конце лексемы занимает место постфикс, перед корневой же морфемой может разместиться префикс.

Очень редко бывает, что в лексемах чувашского языка корневые и аффиксальные морфемы не приспособливаются друг к другу.

Среди морфонологических процессов самое видное место занимает чередование фонем. Оно охватывает как словоизменение, так и словообразование.

§ 6. Чередование фонем

Чередование фонем обуславливается грамматической фонемой слова и не зависит от фонетических условий современного языка. Например, в паре *пӳрт* — *пӳрчӓ* чередование *т~ч* перед аффиксом *-ӓ* обусловлено грамматической формой

слова. Мы не можем говорить, что переход *т* в *ч* обусловлен здесь фонетической позицией. В современном языке вполне возможны сочетания фонем *|т|* и *|ѣ|*: *тѣнче* «мир», *вѣтѣ* «мелкий», *ѣнтѣ* «уже», *тѹртѣн* «спиной», *пѹртѣн* (род. п. слова *пѹрт* «дом») «у дома» и др.

Чередование фонем нужно отличать от чередования звуков. Последнее обусловлено уже фонетической позицией и характеризуется всеобщностью: при определенных фонетических позициях всегда происходит чередование. Ср.: *пул* «быть» — *пулѣ* [*л'*] «будет», *вѣрман* «лес» — *вѣрманѣ* [*н'*] «его (их) лес». Согласные, находясь перед гласными переднего ряда, в разной степени палатализуются в любом случае. В приведенных словах чередование (или варьирование) по твердости и мягкости происходит внутри одних и тех же фонем, т.е. чередуются алломорфы.

В лингвистике различают также *продуктивные* и *непродуктивные* чередования фонем. Продуктивные характеризуются регулярностью или повторяемостью. А неповторяемые, или единичные, случаи вообще трудно признать за чередования. «Одноразовый» предмет не может быть достаточным объектом научного исследования. Поэтому едва ли можно относить хотя бы к непродуктивным чередованиям такие соответствия, как *и/ѣ* (*кив* «толочь» — *кѣв-енте* «длинная палка, которой толкут белье»), *у/ѣ* (*хул* «рука, плечо» — *хѣл-аѣ* «маховая сажень», *кур* «видеть» — *кѣ-тарт* «показать»), *у/а* (*сул* «год» — *кѣ-сал* «в этом году»), *и/ѣ* (*пиѣ* «вариться» — *пѣѣ-ер* «варить»), *ы/а* (*шыв* «вода» — *шѣ-вар* «поить»): у нас нет достаточных данных, подтверждающих морфонологичность этого явления. Непродуктивные чередования имели место только в прошлом, а в современном языке выявляются лишь спорадически. Подобные соответствия рассматриваются исследователями лишь в качестве уникальной мены фонем.

Чередование фонем бывает как в корневой, так и в аффиксальной морфемах. При этом в чувашском языке чередование может быть обязательным и факультативным. Чередование считается обязательным, если при стыковке морфем невозможно обойтись без него. Если же при одном и том же морфонологическом условии можно обойтись или тем, или другим членом морфемы, то такое чередование

считается факультативным. Нормой литературного языка иногда не запрещается употребление словоформ с чередованием фонем или без чередования. Отметим также, что при сочетании морфем чередование может происходить как непосредственно на стыке морфем (на морфемном шве), так и внутри морфемы (не на морфемном шве).

Чередование фонем в морфемах может зависеть от следующих фонологическо-морфологических условий:

а) имеется ли в структуре аффикса слогаобразующая фонема или не имеется;

б) на какую фонему (гласную или согласную) оканчивается корень;

в) с какой фонемы (гласной или согласной) начинается аффикс;

г) к какой части речи относится корень или основа;

д) какой фонетический облик (природный или заимствованный) имеет слово;

е) каким (словообразующим или словоизменятельным) является аффикс;

ж) имеет ли словообразующий аффикс за собой словоизменятельный аффикс или не имеет.

Чередования в корневых морфах

В корневых морфах чередования происходят под влиянием фонологических особенностей аффиксальных морфем. Большей частью чередуются конечные фонемы. Но чередования бывают и в середине корневой морфемы.

В чувашском языке чередования на стыке морфов распространяются как на гласные, так и на согласные фонемы.

Ч е р е д о в а н и я г л а с н ы х ф о н е м

Для чередования гласных фонем в морфах основы всегда требуется наличие аффиксальной морфемы, начинающейся с гласного звука.

1. Чередования *у/ă*, *ÿ/ё* наблюдаются как при словообразовании, так и при словоизменении. Но эти чередования не самостоятельные, они всегда сопровождаются другим морфонологическим явлением — вставкой интерфонемы между морфами.

В чувашском языкознании долгое время бытовало мнение, что *у* чередуется с *ăв*, *ÿ* — с *ёв* и что *в* является элемен-

том корня. Не соглашаясь с этим, В.И. Котлеев рассматривает в качестве корня слова не *пърăв*, а *пърă* «теленек», и, по его утверждению, *в* употребляется как вставочный согласный в словах с губными гласными. Для доказательства своего положения автор приводит диалектные данные (*пъру-в-а*) [13, с. 10]. Убедительность этого аргумента возрастает, если мы учтем употребление *в* в качестве интерфонемы также в заимствованных словах на *-о*: *бюров-ё* «его (их) бюро», *депо-в-а* «в депо» и др.

В производных существительных, прилагательных и глаголах чередования *у/ă, ѳ/ё* являются регулярными. Вот примеры: *су* «доить» — *сă-в-ăм* «удой», *ту* «делать» — *тă-в-у падежĕ* «винительный падеж» (неологизм), *сў* «сдирать» — *сё-в-ём* «пучок (мочала)», *сё-в-ем* «кусок (нитки)», *шў* «намокнуть», — *шё-в-ё* «жидкий», *су* «масло» — *сăв-ак* «имеющий вкус масла».

При словоизменении это чередование весьма продуктивно.

Словоизменительные аффиксы, как и словообразовательные, начинаются с гласной фонемы. Ср.:

а) падежные и личные формы имен существительных: *ăру* «племя» — *ăрă-в-ăн*, *ăрă-в-а*, *ăрă-в-ăм*, *ăрă-в-у*, *ăрă-в-ё*, *ăрă-в-ăр*; *пў* «туловище» — *пё-в-ён*, *пё-в-е*, *пё-в-ѳ*, *пё-в-ё*, *пё-в-ёр*. (Исключение составляют заимствованные слова типа *кенгуру*, *Перу* и др. Эти существительные не изменяются по лицам, а при склонении их происходят другие морфонологические чередования: *кенгур-ун* > *кенгур-ăвё* и т.д.);

б) временные личные формы глаголов: *ту* «делать» — *тă-в-ат-ăн*, *тă-в-ат-ăн*, *тă-в-ас*, *тă-в-а*, *тă-в-ăн*, *тă-в-ăр*, *тă-в-ё*, *тă-в-ăтт-ăр*, *тă-в-и*, *тă-в-и-ччен*, *тă-в-усăн*; *тў* «топочь» — *тё-в-ет-ён*, *тё-в-ет-ён*, *тё-в-екен* и т.д.

2. Чередования *а/ă, и/ă, е/ё* трудно признать продуктивными, т.к. они применяются только в терминах родства, оканчивающихся на гласные, перед аффиксом 3 лица *-ё*. Эти чередования сопровождаются интерфонемой *ш*. Ср.: *аппа* «старшая сестра» — *аппă-ш-ё*; *пичче* «старший брат» — *пиччĕ-ш-ё*; *мучи* «старший брат отца» — *мучă-ш-ё*; *хăта* «сват» — *хăтă-ш-ё* и др.

Несомненный интерес представляет данное чередование в формах *амăшĕ* «его мать» и *ашиĕ* «его отец». Дело в

том, что в них трудно обнаружить корневые морфемы, бытующие в современном языке. Современная исходная форма *анне* «мать», надо полагать, образовалась в результате деформаций от слова *ама*, выступающего теперь со значением «самка»: *ама* > *ана* > *анне*. Ср. чередование *н~м*: тат. *тетен*, чув. *тётём* «дым» и др. В настоящее время слово *ама* имеет в 3 лице две формы: а) более древнюю (реликтовую) *амă-ш-ё* со значением «его мать» и б) современную *ам-и* (< *ама-и*) «его самка». Реликтовое употребление *ама* в значении «мать» сохранилось и в местных говорах (например, в некоторых селах Цивильского района): во 2 лице единственного числа здесь вместо литературного *анн-ў* «твоя мать» употребляется *ам-у* (> *ама-у*). Форма *аишĕ* «его отец» образовалась, по-видимому, в результате чередований и ассимиляций от слова *аса* «самец», «отец»: *атте-ш-ё* > *аттё-ш-ё* > *ат-ш-ё* > *аишĕ*.

3. Чередования *а/ф* (с нулем звука), *е/ф* продуктивны в производных именах существительных, главным образом с аффиксами *-ăш (-ёш)*, *-у (-ў)*, *-ăк (-ёк)*: *тачка* «сырой», «полный» — *тачк-ăш* «толща, толщина», *инĕ* «дальний» — *инĕш* «дальность», *хĕпĕрте* «радоваться» — *хĕпĕрт-ў* «радость», *хупла* «покрывать» — *хупл-у* «мясной закрытый пирог», *канашла* «совещаться» — *канашл-у* «совещание», *сапла* «ставить заплатку» — *сапл-ăк* «заплатка» и др.

В формообразовательном аффиксе (аффиксе отрицательного аспекта) *-ма (-ме)* при сочетании с последующим аффиксом, имеющим в анлауте гласную фонему, она чередуется с нулем звука: *вула* «читать» — *вула-ма-ăттăм* (будущее сослагательное) > *вула-м-ăтт-ăм* «я не читал бы», *вула-ма-и* (функциональная форма определения) > *вула-м-и* и др.

При словоизменении данное чередование происходит в следующих случаях: а) в личных формах имен существительных — при наличии аффиксов 3 лица *-ё (-и)*, множественного числа *-у (-ў)*: *лаша* «лошадь» — *лаш-и*, *лаш-ăр*, *лаш-у*; *кĕнеке* «книга» > *кĕнек-и*, *кĕнек-ăр*, *кĕнек-ў*; б) в глагольных формах — при наличии аффиксов 1 лица *-ăп (-ён)*, 2 лица *-ăн (-ён)*, множественного числа *-ăр (-ёр)*, 3 лица *-ё* и др.: *кала* «сказать» > *кал-ăп*, *кал-ăн*, *кал-ăр*, *кал-ё*, *кал-ăтт-ăм*, *кал-и*, *кал-иччен*, *кал-уăн*; *итле* «слушать» > *итл-ён*, *итл-ён* и др.; в) в аффиксе функционального определительного времени (причастия) *-малла (-мелле)* при соединении аффикса выделения *-и*: *вула* «читать» — *вуламалла* + *и* > *вуламалли*

«необходимый для чтения»; г) в аффиксе местного падежа имени при сочетании с аффиксом выделения *и* -: *ман-ра* «у меня» > *ман-р-и* «то (из них), что (находится) у меня», *сиччёре* «в семь лет» + *и* > *сиччё-р-и* «тот (из них), кому семь (лет)».

4. Чередования *й/ф*, *ё/ф* присущи производным прилагательным, образованным при помощи аффиксов *-ам* (*-ем*), *-амас* (*-емес*), *-ак* (*-ек*), и производным наречиям, образованным при помощи аффикса *-ән* (*-ён*):

а) *ту́рё* «прямой» — *ту́р-ем* «ровный, гладкий»; *сутӓ* «светлый» — *сут-ам* «светлолицый»; *шӓртлӓ* «со щетиной» > *шӓртл-амас* «щетинистый»; *хырӓмлӓ* «с животом» > *хырӓмламас* «пузатый»; *хытӓ* «твердый» — *хыт-ак* «недоваренный»; *шӓвӓ* «жидкий» > *шӓв-ек* «жидковатый»; *вӓслӓ* «имеющий конец» > *вӓсл-еке* «острый, заостренный»; *шывлӓ* «имеющий воду» > *шыв-лака* «водянистый»; *сутӓ* «светлый» > *сут-анка* «светленький», *пушӓ* «пустой» > *пуш-анка* «просторный»;

б) *шурӓ* «белый» > *шурр-ән* «беловато», *вӓтӓ* «мелкий» > *вӓтт-ён* «мелко» и др. Фонема *[ӓ]* может чередоваться с нулем звука в анлауте основы при условии, если префиксы *та-* и *ни-* присоединяются к местоимению *ӓста* «где» спереди: *та-ӓста* > *та-ста* «где-то», *ни-ӓста* > *ни-ста* «нигде».

При словоизменении существительных и прилагательных это чередование обязательно сопровождается чередованием кратких согласных с геминатами при условии, если перед ауслаутной фонемой *[ӓ]* или *[ё]* имеется лишь один согласный, ср.: а) *атӓ* «сапог» — *атт-а* (дат.-вин. п.), *атту* (2 л.), *атт-и* (3 л.), *атт-ӓм* (1 л.), *атт-ӓр* «ваш сапог»; б) *шурӓ* «белый» — *шурр-и* «то (из них), что является белым»; *сӓнӓ* «новый» — *сӓнн-и* «то (из них), что является новым».

При употреблении глаголов настоящего и многократного прошедшего времени в отрицательном аспекте фонемы *[ӓ]* и *[ё]* временного аффикса чередуются с нулем звука. Ср.: *сыр-ат-ӓп* — *сыр-мас-т-ӓп*; *сыр-атт-ӓм*, *сыр-мас-т-ӓм*.

5. Чередование *о/ф* нерегулярно, оно характерно для определенного круга заимствованных существительных при употреблении их с аффиксом 3 лица: *звено* — *звен-и*, *перо* — *пер-и*, *пальто* — *паль-ти*, *вещество* — *веществ-и*. Остальные суще-

ствительные на -о (*депо, бюро* и др.) образуют форму 3 лица, используя другое чередование.

Ч е р е д о в а н и е с о г л а с н ы х ф о н е м

Чередование конечных согласных фонем возможно только при условии, если корневой морф сочетается с аффиксальным морфом, имеющим в анлауте гласную фонему.

6. Чередования *т/ч, д/ч, дь/ч* присущи только именам существительным при употреблении их в форме 3 лица. Ср.: *турат* «ветка» > *турач-ё, парад* > *парач-ё, тетрадь* > *тетрач-ё*. Но такие чередования в корневых морфах имеют ограничения. Форма 3 лица существительного при употреблении в местном и исходном падежах сталкивается с другим подобным же чередованием (*т/ч*), но не в морфах основы, а в аффиксальных морфах указанных падежей. Повидимому, чтобы избежать стечения двух одинаковых чередований, говорящие стараются обойтись без первого чередования; ср.: *турач-ё* > *турат-ён-че* (мест. п.), *турат-ён-чен* (исх. п.); *тетрач-ё* > *тетрад-ён-че* (мест. п.), *тетрад-ён-чен* (исх. п.).

7. Чередование краткого согласного с геминатой связано с образованием словоформ прилагательных, формообразованием существительных.

Реляционным аффиксом, вызывающим чередование согласных по краткости и долготе, является -*ән* (-*ён*). Такое чередование происходит в двух случаях:

а) если прилагательное оканчивается на согласную фонему: *сăмăл* «легкий» — *сăмăлл-ән* «легко, легкомысленно», *йывăр* «тяжелый» — *йывăрр-ән* «тяжело, с усилием», *сепёс* «ласковый» *сепёс-ён* «ласково, нежно» и др.*

б) если прилагательное оканчивается на гласную *|ă|* или *|ê|*. Но следует заметить, что при образовании наречия происходит здесь не только чередование предпоследней согласной фонемы по краткости и долготе, но и конечной гласной фонемы *|ă|* или *|ê|* с нулем звука, о чем было сказано выше: ср.: *сывă* «здоровый» — *сывв-ән* «здоровенько», *вётё* «мелкий» — *вёттён* «мелко, быстро, часто» и др. И чередо-

* Небезынтересно отсутствие указанного чередования при образовании словоформ с помощью аффикса -*ән* (-*ён*) от имен существительных, оканчивающихся на согласную фонему: *ир-кас* — *ирён-касăн* «днем и ночью», *вăхăт* «время» — *вăхăтăн* «временами» и др.

вания предпоследней согласной фонемы не бывает, если ей предшествует другая согласная фонема: *лăпкă* «спокойный» — *лăпкăн* «спокойно» и др. В данном случае применяется лишь наложение морфов: фонема *|ă|* одинаково относится и к корню, и к аффиксу.

Здесь же уместно привести данные о словоизменении имен прилагательных с помощью аффикса выделения *-и*. Чередование согласных по краткости и долготе в выделительных фонемах прилагательных происходит в тех же условиях, что и при образовании словоформ с помощью аффикса *-ăн* (*-ĕн*): а) *çăмăл* «легкий» — *çăмăлл-и* «то (из них), что является легким»; б) *кивĕ* «старый» — *кивв-и* «то (из них), что является старым» и др.

Словоизменительными аффиксами имен существительных, вызывающими чередования согласных по краткости и долготе, являются аффиксы лиц и личного множественного числа: *-ăм* (*-ĕм*), *-у* (*-ĕ*), *-и*, *-ăр* (*-ĕр*), а также аффиксы родительного и дательно-винительного падежей *-ăн* (*-ĕн*), *-а* (*-е*). Но здесь чередованию подвергаются только те согласные фонемы, которые стоят перед исходной гласной фонемой *|ă|* или *|ĕ|*. Конечно, как и при образовании наречия и выделительной формы прилагательного, чередование согласных по краткости и долготе сопровождается чередованием гласной фонемы *|ă|* или *|ĕ|* с нулем звука: а) *тулă* «пшеница» — *тулл-ăм* (1 л.), *тулл-у* (2 л.), *тулл-и* (3 л.), *тулл-ăр* (2 л. мн. ч.); *сĕлĕ* «овес» — *сĕлл-ĕм* (1 л.), *сĕлл-ĕ* (2 л.), *сĕлл-и* (3 л.), *сĕлл-ĕр* (2 л. мн. ч.); б) *тулă* — *тулл-ăн* (род. п.), *тулл-а* (дат.-вин. п.); *сĕлĕ* — *сĕлл-ĕн* (род. п.), *сĕлл-е* (дат.-вин. п.).

Но это чередование в некоторых случаях не обнаруживает полной продуктивности. В современном чувашском языке имеется несколько имен существительных на *-ă* (*-ĕ*), в которых при образовании форм 3 лица не происходит чередования согласных по краткости и долготе; ср.: *пушă* «кнут» + *-и* > *пуш-и** «его (их) кнут», *тутă* «вкус» + *-и* > *тут-и* «его (их) вкус»; *утă* «сено» + *-и* > *ут-и* «его (их)

* Но *пушă* (яп. я.) — *пушиш*; ср. *кĕтĕç* *пушиш*. См.: Орфографический словарь чувашского языка (Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. С. 199).

сено». Это, по-видимому, связано с явлением отталкивания от омонимичных форм, ибо форма *пушиш-и* обозначала бы «то (из них), что является пустым» (форма выделения имени прилагательных), *тутт-и* «тот (из них), который сыт», *утт-и* «его (их) походка».

Если же в имени существительном ауслаутной фонеме [ǣ] или [ǣ̃] предшествует не одна согласная фонема, а две, то в большинстве случаев не происходит чередования согласного по краткости и долготе: *пёрчĕ* «зернышко» — *пёрч-ĕм* (1 л.), *пёрч-ŷ* (2 л.), *пёрч-и* (3 л.), *пёрч-е* (дат.-вин. п.); *кǣткǣ* «муравей» — *кǣтк-и* (3 л.) и др. Единственное слово *пуртǣ* «топор» не подчиняется этому правилу: несмотря на наличие двух согласных фонем перед [ǣ], последняя краткая согласная фонема [t] чередуется с долгим [t̃] > *пуртт-ǣм* (1 л.), *пуртт-у* (2 л.), *пуртт-и* (3 л.), *пуртт-а* (дат.-вин. п.) и др.

Хотя в школьных учебниках и орфографических правилах в целях нормализации языка не предусматривается чередование конечных согласных по краткости и долготе и дается предпочтение формам без чередования, тем не менее в речи большинства говорящих независимо от того, представителями каких говоров они являются, а также в произведениях художественной литературы часто можно встретить употребление словоформ типа (*улма*) *йывǣсси* «(яблонево)е дерево», *арман сунатти* «крыло (мельницы)», *сурǣххи* «его (их) овца», (*тимёрсĕ*) *ласси* «(кузнечная) лачуга», (*хула*) *сынни* «(городской) житель» и др., где налицо это чередование. Объяснение данного явления, пожалуй, может быть двояким. Во-первых, словоформы типа *ласси* (3 л.) могли иметь в отдаленном прошлом основу с гласной фонемой [ǣ] на конце (*ласǣ* «лачуга» [А VIII, с. 55] и чередование конечного согласного по краткости и долготе было вполне закономерным; но поскольку в современном языке употребляется не *ласǣ*, а *лас*, то форму *ласси* можно признать как реликтовую; во-вторых, в древнем языке чередования конечных согласных по краткости и долготе могли происходить не только в формах прилагательных с согласными на конце, но и существительных, поэтому и формы типа *сунатти* (от *сунат*), *йывǣсси* (от *йывǣс*) были не случайными, а в современном языке эти чередования являются реликтовыми.

Суммируя вышеизложенное по данному виду чередований, можно сказать, что в современном чувашском языке идет процесс унификации в сторону образования словоформ имен существительных без чередования конечных согласных по краткости и долготе.

8. Чередование конечной фонемы $|p|$ с нулем звука охватывает всего десять¹³ глаголов: *йёр* «плакать», *кёр* «войти», *кёр* «приносить», *пар* «давать», *пер* «кидать», «стрелять», *пыр* «идти», «приходить», *тёр* «стоять», *хур* «класть», *шёр* «мочиться», *яр* «посылать», «пускать». В этих глагольных основах перед аффиксами, имеющими в анлауте гласные фонемы или согласную фонему $|ç|$, эта группа глаголов выступает, как и остальные глаголы на *p*, без чередования, ср.:

а) *пыр* «приходить» — *пы-т-ём* (1 л.), *пыч-ё* (3 л.), *пын* (прич. прош. вр.), *пы-ма* (инф.), *пы-малла* «необходимо прийти», *пы-мал*х (прич. достаточности), *пы-массерен* «после каждого прихода», *пы-тёр* «пусть приходит», *пы-ччёр* «пусть приходят»; но:

б) *пыр-а-тён* «я иду», *пыр-ён* «я приду», *пыр-атт-ём* «я приходил», *пыр-ётт-ём* «я приходил бы», *пыр-ам* «дай приду», *пыр-ён-ин* «ну и что, если приду», *пыр-акан* (прич. наст. вр.), *пыр-и* (прич. недостаточности), *пыр-ай-ма-сть* «он не может прийти», *пыр-са* (деепр.) «приходя», *пыр-сан* «приходя», *пыр-сатт-ём* «я (когда-то) приходил».

Исследователи чувашского языка пытались дать историческое объяснение чередованию конечной фонемы $|p|$ с нулем звука в глаголах, но, нам кажется, мы не имеем еще удовлетворительного, непротиворечивого истолкования этого явления.

9. Чередования *а/ф*, *ё/ф* возможны только в тех случаях, если гласные фонемы $|а|$ и $|ё|$ находятся в последнем слоге закрытого типа корневой морфемы и прибавляющийся за ней аффикс (словообразовательный или словоизменятельный) является неприкрытым или же если $|а|$ и $|ё|$ находятся в последнем слоге закрытого типа корневой морфемы и прибавляющийся за ней аффикс является прикрытым. Чередования в этом месте может и не быть. Все зависит от воли говорящего, темпа речи, логического ударения и т.п. Так, из-за высокого темпа речи или отсутствия логического ударения гласные неполного образования *а* или *ё* могут

претерпевать различные количественные изменения. Может быть так, что $|\check{a}|$ и $|\check{e}|$ исчезают из состава слова, т.е. чередуются с нулем звука. Ср.: а) *пурăн* «жить» + *ăç* > *пурăн-ăç* || *пурн-ăç* «жизнь», б) *пурăн-ат-ăп* || *пур(ă)н-ат-ăп* > *пурн-атăп* «я живу».

В литературном языке допускается двоякое употребление (и с чередованием, и без чередования) при образовании, например, следующих слов: *каçăр* «задранный кверху» — *каçăр-ăл* || *каçр-ăл* «откидывать голову назад», *сёмёр* «ломать» — *сёмёр-ен* || *сёмр-ен* «стрела», *шăнкăр* — подражание звону — *шăнкăр-ав* || *шăнкр-ав* «колокольчик», *ырă* «добрый» — *ырăлăх* || *ыр-лăх* «доброта», *савăн* «радоваться» — *савăн-ăç* || *савнăç* «радость».

Но при формообразовании в целях нормализации литературного языка в школьных учебниках и орфографических правилах в настоящее время рекомендуется употребление словоформ без чередования *ă* или *ě* с нулем звука, хотя закономерности указанного чередования являются одинаковыми как при словообразовании, так и при словосложении. Мы высказываемся за возможность употребления двух вариантов словоформы: и *савăнăçсě*, и *савнăçсě* «они радуются». В поэтической речи давно пользуются этой возможностью.

Корневые морфемы с редуцированными $|\check{a}|$ и $|\check{e}|$ и без этих гласных очень близки к вариантам: как будто они взаимозаменяемы. Но, поскольку рассматриваемое чередование связано с морфонологическими условиями и иногда допускается предпочтение одного из морфов, то мы не считаем нужным относить подобные морфы к вариантам.

В качестве такого прочно закрепленного (т.е. факультативного) чередования можно представить чередование *ă/φ*, *ě/φ* в морфах аффикса 1 лица. При спряжении глагола в настоящем времени в единственном числе морф аффикса 1 лица имеет в анлауте гласную фонему $|\check{a}|$ или $|\check{e}|$, а во множественном числе он чередуется с нулем звука: *уç* «открывать» — *уç-ат-ăп* (ед. ч.) — *уç-ат-н-ăр* (мн. ч.), *тўс* «терпеть» — *тўс-ет-ĕп* (ед. ч.) — *тўс-ет-н-ĕр* (мн. ч.). По-видимому, в подобных формах старочувашского языка чередование фонем $|\check{a}|$ и $|\check{e}|$ с нулем звука имело факультативный характер, но в современном чувашском языке оно считается нормой. И ни в одном времени и наклонении мы не встречаем такого чередования.

Чередование *ǣ* или *ĕ* с нулем звука имеет и ограничения. Оно невозможно: а) когда перед или после *ǣ* и *ĕ* имеется сочетание двух или трех согласных фонем: аслǣк «навес» — аслǣк-ра (мест. пад.), сĕмĕрт «черемуха» — сĕмĕрт-рен (исх. п.) и др.; б) когда перед *ǣ* или *ĕ* имеется гемината: вǣрттǣн «тайный» — вǣрттǣн-рах (сравн. ст.), тǣххǣр «девять» — тǣххǣрта (мест. п.); в) когда фонемы *|ǣ|* и *|ĕ|* образуют односложный корень: кĕт «ждать» — кĕт-ет-ĕп «жду», вǣй «сила» — вǣй-лан-ч-ĕ «стал(а) сильным(ой)» и др.

Чередования в аффиксальных морфах

Аффиксальная морфема, следующая за предыдущей, независимо от того, к какому типу относится эта морфема (к корневному, словообразующему или формообразующему), может оказаться под влиянием дистрибутивных элементов с двух сторон: или под влиянием предыдущей морфемы, или под влиянием последующей одновременно.

Если аффиксальный морф находится под влиянием предыдущего морфа, то чередование происходит в анлауте следующего аффиксального морфа, если же аффиксальный морф оказывается под влиянием аффиксального морфа, стоящего за ним, то чередование происходит в ауслауте морфа, стоящего впереди.

Ч е р е д о в а н и я г л а с н ы х ф о н е м

1. Чередования *у/ǣ, ŷ/ĕ* свойственны словообразовательной морфеме имен существительных на -у (-ŷ). Чередования эти происходят таким же образом и под влиянием таких же словоизменительных аффиксов, что и при чередовании конечных гласных фонем *|у|, |ŷ|* именных корней (см. выше): ĕнентер-ŷ — ĕнентер-ĕ-в-ĕ (3 л., осн. п.), ĕнентер-ĕ-в-ŷ (2 л., осн. п.); ǣнлан-тар-у — ǣнлантар-ǣ-в-а (дат.-вин. п.) и др.

Что же касается морфемы словоизменения -у (-ŷ), то она, как правило, не имеет чередования указанного типа, ср.: ǣпал-у «твоя вещь» — ǣпал-у-н-а (дат.-вин. п.). Но оно обнаруживается у существительных — названий частей пространства (в тюркологии их называют также служебными именами). При употреблении аффиксального морфа 2 лица перед морфами местного, исходного падежей происходят чередования *у/ǣ, ŷ/ĕ*. Сюда

относятся существительные *ум* «перед», *хыс* «зад», *си* «верх», *айш* «нутро» и некоторые другие. Ср.: *ум-айн-та* «перед тобой», *си-й-ён-те* «на тебе, над тобой» и др.

В глаголах же аффикс 2 лица выступает всегда с гласной фонемой *|a|* или *|e|*, в них сохраняется прежнее (древнее) состояние, т.е. здесь не бывает чередования *у/ă, ŷ/ě*.

2. Чередования *а/ф*, *е/ф* свойственны как словообразовательным, так и словоизменительным аффиксам. В каждом случае наблюдаются особенности.

В словообразовательных аффиксах имен существительных фонемы *|a|* и *|e|* могут чередоваться с нулем звука, если они находятся в ауслауте морфа и к ним прибавляется словоизменительный аффикс с гласным в анлауте. Словом, здесь повторяется та же картина, что и при чередовании *а/ф* или *е/ф* в морфах основы имен существительных. Таких аффиксов в чувашском языке немного: *-са* (*-се*), *-ха* (*-хе*) и *-ча* (*-че*). И все они являются непродуктивными. Примеры: *йён-се* «вязальная игла», *йён-с-и* (3 л.), *йён-с-ёр* (2 л. мн. ч.), *ал-са* «рукавица» — *ал-с-у* (2 л.); *сил-хе* «грива» — *сил-х-и* (3 л.), *сăм-ха* «моток ниток» — *сăм-х-у* (2 л.), *шакăр-ча* «трещотка» — *шакăр-ч-и* (3 л.) и др.

В глагольных же словообразовательных аффиксах даже при наличии такого же условия не происходит чередования: ср. *ят-ла* «ругать» + *-ăç* > *ят-ла-ç* «ругаться» (взаимный залог); *савала* «строгать» + *-ăн* > *савала-н* «строгаться» (возвратный залог), *чăмăр-та* «сжимать» + *-ăн* > *чăмăр-та-н* «сжиматься» и др. В данном случае чередование совершается в словоизменительном аффиксе. Или же здесь возможно частичное наложение морфов.

При употреблении глаголов настоящего и многократного прошедшего времени в отрицательном аспекте фонема *|a|* или *|e|* временного суффикса чередуется с нулем звука. Ср.: *сырат-ăп* — *сыр-мас-т-ăп*, *сыратт-ăм* — *сыр-мас-т-ăм*. Но причина этого явления пока не установлена.

Гласная фонема аффикса отрицательного аспекта *-ма(-ме)* при сочетании с последующим глагольным словоизменительным аффиксом, имеющим в анлауте гласную фонему, чередуется с нулем звука: *вула* «читать» — *вула-ма-ăтт-ăм* > *вула-*

м-йтт-йм «я не читал бы», *вула-ма-и* > *вула-м-и* (функционально-временная форма определения).

К этому же типу относится чередование фонемы $|a|$ или $|e|$ с нулем звука: а) в аффиксе местного падежа любого имени с последующим аффиксом выделения *-и*: *вйрман-та* «в лесу» + *-и* > *вйрман-т-и* «тот (из них), который (находится) в лесу»; *ман-ра-и* > *ман-р-и* «то (из них), что находится у меня»; *сичч-ёре-и* > *сичч-ё-р-и* «тот (из них), которому семь (лет)»; б) в аффиксе определительной временной формы *-малла* (*-мелле*) с последующим аффиксом выделения *-и*: *вула-мал-ла* + *-и* > *вуламалла* + *-и* > *вула-малл-и* «то (из них), что необходимо прочесть».

3. Чередования $\dot{a}/\phi$, $\dot{e}/\phi$ в аффиксе атрибутивной временной формы *-нй* (*-нё*) происходят в двух случаях: 1) при сочетании с последующим аффиксом выделения *-и*: *кётнё* > *кёт-н-и* «тот (из них), который ждал (или: которого ждали)»; 2) при сочетании с предшествующим аффиксом отрицательного аспекта *-ма* (*-ме*): *кёт-ме-нё* > *кёт-ме-н* «не ждавший» (или «нежданный»). В последнем случае изредка, особенно в реликтовых формах и конструкциях, встречаются нарушения этого правила: не происходит чередования: *йн* «удаваться» – *йн-ма-нй* «неудачливый, негодный», *Сёр сйтманй нусна!* (К. Иванов) «Провалиться бы тебе!» (букв. «не проглоченную землей твою голову»).

Чередование $\dot{a}/\phi$, $\dot{e}/\phi$ происходят в аффиксах и именного словообразования *-йм* (*-ём*), и глагольного словообразования *-йл* (*-ёл*), а также в аффиксе родительного падежа *-йн* (*-ён*) и в 1 лице имени *-йм* (*-ём*), но при условии наличия в ауслауте фонемы $|a|$ или $|e|$: *тумла* «капать» + *-йм* > *тумлам* «капля», *мйка* «тупой» + *-йл* > *мйкал* «становиться тупым»; *лаша* «лошадь» + *-йм* > *лашам* (1 л.); *лаша* + *-йн* > *лашан* (род. п.). Но в глагольных аффиксах при тех же условиях чередований гласных фонем не бывает (элиминируется гласная фонема основы); ср.: *кала* «сказать», *кал-йн* (буд. вр., 2 л.) и др.

Влияние морфов основы на последующие аффиксальные морфы здесь объясняется, по-видимому, тем, что на стыке морфов встретились гласные фонемы неравносильного обра-

зования: гласные фонемы $|a|$, $|e|$ полного образования и редуцированные гласные $|\check{a}|$, $|\check{e}|$ неполного образования.

Чередование $\check{e}/\phi$ происходит также в морфе 3 лица имени существительного $-\check{e}n$ в дательном-винительном падеже; ср.: *самолет* — *самолет-ѣнче* (3 л., мест. п.) — *самолет-н-е* (3 л., дат.-вин. п.); *пилеш* «рябина» — *пилеш-ѣн-че* (3 л., мест. п.) — *пилеш-н-е* (3 л., дат.-вин. п.).

4. Чередования u/ϕ , $\check{y}/\phi$ происходят в морфах 2 лица $-ун$ ($-\check{y}n$)¹⁴. При употреблении морфа 2 лица с существительными, имеющими на конце основы согласный, в дательном-винительном падеже. Ср.: *юлташ* «товарищ» — *юлташ-ун-та* (2 л., мест. п.) — *юлташ-н-а* (2 л., дат.-вин. п.); *нўрт* «изба» — *нўрт-ўн-те* (2 л., мест. п.), — *нўрт-н-е* (2 л., дат.-вин. п.). Но форма дательного-винительного падежа существительных с мягкой основой во 2 лице полностью совпадает с формой 3 лица дательного-винительного падежа. Поэтому в современном чувашском языке, чтобы избежать омонимии, в данном случае, употребляют морф дательного-винительного падежа $-а$. Поскольку он способствует устранению омонимичности форм, то чередование e/a в подобных случаях принимает грамматическое значение.

5. Чередования $\check{a}/a$, $\check{e}/e$ происходят в морфеме обстоятельственной формы $-са$ ($-се$) // $-с\check{a}p$ ($-с\check{e}p$). Алломорф $-с\check{a}p$ ($-с\check{e}p$) является древнейшим, употребляется он только в отрицательном аспекте глагола. В положительном же аспекте применяется алломорф более позднего образования $-са$ ($-се$). Ср.: *тар\`х* «сердиться» — *тар\`хмас\`р* «не сердясь» — *тар\`хса* «сердясь»; *к\`т* «ждать» — *к\`тмес\`р*<sup>15</sup> «не подождяв, не ожидая» — *к\`тсе* «ожидая». Здесь одновременно с чередованием гласных происходит и чередование ауслаутного согласного p/ϕ .

Ч е р е д о в а н и я с о г л а с н ы х ф о н е м

6. Чередование вибранта p с переднеязычным t присуще словоизменительным аффиксам имен существительных, прилагательных и глаголов.

Если сравнить с данными других тюркских языков [17, с. 132–142], то можно полагать, что базисными формами аф-

фиксов местного и исходного падежей в старочувашском языке тоже были *-та (-те)*, *-тан (-тен)*, так как в тюркских языках они употребляются после основ как с гласными, так и с согласными на конце. Но в современном чувашском языке в позиции после гласных и большинства согласных *т* чередуется с *р*, и падежные аффиксы имеют облик *-ра (-ре)*, *-ран (-рен)*. Только после основ на *р* устойчиво держится древний облик аффиксов указанных падежей. А после основ на *л*, *н* чередование *т/р* принимает нечеткий, факультативный характер. Ср.: можно употреблять и *килтен киле*, и *килрен киле* «из дома в дом», *хăвайран* и *хăвайтан* «из дупла», *арăсланран* и *арăслантан* «от льва» и т.д. Поэтому, если исходить из данных употребления алломорфов, можно полагать, что для современного языка базисными формами указанных падежей являются не *-та (-те)* и *-тан (-тен)*, а *-ра (-ре)* и *-ран (-рен)*. Что же касается новых заимствованных основ с конечными *л*, *н*, то после них употребляются алломорфы с *р* в анлауте: *Лондонран*, *металран*, *кристалран*, *эшелонран*, *боцманран* и т.д. Значит, в словоформах имен существительных процесс чередования *т/р* продолжает прогрессировать.

Но тут имеются исключения. Если аффиксы местного и исходного падежей употребляются не после основы, а после словоизменительного аффикса, имеющего на исходе фонему *|н|*, то не происходит чередования, сохраняются первоначальные формы аффиксов падежей, например, после аффикса 2 лица *ум-ăн-та* «перед тобой» *юлташ-ун-тан* (в разговорной речи возможно: *юлташ-ăн-тан*) «от твоего товарища».

А после аффикса множественного числа или аффикса 3 лица под их воздействием анлаутная согласная фонема *|т|* в аффиксах местного и исходного падежей чередуется также с *|ч|*: *юлташсен-че*, *юлташ-ĕн-чен* (ср. чередование конечного *т* основы имени существительного под влиянием аффикса 3 лица: *пур-ч-ĕ* < *пурт* «дом»).

Таким образом, в аффиксах местного и исходного падежей возможно тройное чередование *т/р/ч*, которое можно представить как двусторонние чередования:

т/р ($\begin{matrix} -\text{те} & -\text{ра} \\ -\text{та}/ & -\text{ре} \end{matrix} / \begin{matrix} -\text{тан} \\ -\text{тен} \end{matrix} / \begin{matrix} -\text{ран} \\ -\text{рен} \end{matrix} \right)$ и т/ч ($\begin{matrix} -\text{та} & -\text{тан} \\ -\text{те}/-\text{че} & -\text{тан}/-\text{чен} \end{matrix} \right)$

Чередование *т/р* обнаруживается и в морфеме сравнительной степени имен прилагательных. Морф с фонемой *|p|* выступает после морфов основ имен прилагательных на все гласные фонемы, а также на большинство согласных фонем: *таса* «чистый» — *таса-рах* «чище», *пёчэк* «маленький» — *пёчэк-рех* «меньше», морф с фонемой *|p|* — после имен прилагательных на сонорные *й, л, м, н, р*. Но, за исключением фонемы *|p|*, эти сонорные не могут прочно удерживать стоящую за собой фонему *|m|* аффикса сравнительной степени. В этой позиции может выступать не только *|m|*, но и *|p|*. Ср.: *нумай* «много» — *нумай-рах* и *нумай-тарах*, *кахал* «ленивый» — *кахал-рах* и *кахал-тарах*, *тёксём* «темноватый» — *тёксём-рех* и *тёксём-терех*, *вёрём* «длинный» — *вёрём-рах* и *вёрём-тарах*, *хулён* «толстый» — *хулён-рах* и *хулён-тарах*. Только после основ на *р* алломорф с фонемой *т* в анлауте не имеет колеблющегося чередования: *йывёр* «тяжелый» — *йывёр-тарах*, *тискер* «свиристый» — *тискер-терех*. Некоторые поэты употребляли в свое время и после прилагательных на *р* алломорф *-рах (-рех)*: *хаяр* «сердитый» — *хаяр-рах* (В. Барев), *хастар* «храбрый» — *хастар-рах* (А. Петтоки). Но в современном языке подобные словоформы воспринимаются как аномалии.

Чередование *т/р* свойственно и глагольным формам однократного прошедшего времени. Фонемы *|m|* и *|p|* репрезентируют в глагольных формах аффикс времени без дополнительных фонем. Морф *-р*, как и морф с фонемой *|p|* в именах существительных и прилагательных, употребляется после основ глагола на все гласные фонемы и большинство согласных фонем. Морф *-т* используется лишь после основ глагола на сонорные согласные фонемы *|л|, |л'|, |р|*. Но здесь нет такого непостоянства употребления фонем *|m|* и *|p|* в алломорфах, какое мы наблюдаем в словоформах имен существительных и прилагательных. Ср.: а) *васка* «торопиться» — *васка-р-ём* «я торопил-

ся», *кѣт* «ждать» — *кѣт-р-ѣм* «я ждал», б) *кул* «смеяться» — *кул-т-ѣм* «я смеялся», *чѣн* «звать, приглашать» — *чѣн-т-ѣм* «я пригласил», *кур* «видеть» — *кур-т-ѣм* «я видел» и др.

7. Чередование сонорных *н/м* свойственно лишь аффиксу множественного числа. Судя по данным парадигмы склонения форм множественного числа, базисной формой аффикса можно считать *-сен*: она сохраняется в более древних падежных формах: родительном, дательном-винительном, местном и исходном* [1, с. 44–58; 5, с. 286; 13, с. 36; 16, с. 90–91, 192–195; 18, с. 137–155]. В некоторых говорах (в с. Слакбаши Башкортостана, Урмарском районе Чувашской Республики и др.) она сохранилась и в основном падеже, например, вместо литературного *лашасем* «лошади» произносят *лашасен*. Возможно, такая форма употреблялась и в старочувашском языке, иначе трудно было бы оправдать наличие фонемы *|н|* в структуре алломорфа множественного числа в родительном, дательном-винительном, местном, исходном падежах. В какой-то период в основном падеже фонему *|н|* стали чередовать с фонемой *|м|*. Во вновь образованных падежах (твор., прич.-цел., лишит.) аффиксы прибавляются уже к морфу с фонемой *|м|*. Парадигма склонения слова *сын* «человек» во множественном числе выглядит теперь таким образом: осн. п. *сын-сем*, род. п. *сын-сен-ѣн*, дат.-вин. п. *сын-сен-е*, мест. п. *сын-сен-че*, исх. п. *сын-сен-чен*, твор. п. *сын-сем-не*, лишит. п. *сын-сем-сѣр*, прич.-цел. п. *сын-сем-шѣн*.

8. Чередование *м/н*. Личные формы глагола передают значение 1 лица в большинстве случаев морфами *-ѣм*, *-ѣн*. Но в настоящем и будущем времени, а также в будущем уступительном значение 1 лица выражается морфами *-ѣп*, *-ѣн*. Ср.: а) однокр. прош. вр. *кур-т-ѣм* «я увидел», многокр. прош. вр. *кур-атт-ѣм* «я видал», буд. желат. *кур-ѣтт-ѣм* «я хотел бы видеть» и др.; б) наст. вр. *кур-ат-ѣп* «я вижу», буд. вр. *кур-ѣп* «я увижу», буд. уступ. *кур-ѣп-ин* «пусть я увижу» и др.

* Несмотря на различную интерпретацию происхождения аффикса множественного числа, мнение о том, что алломорф *-сен* древнее, чем *-сем*, разделяют многие исследователи.

Выходит, что ауслautная сонорная фонема $|m|$ чередуется со смычной фонемой $|n|$ в зависимости от времени, хотя это чередование трудно мотивировать в современном языке с фонологической точки зрения. Во всех случаях, кроме формы будущего уступительного, члены морфемы находятся не на стыке морфов. Настоящее чередование в аффиксе 1 лица глагола во многом напоминает чередование $m \sim n$ в корневых морфах личного местоимения: *эпё* «я» (осн. п.) — *ман-а́н* (род. п.) — *ман-а* (дат.-вин. п.) и др., и, по-видимому, оба чередования появились в чувашском языке одновременно. А при образовании предметного лица формант 1 лица не имеет подобного чередования, всегда выступает в виде *-а́м* (*-ё́м*): *юлташ-а́м* «мой товарищ», *чечек-ё́м* «мой цветок» и др.

9. Чередование p/ϕ . Чередование ауслautной сонорной фонемы $|p|$ с нулем звука происходит в аффиксе обстоятельственной временной формы при использовании его в положительном и отрицательном аспектах. Ср.: *вула* «читать» — *вула-са* «читая» — *вула-ма-сăр* «не читая»; *ёсле* «работать» — *ёсле-се* «работая» — *ёсле-ме-сёр* «не работая».

Трудно согласиться с утверждением, что для выражения отрицательного аспекта используется чувашским языком инфинитивный аффикс и аффикс лишительного падежа. Данные чувашского и некоторых тюркских языков дают возможность предполагать восхождение аффикса *-са* (*-се*) к аффиксу древней атрибутивной временной формы *-сăр* (*-сёр*). Аффиксы же инфинитива и лишительного падежа не имеют ничего общего с отрицательным аспектом обстоятельственной временной формы на *-са* (*-се*). Установить фонологическую причину исчезновения формы $|p|$ в положительном аспекте так же трудно, как нелегко определить причину чередования фонемы $|p|$ с нулем звука в десяти глагольных корнях.

Все же следует иметь в виду, что факт влияния категории аспекта на облик форманта другой глагольной категории не единственный в чувашском языке. Ср. чередование $\acute{a}/\phi$ в морфеме причастия прошедшего времени в положительном и отрицательном аспектах: *ёсле-нё* «работавший» — *ёсле-ме-н* «не работавший».

§ 7. Вставка фонем между морфемами

Следующим морфонологическим процессом на стыке морфем является вставка незначимых элементов, способствующих соединению морфем при отсутствии соответствующих условий. В качестве таких элементов в чувашском языке употребляются некоторые согласные фонемы, например: *ача* «ребенок» — *ача-н-а* (дат.-вин. п.), *кётӹ* «стадо» — *кётӹвӹ* (3 л.), *си* «есть», «кушать» — *си-й-эт-ӹн* (1 л., наст. вр.), *анна* «сестра» — *анн-ӓ-ш-ӹ* (3 л.), *икӹ* «два» — *ик(ӹ)-с-ӹм-ӹр* «мы вдвоем» (2 л.), *сӹ-н-сӹнӹ* «самый новый».

Вставочный элемент чувашского языка напоминает интерфикс русского языка. Оба они служат соединению морфов в составе лексемы. Но по фонемному составу интерфикс состоит, как правило, из двух-трех фонем, а чувашский вставочный элемент — из одной.

Вставочная фонема как морфологическое средство по своей функции стоит в одном ряду с чередованием, наложением фонем и отсечением фонем. Все они способствуют соединению морфем, но каждое по-своему.

Большинство исследователей тюркских языков не находит грамматической значимости в элементах типа *-н-*, но называет их по-разному. Не найден пока и подходящий термин.

Некоторые языковеды в исследованиях, посвященных тюркскому склонению, вставочный элемент *-н-* называют инфиксом или даже показателем 3 лица при склонении имен. Термин этот неудачен главным образом потому, что по общепринятому положению в лингвистике инфикс является одним из видов морфем, вставляемых внутрь корня. Элемент же *-н-* вставляется между двумя морфемами и не имеет грамматического значения.

Согласные фонемы, вставляемые между морфемами лексемы и между предваряющей частью и основой слова и участвующие в роли соединительно-разграничительного элемента морфов, называются **и н т е р ф о н е м а м и**.

К интерфонемам относятся согласные фонемы $[n]$, $[ɲ]$, $[β]$, $[w]$, $[c]$, $[ɳ]$, $[m]$. Из них интерфонемы $[n]$, $[c]$, $[ɳ]$ являются общетюркскими, остальные — собственно чувашскими.

Вставка интерфоном между морфемами встречается реже, чем чередование. Интерфонемы употребляются:

а) для соединения служебного (главным образом грамматического морфа) с корневым морфом;

б) для соединения грамматического морфа с другим грамматическим морфом;

в) для соединения четкой редулицирующей части с основной и проведения четкой границы между ними.

В чувашском языке интерфонемы не вставляются между корнем и деривационным аффиксом.

С учетом того, что при соединении служебных морфем с основами слова интерфонемы отличает избирательность, последние образуют две группы. В первую входят интерфонемы, соединяющие аффиксальные морфы с корневыми, а во вторую группу — участвующие в оформлении связи предваряющей части прилагательного с основной его частью.

Интерфонемы первой группы устраняют неудобное произношение, сохраняют корень и/или аффикс в наиболее полном виде, оберегают морфемы от чередований, усечений и тем самым спасают значимость морфем от неправильного понимания слушающими или вообще от любого недоразумения.

До настоящего времени в трудах по грамматике чувашского языка специально не ставился вопрос об интервокальных вставочных фонемах на стыке морфов. Вставляемые согласные фонемы часто причислялись авторами к структуре аффиксальной морфемы или вообще не включались ни в какую морфему. Например, в качестве алломорфов аффикса дательно-винительного падежа, наряду с *-а*, *-е*, рассматривали *-на*, *-не* и в то же время забывали о *-|йэ|* (*е*), (*в*)-*ё* (*Нарспи-йэ*, *пăрă(в)-ё*, *бюро(в)-ё* и др.). Такой подход к интерфонамам чрезмерно усложняет вопрос об алломорфах. В действительности же аффикс дательно-винительного падежа представлен двумя алломорфами: *-а* и *-е* (*э*). То, что приставляется к ним спереди (*|н|*, *|й|*, *|в|*), целесообразно рассматривать в качестве интерфоном.

Значит, при морфологическом анализе словоформ мы можем обнаружить в них не только значащие части — морфемы, но и незначащие — интерфонемы, принимаемые для взаимоприспособления морфов на морфемном шве.

В качестве интерфоном первой группы выступают фонемы $|n|$, $|ɲ|$, $|θ|$, $|ʃ|$, $|c|$. Наиболее активными из них являются фонемы $|n|$, $|ɲ|$, $|θ|$, а фонемы $|ʃ|$ и $|c|$ в силу некоторых причин утрачивают свои функции.

Выбор той или иной фонемы в качестве вставочного элемента (интерфонемы) зависит от ряда причин:

- а) от того, к какой части речи относится основа;
- б) является основа природной или новозаимствованием;
- в) какой гласной фонемой кончается основа;
- г) к какой категории относится аффикс словоизменения.

Интерфонемы второй группы $|n|$, $|m|$, $|ŋ|$ по функции значительно отличаются от интерфоном первой группы. Поскольку редулицирующая часть прилагательного произносится с повышением голоса и с ударением, интерфонема нужна здесь не для слияния начальной части с последующей (основной) частью, а наоборот, для четкого разграничения двух частей, чтобы можно было интонационно выделить начальную часть.

1. Интерфонема $|n|$ используется при склонении для соединения падежных аффиксов с той или иной формой имени существительного, а также личных местоимений. Но особенности использования этой интерфонемы зависят от ряда условий:

- а) от того, к какой форме имени существительного присоединяется падежный аффикс (к форме единственного числа или к личной форме);
- б) к форме какого лица прибавляется падежный показатель;
- в) древним или поздним является падежный показатель по происхождению;
- г) природной или заимствованной является склоняемая основа;
- д) на гласный или согласный оканчивается основа.

Если слово является природным или старозаимствованным, то в современном языке интерфонема $|n|$ вставляется лишь между основой (корнем) на *-a* или *-e* и аффиксом дательно-винительного падежа *-a (-e)*: *лаша* «лошадь» — *лаша-н-а*, *ёне* «корова» — *ёне-н-е*, *мачча* «матица, потолок» — *мачча-н-а*, *пичке* «бочка» — *пичке-н-е*. Судя по книгам, изданным И.Я. Яковлевым, и по «Материалам для исследования чувашского языка» Н.И. Ашмарина, в недалеком прошлом,

т.е. в 80–90-х гг. XIX столетия, в вышеуказанных морфонологических условиях данная интерфонема употреблялась и при образовании формы родительного падежа: *лаша-н-а́н*, *ёне-н-а́н*. *Лашан* и *лашан-а́н* имеют грамматико-стилистические оттенки не только по форме, но и по значению. В современном же языке пользуются в данном случае главным образом приемом чередования: гласную фонему аффикса [ǎ], [ǣ] чередуют с нулем звука (*лаша-н*, *ёне-н*). Круг новозаимствованных слов, присоединяющих интерфонему [н] при образовании формы дательного-винительного падежа, намного шире, чем круг природных слов и старозаимствований. Новозаимствованные слова могут иметь в ауслауте не только фонемы [a], [e], но и [ǎ], [ǣ], [o], [y]: *труба-н-а*, *кафе-н-е*, *сцен-а́-н-а*, *пальто-н-а*, *меню-н-а*, *кенгуру-н-а*.

По-видимому, под влиянием растущего числа заимствованных слов, применяющих вставочную фонему [н], в современной разговорной речи стала развиваться тенденция употреблять эту фонему и в тех случаях, когда нет необходимых природных фонологических условий: а) в заимствованных словах, имеющих в ауслауте фонему [и]: *станции-н-е*, *редакции-н-е* и др. (вместо литературных *станции-й-э*, *редакции-й-э*); б) в природных словах, имеющих в ауслауте фонему [ǎ]: *качч-а́* «парень» — *качч-а́-н-а* (вместо *качч-а*), *ут-а́* «сено» — *ут-а́-н-а* (вместо *утт-а*), *палл-а́* «знак» — *палл-а́-н-а* (вместо *палл-а*) и др.

В глаголах же, даже если основы имеют в ауслауте гласные фонемы [a], [e] и аффиксы словоизменения начинаются с гласных *a*, *e*, интерфонема [н] не применяется: *кала* «говорить, сказать» — *кал-а- *-кан* (прич. наст. вр.), *кал-а- *-с* (прич. буд. вр.), *кал-а- *-т-а́н* (наст. вр., 1 л., ед. ч.); *чўхе* «полоскать» — *чўх-е- *-с*, *чўх-е- *-т-а́н* и др. Здесь наблюдается прием **н а л о ж е н и я**.

В современном языке и диалектах в устойчивых выражениях сохранились некоторые реликтовые формы, свидетельствующие о том, что в старочувашском языке имел место прием наложения и при образовании именных форм: *мунча кёр* (*мунча-а кёр*) «мыться в бане» (букв. «войти в баню»); ср.: *шив-а кёр* «купаться» (букв. «войти в воду»); *хула кай* диал. (*хула-а кай*) «направиться в город» (букв. «на-

правиться город»); ср. *ял-а кай* «направиться в деревню», *качка кай* «выйти замуж».

Представляет немалый интерес склонение форм множественного числа, в составе одного морфа которого выступает интерфонема *|н|*.

В чувашском языке для передачи значения множества одноименных предметов используется аффикс *-сем (-сен)*. Морф *-сен* употребляется перед падежными аффиксами древнего происхождения [род., дат.-вин., мест., исх.], алломорф *-сем* — перед падежными аффиксами позднейшего происхождения (твор., лишит., прич.-цел.). О происхождении данного аффикса имеется ряд предположений [3, с. 150—152].

Предлагаем еще одну гипотезу о ступенях формирования аффикса множественного числа с использованием данных об интерфонеме *|н|*.

Вполне допустимо, что в чувашском языке изначально существовал аффикс множественного числа *-се*. Это подтверждается данными алтайских языков. Так, в маньчжурском языке имеются два суффикса множественного числа: простой *-са (-се)* и составной *-са + -л, (-се + -л)* (*маньчжусе* «маньчжуры», *элчисел* «слуги» [20, с. 126]). Ссылка на данные маньчжурского языка не должна вызывать сомнения: в нем имеется ряд грамматических моментов, сходных с чувашскими: сохранились, например, архетипы личных местоимений 1 и 2 лица тюркских и чувашского языков. При этом облик личных местоимений маньчжурского языка ближе к чувашским, нежели к другим тюркским формам.

	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.
маньчж.	<i>би</i>	<i>си</i>	<i>мусе</i>	
тюрк. яз.	<i>мэн</i>	<i>сэн</i>	<i>бэз</i>	<i>сез</i>
чув. яз.:				
а) в осн. п.	<i>эпӗ</i>	<i>эсӗ</i>	<i>эпир</i>	<i>эсир</i>
б) в род. п.	<i>манӑн</i>	<i>санӑн</i>	<i>пирӗн</i>	<i>сирӗн</i>

Первоначально форматив множественного числа чувашского языка, надо думать, не имел в ауслауте компонентов *н* или *м*, имеющих в составе современного аффикса. Это иллюстрирует употребление устаревшей формы дательного падежа имени в фольклорных произведениях, где представлена конструкция *имя + -се + -е*. Здесь произошло наложение морфов или зияние (хиатус), т.е. стече-

ние двух или нескольких гласных фонем на месте соединения морфем. Очевидно, в то время не было никаких вставочных элементов между двумя гласными на стыке морфем:

<i>Лашисе кўлтём лайъххисе,</i>	«Лошадей запряг я хороших,
<i>Тайват ури саклисe;</i>	С белыми пятнами на четырех ногах,
<i>Ху́сисе тупра́м лайъххисе,</i>	Хозяев нашел я хороших,
<i>Хура мерчен куслисе.</i>	Чьи глаза как черный жемчуг».
(А XVI: 208)	

Подобное морфонологическое явление наблюдается в народных песнях, записанных в с. Алинкино Барышского района Ульяновской области:

<i>Сак пирён пек сарайксе</i>	«Таким парням, как мы,
<i>Ярайса утма чунайм сук.</i>	Нет настроения идти широким шагом».

В более поздний период при склонении форм множественного числа после морфемы *-се*, т.е. между двумя гласными на стыке морфем, стали употреблять вставочную фонему *|н|*: в род. п. *сын-се-н-ён* «у людей», в дат.-вин. падеже *сын-се-н-е* «людям». В дальнейшем, в ходе развития языка, для выравнивания оси парадигмы склонения фонему *|н|* стали вставлять даже при отсутствии соответствующего морфонологического условия, т.е. когда в анлауте падежного морфа выступает согласная фонема: мест. п. *сын-се-н-че*, исх. п. *сын-се-н-чен*. Наконец, по данным говора с. Ковали и соседних деревень Урмарского района, завершается выравнивание оси парадигмы склонения, когда по аналогии с другими падежами фонему *|н|* принимает и основной падеж. В этом говоре форма множественного числа основного падежа образуется при помощи пережиточного морфа *-сён*: *Лашасён ула́хра сў́рессе́* «Лошади пасутся на лугу» [15, с. 16]. В результате выравнивания оси парадигмы интерфонема *|н|* утрачивает свою первоначальную соединительную роль и срастается с предшествующей морфемой — морфемой множественного числа. Но процесс оформления морфемы множественного числа на этом не завершается. С появлением нового, творительного падежа под влиянием анлаутного губно-губного согласного *|н|* в форманте данного падежа ауслaut-

ный согласный морфемы множественного числа *|н|* чередуется с губно-губным согласным *|м|*: *сын-сен-не* > *сынсемне* «с людьми».

Единая ось нарушается. Более того, под влиянием основы творительного падежа и ввиду того, что формант *-сен* стал выступать и как краткий вариант сочетаний морфем родительного падежа *-сенён*, форма множественного числа в основном падеже стала выступать с морфом *-сем*. С появлением еще двух новых падежей — лишительного и причинно-целевого — позиция форматива *-сем* в парадигме склонения закрепились окончательно.

В настоящее время одна часть морфов падежей — падежей раннего происхождения (род., дат.-вин., мест., исх.) присоединяется к морфу множественного числа *-сен*, тоже раннего происхождения, другая часть морфов падежей — падежей позднего происхождения (твор., лишит. и прич.-цел.) — присоединяется к морфу множественного числа *-сем*, тоже позднего происхождения. А основной падеж не является новым падежом, но аффикс множественного числа в нем является обновленным, он выступает в облике *-сем*.

Поскольку форма 1 лица в ауслауте имеет согласную фонему, то склонение такой формы ничем не отличается от склонения формы единственного числа.

Формы же 2 и 3 лица оканчиваются на гласные, аффиксы родительного и дательного-винительного падежей не могут присоединяться к указанным формам без помощи интерфонемы *|н|*.

2 л. *лаш-у-н-ён* (род. п.), *лаш-у-н-а* (дат.-вин. п.)

2 л. *лаш-и-н-ён* (род. п.), *лаш-и-н-е* (дат.-вин. п.)

При склонении личных форм имени по другим падежам раннего происхождения осуществляется выравнивание оси парадигмы: интерфонема употребляется перед анлаутными согласными аффиксов местного и исходного падежей:

2 л. *лаш-у-н-та* (мест. п.), *лаш-у-н-тан* (исх. п.)

3 л. *лаш-и-н-че* (мест. п.), *лаш-и-н-чен* (исх. п.)

Значит, и в данном случае, как и при склонении формы множественного числа, происходит выравнивание оси парадигмы. Одновременно происходит полное изменение

роли интерфонемы |н|: она встречается с аффиксами 2 и 3 лица.

При склонении существительных с согласным в ауслауте гласные аффиксов 2 и 3 лица в дательном-винительном падеже подвергаются выпадению, и в качестве их морфов репрезентирует лишь фонема |н|: *юлташ-/ун-а* «твоему товарищу», «твоего товарища», *юлташ/н-е* «его товарищу», «его товарища».

На вопрос, выражает ли *-н-* грамматическое значение 3 лица, ответ может быть только отрицательным, потому что данная фонема может фигурировать в составе аффиксов обоих лиц. Но значения лиц в этих морфах коммуникантам известны. Они передаются супraseгментными морфами, твердый морф дательного-винительного падежа выражает одновременно также значение 2 лица, мягкий морф дательного-винительного падежа — значение 3 лица.

Выравнивание оси парадигмы склонения при помощи интерфонемы |н| в тюркских языках бывает частичное и полное. Рассмотренный случай — при склонении форм 2 и 3 лица — относится к частичному выравниванию оси парадигмы, ибо остальные (более новые) падежи не подчиняются этой оси.

В склонении личных местоимений *эпё* «я» и *эсё* «ты» процесс выравнивания оси близок к полному завершению.

Осн.	<i>эпё</i>	<i>эсё</i>
Род.	<i>ман-йн</i>	<i>сан-йн</i>
Дат.-вин.	<i>ман-а</i>	<i>сан-а</i>
Мест.	<i>ман-ра</i>	<i>сан-ра</i>
Исх.	<i>ман-ран</i>	<i>сан-ран</i>
Твор.	<i>ман-па</i>	<i>сан-па</i>
Лишит.	<i>ман-сёр</i>	<i>сан-сёр</i>
Прич.-цел.	<i>ман-шйн</i>	<i>сан-шйн</i>

Из таблицы видно, что даже новые падежи подчинились единой оси парадигмы. Полному выравниванию оси помешало, очевидно, возникновение протезы *э-* перед местоимениями. У рассматриваемых местоимений теперь две основы: первая — для основного падежа: *эпё*, *эсё*, вторая — склоняемая основа: *ман-*, *сан-*.

Но во многих тюркских языках выравнивание оси парадигмы местоимений завершилось. Даже формы основного падежа занимали фонему $|н|$: *мин-/мэн-, син-/сэн-*.

При решении вопроса об интерфонеме нельзя обойти мнение исследователя чувашского языка А.И. Иванова [7, с. 77], согласно которому в основе склонения существительных 2 и 3 лица находится форма притяжательного (родительного) падежа. Но этот тезис ничем не доказывается, кроме материального совпадения интерфонемы $|н|$ с падежным аффиксом. Невольно возникает вопрос: почему существительное 1 лица не обладает в основе склонения аффиксом родительного падежа? Едва ли можно ответить на него. Ответ возможен, если учесть морфонологические данные: аффикс 1 лица в ауслауте имеет согласную фонему, поэтому участие интерфонемы в склонении не требуется, а аффиксы форм 2 и 3 лица оканчиваются на гласные; и, само собой разумеется, перед падежными аффиксами тут обязательно должна находиться интерфонема $|н|$.

2. И н т е р ф о н е м а $|й|$ используется для соединения аффиксов с основами как имен существительных, так и глаголов, которые имеют в ауслауте фонему $|н|$. Здесь нет никаких ограничений: в любом случае она вставляется между основой, имеющей в ауслауте фонему $|н|$ и аффиксом словоизменения, имеющим в анлауте любую гласную фонему: а) *шйши* «мышь» — *шйши-й-ё* (3 л.), *шйши-й-ён* (род. п.), *шйши-й-э* (дат.-вин. п., орф.: *шйшие*), *шйши-й-у* (2 л.); б) *си* «есть, кушать» — *си-й-эт-ён* (наст. вр., 1 л., ед. ч., орф.: *сиетён*), *си-й-экен* (прич. наст. вр., орф.: *сиекен*), *си-й-ён* (буд. вр., 1 л., ед. ч., *си-й-иччен*) обстоятельственная временная форма — дееприч. «прежде чем есть» и др.

В некоторых говорах верхового диалекта интерфонема $|й|$ более употребительна в формах существительных. В частности, она заменяет интерфонему $|н|$, иногда и $|ө|$ литературного языка при образовании форм дательного-винительного и родительного падежей: *лаша* «лошадь» — *лаша-й-а*, *ёне* «корова» — *ёне-й-а*, *пйри* «полба» — *пйри-й-а* (дат.-вин. п.), *пйри-й-ан* (род. п.), *хола* «город» — *хола-й-а* (дат.-вин. п.), *хола-й-ан* (род. п.), *савни* «милый» — *савни-й-а* (дат.-вин. п.), *пйру* «теленка» — *пйру-й-а* (дат.-вин. п.), *кёру* «зять» — *кёру-й-а* (дат.-вин. п.).

3. При употреблении интерфонемы $|\epsilon|$ появляются другие особенности. Говоря о чередовании $y/\dot{a}$, $\dot{y}/\dot{e}$, нам уже приходилось отметить, что о вставочном характере фонемы $|\epsilon|$ в формах типа *пърѣва* впервые обоснованно выступил В.И. Котлеев. Сфера употребления интерфонемы $|\epsilon|$ в современном языке не сужается, а, пожалуй, расширяется. Во-первых, следует заметить, что данная интерфонема используется для соединения аффиксов с основами как имен существительных, так и глаголов на $|y|$ или $|\dot{y}|$. Здесь нет никаких особых ограничений: интерфонема вставляется между основой и аффиксом, начинающимся с гласной фонемы: а) *ѣру* «племя» — *ѣрѣ-в-ѣ* (3 л.), *ѣрѣ-в-ѣн* (род. п.), *ѣрѣ-в-а* (дат.-вин. п.); *ѣрѣ-в-у* (2 л.); *ейѣ* «разлив», *ейѣ-в-ѣ* (3 л.) — *ейѣ-в-ѣн* (род. п.) и др. б) *сѣу* «мыть» — *сѣѣ-в-ат-ѣн* (наст. вр., 1 л., ед. ч.), *сѣѣ-в-акан* (определит. временная форма), *сѣѣ-в-ѣн* (буд. вр., 2 л., ед. ч.), *сѣѣ-в-ѣ* (буд. вр., 3 л., ед. ч.), *сѣѣ* «сдирать» — *сѣѣ-ет-ѣн* (наст. вр., 1 л., ед. ч.) и др.

Во-вторых, интерфонема $|\epsilon|$ может вставляться и между некоторыми основами заимствованных имен существительных на *-о* и определенными аффиксами. По-видимому, здесь немалую роль сыграла аналогия: поскольку фонема $|\epsilon|$ относится к губным, то удобнее и правильнее было использовать интерфонему, употребляющуюся после губных $|y|$, $|\dot{y}|$. Но так как процесс заимствования новых слов происходил через письменную речь (через газеты, журналы и переводную литературу) в быстром темпе и без соответствующего закрепления их в языке, аналогия, вероятно, не выдерживалась до конца. Вполне возможно, что переводчики иногда брали за образец изменения слова на другие гласные. Да и языковеды вовремя не пришли на помощь. Например, наряду с *бюро-в-ѣ* (3 л.), *депо-в-ѣ*, *ялто-в-ѣ*, *кино-в-ѣ* употребляются *пальт-и*, *пер-и*, *звен-и* и др. Из примеров видно, что при изменении существительных, встречающихся повседневно, используется чередование ауслаутного гласного основы с нулем фонемы, как при изменении существительных с $|\epsilon|$, $|\epsilon|$ в конце; существительные же, употребляющиеся в повседневной жизни реже, изменяются с использованием интерфонемы $|\epsilon|$. Таким образом, здесь образовалась некоторая неупорядоченность в использовании морфологических явлений: вставки фонем между морфемами и чередования фонем.

Интерфонемы не являются раз навсегда данными. В ходе исторического развития языка в силу выпадения рядом стоящих гласных (*ик(ё)сёмёр*), из-за выравнивания оси парадигмы и т.п. они могли подвергаться различным изменениям. В отдельных говорах одни интерфонемы могут быть заменены другими. В связи с этим вполне возможно предполагать, что та или иная интерфонема может уступать место другой интерфонеме или другому морфонологическому процессу.

4. В качестве реликтивной в чувашском языке выступает ныне интерфонема *[ш]*, главным образом в форме 3 лица, образованной от некоторых терминов родства. Например: *ам-ш-ё* «его (их) мать», *аç(ă)-ш-ё* > *аш-ш-ё* «его (их) отец», *пиччё-ш-ё* «его (их) брат» и др. (см. выше раздел о чередованиях). Исследователи чувашского языка объясняют это явление по-разному. Н.И. Ашмарин и Н.А. Андреев считают *-ш* (*-шё*, *-йшё*, *-ёшё*) аффиксом, заменяющим формант *-и*. В отличие от Н.И. Ашмарина, относящего формы на *-ш* (*-шё*, *-йшё*, *-ёшё*) к неправильностям слов, выражающих родственные связи [3, с. 136], Н.А. Андреев утверждает, что здесь «скорее не неправильность, а вполне правильное и закономерное явление, развивающееся, возможно, в другую эпоху и для выражения других понятий обладания» [2, с. 39].

По предположениям В.Л. Котвича и О. Прицака, в словах, называющих старших родственников (*ашшё* «его (их) отец», *амйшё* «его (их) мать», *пиччёшё* «его (их) брат», *аккйшё* «его (их) сестра», *мучйшё* «его (их) дядя»), элемент *-ш-* образует вежливую форму, т.е. *Pluralis maestatis*, а сам формант *ш* восходит к древнему суффиксу множественного числа *-с-* [12, с. 34; 22, с. 141–143].

Как бы заманчива ни была эта гипотеза, с ней трудно согласиться. Во-первых, элемент *-ш-* употребляется только после основ на гласные. В чувашском языке имеются основы на гласные, не называющие старших родственников, но принимающие при формообразовании элемент *-ш-*: *кёрү* «зять» — *кёрү-ш-ё*, *пăру* «теленек» — *пăру-ш-ё*, и наоборот, основа на гласную, выражающая старшего родственника, может не принимать элемента *-ш-*: *пуçана* «своjak» — *пуçан-и* «его (их) своjak». Во-вторых, в тюркских языках функционирует вставоч-

ный элемент (интерфонема) *-с-*, который после основ на гласные при образовании формы 3 лица не выражает значения вежливости: ср., например, в татарском языке: *бала-с-ы* «его (их) ребенок», *ана-с-ы* «его (их) мать», *эне-с-ы* «его (их) младший брат». Хотя в своей работе О. Прицак утверждает, что чувашский элемент *-ш-* восходит к общетюркскому элементу *-с-*, почему-то обходит стороной вопрос о наличии или отсутствии значения вежливости у этого элемента в тюркских языках. В-третьих, интерфонема *|ш|* употребляется в форме 3 лица имен числительных: *иккё-ш-ё* «двое из них», *тăваттă-ш-ё* «четверо из них», *улттă-ш-ё* «шестеро из них», *сирём виççё-ш-ё* «двадцать три из них» и др.

Можно согласиться с мнением О. Прицака о наличии в этих словоформах значения собирательности (коллективности). Но оно передается, пожалуй, не элементом *-ш-*, а аффиксом личной множественности *-ър (-ёр)*. Ср.: 1 л. *виç(ё)-с-ём-ёр*; 2 л. *виç(ё)-с-ёр*; 3 л. *виççё-ш-ё*. В форме 3 лица не бывает аффикса личной множественности (собирательности), и это значение передается синтаксически.

Элемент *-с-* в первых двух лицах имен числительных применялся, надо полагать, тоже по морфонологическим причинам как интерфонема: он вставлялся между двумя гласными. Об этом красноречиво говорят данные многих тюркских языков, где в форме 3 лица элемент *-с-* вставляется между гласными; ср., например, тат. *ике-с-е* «оба они», *алты-с-ы* «их шестеро», *аларнын бише-с-е* «пятеро из них»; гаг. *ики-с-и* «оба они», *елли-с-и* «их пятьдесят» и др.

Очевидно, что интерфонема *|ш|* употреблялась когда-то и при образовании форм некоторых местоимений. Об этом говорят сохранившиеся словоформы *хăш-ё* «который (из них)», *леш-ё* «тот самый (из них)», образовавшиеся от некогда существовавших корней *хă-* или *ха-*, *ле-*. Эти корни, совершенно утратившие свое лексическое значение, выражают его только при наличии элемента *-ш-*: *хăш* «который», *леш* «тот (самый)». Значит, этот элемент слился с корневыми морфемами полностью. Местоимение *хăш* употребляется в современном языке в формах всех трех лиц: 1 л. *хăш-ăм-ър*, 2 л. *хăш-ър*, 3 лицо *хăш-ё*.

Интерфонемой *|u|* в чувашском языке пользуются, как и в других тюркских языках, при образовании разделительной формы числительных. Она вставляется между основой слова на *-ă* (*-ĕ*) и аффиксом *-ăр* (*-ĕр*). Но здесь имеются моменты, специфические для чувашского языка.

Наконец, следует отметить, что нельзя смешивать интерфонему *|u|* с фонемой *|u|* деривационного аффикса *-ăш* (*-ĕш*), образующего имена существительные от имени прилагательных: *хулăн* «толстый» — *хулăн-ăш(ĕ)* «толщина», *синсе* «тонкий» — *синс-ĕш(ĕ)* тонкость и др., после которых, как правило, употребляется аффикс 3-го л. Регулярное их употребление в форме 3 лица объясняется тем, что в действительной жизни качество всегда присуще какому-либо предмету. Поэтому название качества сочетается с названием предмета способом изафетной связи.

Фонема *|ç|* в старочувашском языке употреблялась в качестве интерфонемы также в глагольных формах настоящего и многократного прошедшего времени при образовании формы отрицательного аспекта. Но из-за диахронического перераспределения строения слова сегодня трудно сразу установить место и роль данной фонемы. Но, пользуясь методом внутренней реконструкции, можно восстановить первоначальное состояние фонемы *|ç|* в глагольных формах.

Отрицательный аспект передается в чувашском языке, как и в других тюркских языках, при помощи морфемы *-ма/-ме*: однократное прошедшее время *сыр-ма-р-ăм* «я не написал», обстоятельственная временная форма: *сыр-ма-сан* «если не написать» и др.

В формах настоящего и многократного прошедшего времени при сочетании морфемы отрицательного аспекта с морфемой времени образуется стечение гласных: *сыр-ма-ат-ăп* и *сыр-ма-атт-ăн*. Поскольку чувашский язык не терпит зияния гласных в структуре слова, естественно, надо было использовать вставочную фонему: *сыр-ма-с-ат-ăп* и *сыр-ма-с-атт-ăн*. Но громоздкость формы потребовала опрощения.

И действительно, в результате постановки ударения на аффикс отрицательного аспекта заударная фонема *|a|* стала произноситься бегло, затем она выпала совсем. А в форме многократного прошедшего времени, помимо всего этого,

из-за отсутствия соответствующего условия для употребления геминаты $|m|$ ее пришлось заменить краткой согласной фонемой.

В итоге опрошения интерфонема $|c|$ утратила свою строевую роль и стала выступать в составе аффикса отрицательного аспекта. Весь этот комплект следует рассматривать теперь в качестве морфемы отрицательного аспекта.

Такая трактовка происхождения чувашского морфа *-мас* (*-мес*) представляется более убедительной, чем объяснение В.Л. Котвичем ее происхождения от частицы *мар* [12, с. 126–132].

К интерфонемам второй группы относятся вставочные элементы, применяемые при образовании форм превосходной степени имен прилагательных.

Как известно, одним из способов образования форм степеней сравнения имен прилагательных является редупликация начальной части слова и механическое присоединение повторяемого элемента к исходному. Повторяющаяся часть состоит из двух фонем строго по формуле $C + Г$. Но дублирующая часть слова не может употребляться перед основой слова без двух основных условий: во-первых, требуется, чтобы основа прилагательного имела в анлауте согласную фонему, и, во-вторых, необходимо, чтобы между дублирующейся частью и основой находился вставочный (или соединительный) элемент. В чувашском языке в качестве такого элемента, как правило, употребляется фонема $|n|$: *тап-таса* «самый чистый», *хёп-хёрлё* «самый красный», и весьма редко — фонемы $|m|$ и $|n|$: *ем-ешёл* «самый зеленый», *кён-кёвак* «самый синий».

Как исключение, при образовании редуплицированной формы от прилагательного *сарамас* «раздетый», состоящего из трех слов, к редупликуату присоединяется также фонема $|a|$: *саппа-сарамас* «совершенно голый» (ср. диал. *сатта-сарамас*).

Подобную же картину наблюдаем в родственных языках. Но исследователи тюркских языков, констатируя наличие постоянной фонемы при повторяющейся части прилагательного, пока не обращали должного внимания на особенности этой фонемы.

В отличие от интерфонем первой группы, участвующих в образовании ряда грамматических форм, интерфонемы второй группы приспособлены лишь к форме интенсификации качества. Их роль сводится к фонологическому оформлению четкой границы повторяющейся части и тем самым специальному оформлению связи этой части с основой. Отсутствие такого постоянного фонологического элемента помешало бы нахождению границы и пониманию грамматического значения предпозиционной повторяющейся части, так как она при каждом слове имеет свой фонемный состав: Ср.: *ʃe|n|*-*ʃemʃe* «самый мягкий», *ʃe|n|* -*ʃeʋeʃp* «самый острый», *ta|n|*-*taʃa* «самый чистый», «очень чистый» и др. По интерфонеме в составе словоформы мы узнаем, что сочетание двух фонем является редупликатом последующей основы и эта часть выражает превосходную степень качества. Помимо всего, надо отметить, что интерфонема, оказываясь перед анлаутным согласным, не только помогает четкому выделению части и связи ее с основой, но и способствует образованию четкого слогораздела на стыке части и основы, что имеет немаловажное значение для переноса ударения с конечного слога прилагательного на первый слог. При создавшемся положении в настоящее время интерфонема явно тяготеет в сторону предпозиционного компонента.

Конечно, не предпозиционная удвоенная часть прилагательного является выразителем грамматического значения, ибо каждая лексема может иметь свою удвоенную часть, а сама операция дублирования (удвоения) анлаутной части слова обладает грамматическим значением, и, как уже было отмечено выше, квалифицируется она как морфема-операция, или супрасегментная морфема. При этом регулярно воспроизводимая интерфонема способствует формальному выделению этой части для выражения превосходной степени.

§ 8. Наложение морфов

Следующим морфонологическим процессом на стыке морфем является наложение морфов, которое принято понимать

как «совмещение конца одного и начала другого морфа», или как частичное наложение морфов.

Когда рядом стоящие морфы взаимодействуют друг с другом, у них появляется общая часть — фонема или фонемное сочетание, и трудно сказать, принадлежностью какого морфа является эта общая часть. Тем не менее можно четко выделить и ту, и другую морфему.

В современном чувашском языке наложением морфов пользуются как при словообразовании, так и при словоизменении. Особенностью является то, что наложение фонем возможно только при наличии общей гласной фонемы в конце основы и начале аффикса. Других видов наложения здесь не бывает. Например: *вул-а-кан* «читающий» (ср. *сыракан* «пишущий»), *нур-ё-ш* «влажность» (ср. *таран-айш* «глубина»). Ср. стыковку морфов при наличии тождественных согласных фонем: здесь возможно только или удвоение (удлинение) согласных (*кайма-ла* «симпатизировать» < *кайма* «расположение духа» + *-ла*; *чен-нё* «приглашенный, пригласивший» < *чен* «звать, приглашать» + *-нё*), или чередование в аффиксе (*суртра* «в доме» < *сурт* + *-ра*, *сумарта* «при дожде» < *сумар* + *-та*).

Но не любая основа на гласную фонему может соединяться с аффиксами при помощи наложения морфов. Наблюдения показывают, что общая фонема может репрезентироваться двумя парами гласных фонем *|a|* и *|e|*; *|ä|* и *|ë|*.

При деривации наложение морфов преобладает в производных именах (существительных, прилагательных), образованных главным образом при помощи следующих аффиксов:

-амас (-емес): *сара* «голый» — *сар-а-мас* «раздетый», *лутра* «невысокий» — *лутр-а*-мас* «малорослый», *силхе* «грива» — *силх-е-мес* «гривастый», *милке* (милёк) «веник» — *милк-е-мес* «лохматый» (ср. *шаймалла* «костлявый» — *шайм-амас* «костистый»);

-ай (-ей): *айста* «мастер» — *айст-а-й* «сноровка, умение», *тайна* «журавль» — *тайн-а-й* «недотепа»; (ср. *сухал* «борода» — *сухал-ей* «бородач»);

-ак (-ек): *чамла* «жевать» — *чамл-а-к* «жевок», *шарла* «бурлить» — *шарл-а-к* «водопад», *хавша* «слабеть» — *хавш-а-к* «слабый» (ср. *шыв* «вода» — *шыв-ак* «водянистый»);

-ака (-еке): *савра* «круглый» — *савр-а-ка* «круглый, закругленный», *ка́тра* «кудри, кудрявый», *ка́тр-а-ка* «кудреватый, вьющийся» (ср. *ше́вёр* «острый» — *ше́вр-еке* «остроконечный»);

-айш (-ёш): *ну́рё* «влажный» — *ну́р-ё-ш* «влажность», *су́ллё* «высокий» — *су́лл-ё-ш* «ширина» и др. (ср. *йыва́р* «тяжелый» — *йыва́райш* «вес»).

В производных глаголах наложение морфов наблюдается в случаях, когда слова образуются при помощи аффиксов:

-а́л (-ё́л): *та́рә* «чистый, прозрачный» — *та́р-а́-л* «отставаться, становиться прозрачным», *ура́* «трезвый» — *ур-а́-л* «протрезвляться», *че́рё* «живой» — *че́р-ё́-л* «выздоровливать» (ср. *кука́р* «кривой» — *кука́р-а́л* «искривляться»);

-а́х (-ё́х): *на́чай* «душный» — *на́ч-а́-х* «задышаться»; *сарә́* «желтый» — *сар-а́-х* «желтеть», *ве́чә* «злоба» — *ве́чә-ё́-х* «злиться» (ср. *су́й* «шум» — *су́й-а́х* «кричать, визжать»).

Для использования способа наложения морфов при формообразовании некоторую роль играет и принадлежность основы к той или иной части речи. Так, если глагольные основы на гласную фонему *[a]* или *[e]* образуют словоформы при помощи аффиксов с начальной гласной фонемой *[a]* или *[e]*, то во всех случаях используется наложение морфов: *кала* «говорить» — *кал-а-т-айп*, *кал-а-кан*, *кал-а-с*, *кал-а* (функциональные временные формы); *итле* «слушать» — *итл-е-тёп* и др. Но при этих условиях имена существительные не пользуются рассматриваемым способом, ср.: *лаша* «лошадь» — *лаша-н-а* (дат.-вин. п.); *ёне* «корова» — *ёне-н-е* (дат.-вин. п.) и т.п.; здесь применяется вставка фонемы между морфами.

Также и при образовании форм прилагательных, числительных и местоимений не применяют способа наложения морфем.

Остальные гласные фонемы, как *[u]*, *[y]*, *[ɤ]*, не участвуют в наложении морфов; ср. *си* «есть» — *си-й-иччен* «до того, как есть», *на́ру* «теленок» + -у (суф. 2 лица) > *на́рә-в-у* и др.

Иногда наложение морфов может быть и полным, т.е. морфема накладывается полностью: *вай(ла́)* «сильный» + -лан > *вайлан* «становиться сильным». То, что здесь произошло наложение морфа -лан на -ла́, косвенно подтверждается тем,

что глагол можно образовать при помощи морфа *-лан* и от антонимичной формы *вайсър* «бессильный»: *вайсърлан* «становиться бессильным», и тем, что наряду с производным словом *вайлан* на одинаковых правах может употребляться производное слово *вайлалан* «становиться сильным». Ср. другие примеры: *пултару(лă)* «способный» + *-лăх* > *пултарусърлăх* «не-способность, бесталанность».

§ 9. Усечение производящих основ

При стыке морфем в чувашском языке изредка пользуются усечением основы. Цель усечения — устранить скопление согласных на морфемном шве. Большей частью усечение основ применяют при словообразовании.

Производящая основа усекается при образовании слов с помощью аффиксов *-ккай* (*-ккей*), *-шка* (*-шке*). Оба аффикса образуют слова главным образом с уменьшительным или уничижительным значением, и эти значения сопровождаются бранным или ироническим оттенком.

1. При образовании существительных с помощью аффикса *-ккай* в производящей основе усекается согласная фонема [й] (*сърнай* «болтун» (перен. знач. от «зурнай», «дудка») + *-ккай* > *сърна-ккай* «глупец, дурак, будина»; *тăмсай* «болван» + *-ккай* > *тăмса-ккай* «оболтус, растяпа») и фонема [х] (*ухмах* «дурак» — *ухмаккай* «дуралей»).

2. При образовании существительных или прилагательных с помощью аффикса *-шка* в производящей основе усекается или фонема [к], или фонема [м]: а) *валак* «желоб» + *-шка* > *вала-шка* «корыто», *пуклак* «тупой» + *-шка* > *пукла-шка* «тупоконечный», *чармак* «растопыренный» + *-шка* > *чарма-шка* «растопыренный» (ирон.), *хăйпăк* «щепка» + *-шка* > *хăйпă-шка* «худощавый»; б) *катрам* «глыба» + *-шка* > *катра-шка* «ком», *лупам* «низина» + *-шка* > *луна-шка* «ямка, лунка», *кăпăк* «пена» + *-шка* > *кăпă-шка* «рыхлый, мягкий». Аффикс *-шка* (*-шке*) образовался путем метатезы: *-киш-* > *-шк-*.

3. *Ухмах* «дурак» + *-нтей* > *ухмантей* «бедняга».

Вопрос об усечении производящих основ в чувашском языке требует дальнейшего изучения.

§ 10. Образование алломорфов путем контаминации

После анализа видов морфонологических явлений можно обратиться к тем фактам языка, которые не укладываются в рамки рассмотренных явлений.

Дело в том, что при образовании слов и некоторых форм переходного типа в одних и тех же морфонологических условиях и при одном и том же значении ряд формантов отклоняется от общепринятых признаков алломорфа, ср.: а) *тёл* «место» — *тёл-ёш* «поприще, область», *тул* «пространство вне помещения» — *тул-аш* «внешность»; б) *хӕс* «испытывать тошноту» — *хӕс-ӕк* «рвота», *шӕ* «мокнуть» — *шӕв-ек* «жидкость». Следует определить, являются ли элементы пар *-ӕш (-ёш)* || *-аш (-еш)*, *-ӕк (-ёк)* || *-ак (-ек)* алломорфами словообразовательных аффиксов или это самостоятельные аффиксы.

Чувашеведы в подобных случаях не давали определенного объяснения. Они рассматривали близкие друг к другу форманты, образующие глаголы, *-ӕл (-ёл)* и *-ал (-ел)* в качестве различных аффиксов. В то же время подобные же пары формантов *-ӕн (-ён)* и *-ан (-ен)* рассматриваются как один словообразовательный аффикс, а в работе Н.И. Ашмарина вообще не приводится формант *-ан (-ен)*.

Здесь нами усматриваются результаты контаминации (смешения двух процессов). Надо иметь в виду, что образование новых слов происходит не столь регулярно, как образование новых форм. Поэтому коммуниканты нечетко помнят морфонологические явления и смешивают чередование фонем в аффиксах с наложением морфов.

В реляционных аффиксах не допускается никаких контаминаций, ибо регулярное употребление реляционных аффиксов не создает условий для образования произвольных морфов. Из-за редкого употребления большинства деривационных аффиксов и забывчивости коммуниканта может происходить смешение употребления той или иной фонемы в составе морфа.

Контаминация происходит не во всех случаях, а только: а) когда в составе деривационного аффикса имеются гласные фонемы *|а̋|* или *|е̋|*; б) когда в начале аффикса стоит гласная фонема.

Для примера возьмем слова, образованные при помощи форманта *-ӓл (-ӓл)*. Начальные гласные фонемы *|ӓ|*, *|ӕ|* словообразовательного аффикса при соединении его с основой на согласную фонему остаются без изменения: *самӓр* «упитанный» + *-ӓл* > *самӓр* + *-ӓл* «полнеть», *шӕвӕр* «острый» + *-ӓл* > *шӕвӕр-ӓл* «заостриться». Но когда основа оканчивается на гласную фонему *|а|* или *|е|*, то гласные фонемы аффиксальной морфемы *|ӓ|* или *|ӕ|* чередуются с нулем звука: *таса* «чистый» + *-ӓл* > *таса-л* «становиться чистым», *кӕске* «короткий» + *-ӓл* > *кӕске-л* «становиться коротким». Лингвисту, а тем более нелингвисту без соответствующих языковых данных трудно разобраться в морфемах вышеприведенных двух слов, так как слова типа *тасал*, *кӕскел* можно разбирать двояко: а) как слова, образованные при помощи аффикса *-ӓл (-ӓл)* и имеющие чередование *ӓ / ӕ* с нулем звука; б) как слова, образованные при помощи аффикса *-ал (-ел)* и способом наложения морфов: 1) *таса-л* < *таса* + *-ӓл*, 2) *тас-а** + *-ал* < *таса* + *-ал*; 1) *кӕске-л* < *кӕске* + *-ӓл*; 2) *кӕск-е** + *-ел* < *кӕске* + *-ел*. Вероятно, в силу указанных причин слова с одними и теми же значениями стали пользоваться одновременно формантом *-ӓл (-ӓл)* и формантом *-ал (-ел)*.

Теперь сравним эти форманты:

- 1) по значению они ничуть не отличаются;
- 2) по фонемному составу и расположению они также близки друг к другу;
- 3) их нельзя относить к вариантам, т.к. они не могут заменять друг друга;
- 4) в этимологическом отношении *-ал (-ел)* восходит к *-ӓл (-ӓл)*.

Все эти данные говорят в пользу признания формантов *-ал (-ел)* и *-ӓл (-ӓл)* в качестве алломорфов одного и того же аффикса.

Но «новоявленные» алломорфы *-ал*, *-ел* не совсем оправданны в дистрибутивном отношении: как в морфологическом, так и фонологическом плане они не имеют своих собственных позиций, тем более они образованы не в результате чередований *ӓ/а* или *ӕ/е*, а в результате «отхода элемента основы» к аффиксу. В современном языке эти алломорфы могут употребляться после основ имен существительных или прилагательных, могут присоединяться к ос-

новам, имеющим в ауслауте как согласные, так и гласные фонемы. Если сравнить в процентном отношении употребление в современном языке слов и с теми, и с другими алломорфами, то заметим, что слов с алломорфами *-ӓл (-ӓл)* несколько меньше, чем с *-ал (-ел)*: слова типа *мӓкӓр-ӓл* «выпачиваться» (от слова *мӓкӓр* «бугор») составляют 31,8 %, слова типа *йӓн-ел* «дешеветь» (от слова *йӓнӓ* «дешевый») — 34,1 %, слова типа *тасал* «становиться чистым», т.е. слова, разбирающиеся двояко, — 34,1 %. Аффиксальных алломорфов, имеющих в анлауте *|ӓ|* или *|ӓ|*, становится все меньше. По этому поводу уместно привести высказывание: «Поскольку языку не свойственно сохранять два означающих для одной цели, обычно первоначальная форма как менее регулярная сперва начинает реже употребляться, а потом вовсе исчезает» (Ф. де Соссюр).

Все приведенные выше слова образованы при помощи словообразующей аффиксальной морфемы, имеющей следующие алломорфы (они сгруппированы при помощи параллельных линий и скобок):

- (1) *-ӓл (-ӓл) || -ал (-ел)*.

Явление контаминации, как это ни странно, охватило немало словообразовательных аффиксов. И у всех у них в анлауте в первичных (базисных) морфах имела или имеется фонема *|ӓ|* или *|ӓ|*.

Алломорфы образуются как бы путем чередования гласных неполного образования (т.е. редуцированных гласных *|ӓ|* и *|ӓ|*) с гласными полного образования *|а|* и *|е|*. Но эти чередования не мотивированы, как, например, чередования гласных заднего ряда с гласными переднего ряда.

Далее приводятся примеры с отдельными аффиксальными морфами, сходными с только что описанной аффиксальной морфемой, без особого анализа. Вначале даются образования без чередования (для сравнения), затем примеры с немотивированным чередованием, а также наложением, в конце — примеры с морфами позднейшего происхождения:

- (2) *-ӓт (-ӓт) || -ат(-ем)*:

тун(ӓ) «сухой» + *-(ӓ)т* > *тунӓт* «сушить, высушивать»,
ӓш(ӓ) «теплый» + *-(ӓ)т* > *ӓшӓт* «подогревать, утеплять»; *куӓр*

«кривой» + *-(ǎ)t* > *кукǎрт* «делать кривым», *шѣвѣр* «остроконечный» + *-(ě)t* > *шѣвѣрт* «делать остроконечным», *хура* «черный, грязный» + *-(a)t* > *хурат* «красить в черный цвет, пачкать»; *сыв(ǎ)* «здоровый» + *-ат* > *сыват* «вылечивать, оздоравливать», *йўн(ě)* «дешевый» + *-ет* > *йўнет* «снижать цену»;

(3) *-айш (-ёш) || -аиш (-еиш)*:

хулǎн «толстый» + *-айш* > *хулǎн-айш* «толщина»; *урлǎ* «поперечный» + *-айш* > *урлǎ-айш* «поперечник», *инс(e)* «дальний» + *-(ě)иш* «даль» > *инсѣиш* «даль», *тачк(a)* «толстый» + *-айш* > *тачкǎиш* «толщина»; *тавра* «окольный» + *-(ǎ)иш* > *тавраиш* «место, район»; *мал* «передняя сторона» + *-аиш* > *малаиш* «будущее», *шал* «внутренняя сторона» + *-аиш* > *шалаиш* «внутренность»;

(4) *-ǎм (-ём) || -ам (-ем)*:

вѣс «конец» + *-ём* > *вѣсём* «беспрерывно», *вай* «сила» + *-ǎм* > *вайǎм* «влияние» (неол.); *вǎта* «середина» + *-(ǎ)м* > *вǎтам* «средний», *тўне* «небо» + *-ем* > *тўнем* «возвышенность, холм»; *тўр(ě)* «прямой» + *-ем* > *тўрем* «равнинный», *сǎртл(ǎ)* «холмистый» + *-ам* > *сǎртлам* «возвышенность»;

(5) *-ǎк (-ёк) || -ак (-ек)*:

сыпǎ «соединение» + *-ǎк* > *сыпǎк* «узел»; *кѣт* «ждать» + *-ёк* > *кѣтёк* «тот, кто засиделся в ожидании»; *сапл(a)* «латать» + *-ǎк* > *саплǎк* «заплата»; *чǎмла* «жевать» + *-ǎк* > *чǎмлак* «жевок»; *чǎмǎрта* «сжимать» + *-(ǎ)к* > *чǎмǎртак* «катыш»; *тǎк* «лить, выливать» + *-ак* > *тǎкак* «расход, убыток», *чар* «останавливать» + *-ак* > *чарак* «подпорка, слержанность»;

(6) *-ǎк (-ёк) || -ак (-ек)*:

сѣт «молоко» + *-ёк* > *сѣтёк* «молоко» (детское слово); *япала* «вещь» + *-(ǎ)к* > *япалак* «вещица»; *хыс* «лобок» + *-ак* > *хысак* «утес, скала»; *вар* «овраг» + *-ак* > *варак* «овражек»;

(7) *-ǎн (-ён) || -ан (-ен)*:

пус «голова» + *-ǎн* > *пусǎн* «начать»; *йыиш* «коллектив» + *-ǎн* > *йыишǎн* «принимать (в коллектив)», *ǎш(ǎ)* «тепло» + *-(ǎ)н* > *ǎшǎн* «греться», *сив(ě)* «холод» + *-(ě)н* > *сивѣн* «остужаться»; *йёне* «мокрый» + *-(ě)н* > *йёпен* «мокнуть»; *тут(ǎ)* «вкус» + *-ан* > *тутан* «попробовать (на вкус)»; *пуиш(ǎ)* «пустой» + *-ан* > *пушан* «освободиться»;

(8) *-ӓн (-ӓн) || -ан (-ен)* — аффикс возвратного залога:

сӓл «спасать» + *-ӓн* > *сӓлӓн* «спасаться»; *тӓк* «толкать» + *-ӓн* > *тӓкӓн* «касаться»; *хӓнала* «угощать» + *-(ӓ)н* > *хӓналан* «угощаться»; *чӓхе* «полоскать» + *-(ӓ)н* > *чӓхен* «обливаться»; *суй(ӓ)х* «визжать» + *-ан* > *суй(ӓ)хӓн* «волноваться»;

(9) *-ӓш(-ӓш) || -аш(-еш)* — аффикс взаимного залога:

тӓк «толкать, бодать» + *-ӓш* > *тӓкӓш* «бодаться»; *сав* «любить» + *-ӓш* > *савӓш* «любить друг друга»; *пала* «узнавать» + *-(а)ш* > *палаш* «познакомиться»; *пупле* «говорить» + *-(ӓ)ш-* > *пуплеш* «разговаривать»; *кӓшкӓр* «кричать» + *-(а)ш* > *кӓшкӓраш* «шуметь»; *макӓр* «плакать» + *-аш* > *макӓраш* «плакаться, хныкать».

Казалось бы, в формообразовательных аффиксах не должно быть морфонологических отклонений. Здесь некоторые отклонения мы объясняем нерегулярным употреблением и словообразовательным происхождением залоговых аффиксов. Мы солидарны с Э.В. Севортьяном в том, что залоговые аффиксы исторически восходят к словообразовательным аффиксам, и считаем, что и в чувашском языке многие из залоговых аффиксов еще «не освободились от словообразовательных функций» [17, с. 477–478].

Раздел 3

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 1. Предмет словообразования

В настоящее время вполне можно считать установленным, что словообразование как языковое явление (деривация) — это образование слов, словообразование как наука (дериватология) — изучение и описание слов в аспекте их образования.

Образование слова, происходящее в современном языке на базе имеющихся производящих основ и словообразовательных средств, осознается и мотивируется всеми носителями языка. При словообразовании сохраняется словообразовательная связь и не происходит качественных изменений ни в плане выражения, ни в плане содержания¹.

Если фонетика, фонология, семасиология, морфология, синтаксис представляют различные стороны или аспекты проявления слов, то дериватология освещает основной вид обогащения, развития и обновления словарного состава, изучает модели порождения новых слов. В поле зрения дериватологии должны быть и первичные слова.

Словообразование расширяет и обогащает функциональные возможности языка. Оно обуславливает синтаксическую валентность производных слов и распределение их по частям речи.

Чтобы активно включиться в нормирование и развитие языка и уметь пользоваться производными словами, а также самим строить новые слова, особенно важно знать правила словообразования, ибо они действуют не механически, а в большинстве случаев избирательно, с различными видами ограничений. Хорошо ориентируясь в средствах образования и структуре слов, можно активно строить нужные по смыслу слова. В необходимых случаях можно и нужно вме-

шиваться в дело словообразования, чтобы помочь в нормализации языка. Нельзя мириться с нарушениями правил образования слов прежде всего при создании терминов, при переводах и проч.

По своим средствам словообразование сближается с морфологией (словоизменением, формообразованием), а по результату оно тяготеет к лексике, словарному составу языка. Несмотря на промежуточное положение, словообразование признается отдельным, самостоятельным разделом языкознания.

§ 2. Классификация способов словообразования

Аффиксация

В любом языке словарный запас делится на две группы: первичные слова и вторичные. Первичные слова выражают понятие или отражают явление действительности непосредственно, значение вторичного слова мотивируется значением первичного: *вёс* «летать» — *вёс-ев* «полет», *хурал* «охрана» — *хурал-сй* «охранник», *атте* «отец» и *анне* «мать» — *атте-анне* «родители» и др.

Казалось бы, первичные слова не должны рассматриваться при описании словообразования, так как они не делятся на значимые элементы. Но если подходить с точки зрения способности первичных слов быть частью слов производных пар, то их не следует оставлять в стороне.

Первичные слова неоднородны по составу, они делятся на подгруппы: изолированные и образующие. Изолированные первичные слова не могут участвовать в роли мотивирующих производящих основ. Например, *вёл* «он», *ку* «этот (эта, это)», *валли* «для», *пирки* «из-за», *анчах* «но», *е* «или», *сес* «лишь» и др. Образующие первичные слова участвуют в словообразовании: *суха* «плуг, соха» — *сухала* — «пахать», *хулйн* «толстый» — *хулйн-йш* «толщина» и др.

Каковы тенденции в функционировании первичных и вторичных слов? Может ли сохраняться количество первичных слов долгие годы или оно сокращается? Устойчива ли мотивированность вторичных слов в течение продолжительного времени? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо изучить проблемы словообразования в плане как

синхронии, так и диахронии, уделив внимание прежде всего способам словообразования.

Характерологические способы словообразования можно разбить на две группы. Способы образования слов первой группы характеризуются тем, что при их помощи создавались слова недавно, создаются теперь или могут быть созданы в будущем в ходе речи. Их можно назвать способами синхронного словообразования.

В процесс создания слов носители языка вмешиваются активно, так как им известны правила и модели. Одной из главных особенностей синхронного словообразования является то, что при создании слов в их структуре могут происходить морфонологические и другие изменения, которые не препятствуют передаче значений элементов словообразования.

Способы образования слов второй группы отличаются тем, что при их помощи невозможно образовать слова в момент речи, так как они создавались или оформлялись в течение предыдущих эпох. В этом процессе отсутствует сознательная деятельность современных носителей языка (речи). Новые слова образуются по внутренним законам развития языка как в плане содержания, так и в плане выражения. Главное здесь то, что утрачивались первоначальные значения слов или их компонентов. Во многих случаях в словоформе или синтаксической конструкции происходили и фонетические изменения. В результате этого упрощенное слово переставало делиться на значимые части и могло полностью принимать облик первичного слова. Такие способы образования слов принято называть диахроническими.

Неразличение двух групп способов словообразования может привести к нежелательным результатам в теории и на практике.

Так, ввиду неразличения в чувашском языкознании сложных и так называемых слитных слов в орфографических правилах современного чувашского языка царит большая путаница в написании синтаксических конструкций различного типа.

Поскольку наша работа посвящена описанию современного чувашского языка, мы вынуждены ограничиться способами синхронного словообразования.

В синхронном словообразовании следует строго различать мотивирующие основы и мотивированные слова. Общеизвестно, что мотивированное слово должно соотноситься с мотивирующей основой как с точки зрения означающего, так и в плане означаемого. И очень важно, чтобы модели словообразования имели регулярные соотношения.

Основным признаком мотивированного слова является его вторичный характер, его возникновение от какой-либо одной производящей (мотивирующей) основы или двух производящих основ.

В современном чувашском языке можно установить иерархию типизированных способов образования слов.

Если классифицировать эти способы, положив в основу структурный принцип, то их можно подразделить на несколько бинарно противопоставленных групп.

Прежде всего судя по тому, сколько мотивирующих основ участвует при словообразовании, мы выделяем производные слова, состоящие из одной мотивирующей основы, и слова, состоящие из двух или более мотивирующих основ. Ср.: а) *сыру* «письмо» (сущ., от гл. *сыр* «писать»), *хутё* «защита, защищенное место» (сущ., от прил. *хутё* «прикрытый») и др.; б) *атă-пушмак* «обувь» (сущ., от сущ. *атă* «сапог» и *пушмак* «башмак»), *телехыпар* «телевизионное известие» (от *телевидени* «телевидение» и *хыпар* «известие»).

Слова первой группы в языкознании принято называть простыми словами, а второй — сложными.

Производные слова, состоящие из одной мотивирующей основы, могут быть образованы или при помощи деривационных аффиксов, или без их участия.

При образовании слов без участия деривационных аффиксов, т.е. способом конверсии, производное слово совпадает с производящей основой. Но последняя отличается от первой своей мотивированностью, переходом в другую часть речи и тем самым собственной парадигмой форм и валентностью. Например, слова *аран* «еле», *пач* «вовсе» — наречия. Они отличаются неизменяемостью и отсутствием способности иметь при себе поясняющие слова.

При образовании же слов с помощью деривационных аффиксов в роли мотивирующей основы могут фигурировать не только отдельные слова, но и словосочетания. Ср.: *арсын*

чунлă (хёрарăм) «(женщина) с мужской душой», *ача сачёлле (выля)* «в детский сад (играть)», *хырăм айлăх* «подруга», *высă куслан* «становиться алчным, быть жадным», *сара пакарталан* «оголиться, обнажиться», *сёр суллăх* «на сто лет, столетний». Тем самым последнюю группу можно подразделить еще на две подгруппы: 1) вторичные слова, у которых в роли производящих основ выступают отдельные слова; 2) вторичные слова, у которых в роли производящих основ могут быть словосочетания.

Теперь вернемся к сложным словам, образованным при помощи двух мотивирующих основ.

Вторичные слова, образованные сложением двух мотивирующих основ, отличаются тем, что не имеют деривационного аффикса. Все же они характеризуются цельнооформленностью. Что же касается смысловой связи между производящими основами, то здесь выявляются два типа соединения. В одних вторичных словах компоненты в смысловом отношении равны друг другу, ни один из них не поясняется другим: *хаçат-журнал* «периодическая печать» (букв. «газеты и журналы»), *сăкăр-тăвар* «хлеб-соль»; в других вторичных словах первый компонент поясняет второй в смысловом отношении (*ялкор* «селькор», *райхаçат* «райгазета»). Слова, входящие в первую подгруппу, в тюркологии принято называть парными словами, а слова, входящие во вторую подгруппу, — сложносокращенными словами.

Способы словообразования не все одного возраста. Наиболее древним считается аффиксальный способ. Затем появились парные слова. Явление конверсии, очевидно, возникло позже. Самыми новыми следует признать сложносокращенные слова.

Находим уместным вкратце изложить способы диахронического словообразования. В отличие от способов синхронного словообразования здесь слова не делятся на значимые части. Нет в них мотивирующей основы и системности. Различаются три способа этого словообразования.

1. Морфемно-семантический способ. В течение времени одно из значений слова может утратить связь с другими его значениями, и это значение образует самостоятельное синонимическое слово в пределах той же части речи.

В чувашском языке слова, образованные таким образом, встречаются в классах имен существительных и глаголов.

Имена существительные: *уйăх* I «луна»; II «месяц»; *кукамай* I «бабушка» (со стороны матери), *кукамай* II «божья коровка»; *ана* I «отверстие» (*алăк ани*), *ана* II «загон» и др.

Глаголы: *кĕт* I «ждать», *кĕт* II «пасти (стадо)»; *вĕр* I «дуть (о ветре)», *вĕр* II «лаять»; *хут* I «топить (печь)», *хут* II «мочить, вымачивать (мочало, лен)»; *шăт* I «лопнуть», *шăт* II «прорастать».

2. Лексико-семантический способ. Здесь все начинается с изменения в семантике слов (упрощение и т.п.). Словосочетание в результате слияния значений его компонентов приобретает значение, свойственное первичному слову, т.е. перестает делиться на отдельные слова. Во многих случаях слияние значений сопровождается и слиянием слов в фонетическом отношении. Это такие слова, которые в тюркологии принято называть слитными словами. При помощи данного способа в чувашском языке образованы слова, входящие в классы имени существительного и наречия.

Имена существительные: *улмуçи* «яблоня» (<*улма йы-вăçи* «яблочное дерево»), *асатте* «дедушка (со стороны отца)» (<*аслă атте* «старший отец»), *мучи* «старший брат отца» (<*мун пичи* «большой брат»), *пиçиххи* «пояс, кушак» (<*пилĕк сыххи* «поясничная повязка»), *анкарти* «гумно», «огород» (<*авăн карти* «ограда гумна») и др.

Наречия: *çарран* «босиком» (<*çара уран* «голой ногой»), *пĕркун* «недавно, намерз» (<*пĕр кун* «один день»); в говорах наблюдается фонетическое изменение данной конструкции в виде *пăркун*.

Для современного языка вышеприведенные слова являются непроизводными, но в диахроническом плане их надо рассматривать как производные.

3. Морфолого-синтаксический способ. Та или иная форма слова, употребляясь в определенной синтаксической позиции, застывает, теряет значения морфем, отпадает от парадигмы слова и переходит в самостоятельное слово другой части речи. Многие слова служебных частей речи, а также наречия образованы этим способом.

Послелогои, образованные от именных форм: *пүснэ* «кроме» (<*пүс* «голова» в 3 л., дат.-вин. п.), *синчен* «о, про» (<*си* «поверхность» в 3 л., исх. п.), *май* «по» (<*май* «способ, прием, метод» в ед. ч., осн. п.), *евёр* «как» (<*евёр* «образ, облик, форма» в ед. ч., осн. п.); от глагольных форм: *пула* «из-за» (<*пул* «быть» в обстоятельственной временной форме), *кура* «смотря на» (<*кур* «видеть» в обстоятельственной временной форме) и др.

Союзы, образованные от глагольных форм: *тесе* «чтобы, для того чтобы»; «ввиду того что» (<*те* «говорить, сказать» в обстоятельственной временной форме), *тесен* «для того чтобы» (<*те* «говорить, сказать» в обстоятельственной временной форме), *пулсан* «если, ежели» (<*пул* «быть» в обстоятельственной временной форме), *ан тив* «пусть» (<*тив* «трогать» в предикативной временной форме, в отрицательном аспекте) и др.

Частицы, образованные от местоименных форм: *-мён* «оказывается» (*вёл тухса кайнă-мён* «он ушел, оказывается»), *сав* утверд. «да, вот» (*сапла сав* «да, так»); от наречий: *анчах* «только» (*эс анчах-и-мён?* «да разве ты только?») и др.

Если в диахронном отношении слова, образованные указанными способами, являются производными, то в синхронном плане они не могут считаться такими. У них утрачена мотивированность производного слова.

Теперь можно вернуться к ранее поставленным вопросам. В составе первичных слов тоже происходит движение. С появлением синонимов и по другим причинам часть из них может выйти из употребления. Но состав первичных слов одновременно пополняется за счет вторичных слов, а также за счет многочисленных заимствований из других языков.

Мотивированность производных (вторичных) слов не вечна. В результате различных диахронических процессов отношения между производными словами и мотивирующей основой постепенно утрачиваются.

Таким образом, оказывается, что между первичными и вторичными словами существуют двусторонние связи. С одной стороны, первичные слова участвуют в образовании вторичных в качестве мотивирующих основ. С другой стороны, вторичные слова, утратив мотивационные от-

ношения между производящими их элементами (производящими основами и деривационными аффиксами и т.д.), переходят в первичные слова. В конечном счете синхронное словообразование заменяется диахроническим, а диахроническое — синхронным и т.д. Идет поступательное развитие языка по восходящей линии.

§ 3. Мотивирующая основа

Аффиксальные способы словообразования включают суффиксацию, префиксацию и постфиксацию. В чувашском языке преобладает аффиксация, префиксация и постфиксация непродуктивны.

При аффиксальном словообразовании в начале слова находится мотивирующая (исходная, производящая, деривационная) основа, а за ней — деривационный аффикс.

В чувашском языке любая исходная основа равна нулевой (безаффиксальной) форме слова и завершена фонетически. Она, как правило, образуется от полнозначной лексической единицы. Производящая основа предназначена мотивировать содержание производной основы.

При этом существенно, что в момент образования слова происходит освобождение производящей основы от всех грамматических признаков и свойств цельнооформленного слова; в связи с нейтрализацией категориального значения слова к нему не может быть присоединен ни один формообразующий аффикс или определяющее слово. У исходной основы, находящейся в составе деривата, остается лишь ее исходное лексическое значение, необходимое производному слову для сочетания с деривационным аффиксом и для образования нового лексического значения.

Из двух значимых частей в производном слове обе являются существенными и взаимно необходимыми. С одной стороны, без полнозначного элемента не может употребляться служебный, и в фонетическом отношении этот элемент по закону сингармонизма подчиняется полнозначному. С другой стороны, новое слово образуется только при наличии деривационного аффикса, который подчиняет себе производящую основу для мотивирования нового лексического значения. Иначе говоря, в производном слове в

плане содержания главенствует словообразующий аффикс, а в плане выражения — исходная основа.

Если производящая основа лишена самостоятельного употребления, от нее невозможно образовать другое слово, ибо в производном слове она не может играть роль мотивирующей основы. А без мотивации, конечно, нет и производного слова.

На практике при образовании терминов часто допускаются ошибки в выборе производящей основы. Переводчики или составители терминов то и дело образуют слова с оставлением такой составной части русского деривата, как интерфикс, в котором нет никакой необходимости. Чувашский дериватор прибавляется к не существующим в языке производящим основам. Например, невозможно считать оправданным образование такого слова, как *агглютинативлă* в значении «агглютинативный», потому что ни в русском языке, ни в чувашском нет слова *агглютинатив*. Очевидно, переводчики в качестве образца берут образование русского слова *агглютинативный*. Они забывают или не обращают внимания на то, что в русском языке при словообразовании между исходной основой и деривационным суффиксом, как правило, происходят морфонологические явления: чередование звуков, вставка строевого элемента (интерфикса) и др. При образовании вышеприведенного слова перед суффиксом прилагательного *-н-* действительно произошло чередование *ц/т* и вставлен интерфикс *-в-*.

В чувашском же языке употребляется заимствованное слово *агглютинаци*. Значит, при образовании словоформы аффикс *-лă* (*-лĕ*) следует прибавлять к этому существительному: *агглютинаци + -лĕ — агглютинацилĕ*. В чувашском нет и не должно быть слова *агглютинатив*. Перенос строевого элемента русского языка на чувашскую почву сильно затрудняет понимание смысла слова.

Еще несколько таких примеров ошибочного образования терминов: *дедуктивлă метод* «дедуктивный метод» (вместо *дедукции меслечĕ*), *административлă комисси* «административная комиссия» (вместо *администраци комиссийĕ*), *легендарлă герой* «легендарный герой» (вместо *легенда геройĕ*), *поляр унки* «полярный круг» (вместо *полюс унки*).

Некоторые авторы образование подобных слов хотят оправдать тем, что чувашские слова *кирлĕ* «нужный», *тĕрлĕ* «разный», *хĕрлĕ* «красный», *аслă* «старший», *вирлĕ* «крепкий, сильный» будто тоже образованы от несамостоятельных слов. Здесь, бесспорно, смешивается явление синхронного плана с явлением диахроническим. Слова типа *кирлĕ*, *тĕрлĕ* деэтимологизировались и не могут служить образцом при образовании новых слов.

Слова при помощи аффиксов образованы и образуются от других слов, на базе других слов, уже имеющих в языке.

К аффиксальным производным относятся:

1) слова, образованные от непроемных основ: *пĕл-ÿ* «знание», *пай-ла* «делить», *вăй-лă* «сильный»;

2) слова, образованные от аффиксальных основ: *пĕлтер-ÿ* «объявление», *шыв-ак-лан* — «становиться водянистым», *шур-лăх-лă* «болотистый»;

3) слова, образованные от конверсионных основ: *чăркăш-лан* «капризничать» (*чăркăш* гл. «ссориться», вздорить, скандалить, капризничать > *чăркăш* прил. «капризный, упрямый» > *чăркăш-лан*);

4) слова, образованные от парных основ: *ача-пăча-лан* — «поступать как маленькие дети», *çăкăр-тăварлă* «имеющий хлеб-соль», *ула-чăла-лан* — «становиться пестрым»;

5) слова, образованные от фразеологических единиц и синтаксических конструкций (словосочетаний): *тăм писменлен* — «дурака валять», *сăтсе яву* «обсуждение», *тискер кайăклан* «озвереть».

Выше было отмечено, что в качестве производящей основы не могут выступать формы слова, т.е. значение исходной основы не может уточняться значением того или иного форманта. Но в разговорной, а также в письменной речи изредка наблюдается присоединение деривационного аффикса к словоформе. Иногда глагольный дериватор прибавляют к форме превосходной степени прилагательного, образованной путем редупликации начальной части (сегмента) слова: *тип-тикĕс-лет* (А. Алка) «делать совершенно ровным», *ем-ешĕл-лен*² (Хумма Ç.) «становиться совершенно зеленым», *çап-çав-раклан* «становиться очень круглым».

Приведенные новообразования трудно признать устоявшимися и нормативными. Известно, что всякое слово обобщает. Если же при исходной основе иметь формообразовательный элемент, то он, внося ненужную конкретизацию, будет непременно препятствовать выражению обобщенного родового или видового значения. Форма *йăмрасемлĕ*³ (*ял*) возникла, очевидно, под влиянием русского языка (ср. «деревня в ветлах»).

§ 4. Семантически связанные основы

В языке имеются основы, употребляющиеся только в составе родственных слов. Как бывшие производящие основы, они используются только с теми или иными деривационными аффиксами или с другими основами, соединенными в историческом прошлом.

Подобные корни не употребляются самостоятельно, ибо они утратили свою автономность.

В составе деривата указанные производящие основы напеминают фразеологически связанные слова, они утратили свою мотивирующую силу. Значит, связанные основы не могут участвовать более в образовании новых слов. В силу сложившихся обстоятельств первоначальные основы со своими аффиксами превращаются в новые непроеизводные основы.

Так, слова *пăтран* «становиться мутным», *пăтрат* «мутить», *пăтраш* «перемешиваться», *пăтрав* «суматоха, неразбериха» образованы от основы *пăтра-* при помощи аффиксов *-н*, *-т*, *-ш*, *-в*. Судя по этим аффиксам, можно точно определить часть речи, к которой принадлежала основа. Это была глагольная основа без определенного значения переходности/непереходности. Когда закрепились залоги и появился субстантив *пăтрав*, необходимость в этой основе отпала. Но она со своими аффиксами превратилась в новую непроеизводную основу. Ср. другие примеры: 1) *лапчăн* «становиться плоским, сплющиваться» — *лапчăт* «сплющивать, придавливать» — *лапчăк* «плоский, низкий»; 2) *ўркен* «ленииться» — *ўркев* «лень»; 3) *хускан* «трогаться, двигаться, шевелиться» и *хускал* «тж» — *хускав* «движение»; 4) *кур* «видеть» — *кус* «глаз»; 5) *пытан* «прятаться, укрываться» —

пытар — «прятать, укрывать, таить»; б) *вырт* — «ложиться, лежать» — *вырйн* «место, постель».

В языке имеются также основы, которые не могут употребляться без словоизменительного аффикса. Значение «младший брат» выражается основой *шӑл* лишь в сочетании с аффиксом того или иного лица: *шӑллам* (1 л.) «мой младший брат», *шӑлла* (2 л.) «твой младший брат», *шӑлле* (3 л.) «его младший брат». Ср. также употребление основы *хуняка* «свояченица»: *хунякам* (1 л.) «моя свояченица», *хуняку* (2 л.) «твоя свояченица», *хунякӑшӗ* (3 л.) «его свояченица». Очевидно, основы *шӑл*, *хуняка* следует отнести к связанным.

Из сказанного видно, что поскольку связанные основы утратили свою самостоятельность, то они не могут выступать в качестве мотивирующих.

§ 5. Синтаксическая конструкция в роли мотивирующей основы

Далее остановимся на анализе одной специфической особенности словообразования чувашского и тюркских языков.

В роли производящей базы в чувашском языке могут выступать и словосочетания. По этому поводу Э.В. Севортян писал, что «в тюркских языках приименные и прилагательные определения обнаруживают сильную тенденцию к семантическому сращению со своими определяемыми. Именно это обстоятельство, составляющее вместе с другими своеобразие тюркских языков, прежде всего разъясняет широкую возможность словопроизводства от словосочетаний». Очевидно, подобные образования слов от синтаксических конструкций нельзя относить к сложным словам, так как, во-первых, определяющим фактором здесь является деривационный аффикс; во-вторых, и выражение категориального значения зависит не от синтаксической конструкции, а от дериватора.

Чаще всего принимают деривационный аффикс определительные словосочетания и фразеологические конструкции: *выç варла* «в голодном состоянии» «(<*выç вар* «голодный желудок»)».

Несмотря на то, что дериваторы являются довольно продуктивными, они не могут присоединяться ко всем синтаксическим конструкциям. Избирательность в том, что они прибавляются к таким словосочетаниям, основной член которых может охватить любую лексическую единицу языка, с которой может быть связана номинативная функция. Но такие конструкции, определители которых содержат в своем составе формативы лица, числа, падежа, времени и т.п., неприемлемы для функционирования в роли производящей основы, например: *вулань кёнеке* «прочитанная книга» не может быть употреблена ни с каким деривационным аффиксом, так как словоформа *вулань* имеет показатель времени действия, в конструкции *хавьан йаймаку* содержатся конкретизаторы имени (показатели лица, падежа) и др.

Суммируя, можно сказать, что в именных и глагольных конструкциях, участвующих в роли мотивирующей основы, определяющий член для тесного семантического сращения с определенными должен находиться в основной форме. И определяемый член конструкции, как и простое слово, перед дериватором должен находиться в основной форме.

Но следует отметить одно характерное отличие словообразования от словосочетания. В чувашском языке очень часто производные слова образуются от изафетных конструкций. Если при самостоятельном употреблении ядерное слово этой конструкции в ауслауте всегда содержит аффикс 3 лица, то при наличии дериватора аффикс лица, как правило, устраняется. Примеры: *арсын чунё* «мужская душа» + *-ллё* > *арсын чунёллё* (*чунля*) «с душой мужчины»; *кайак чёри* «звериное сердце» + *-ллё* > *кайак чёреллё* «жестокий, злой» [А IV, с. 15)]; *этем ретлё* «приличный, добропорядочный»; *тёрна майё* «журавлиная шея» + *-ллё* > *тёрна майля кайшам* (М. Ухсай) «кувшин с длинным горлышком»; *шайпчак ыйхи* «соловьиный (непродолжительный, легкий) сон» + *-ллё* + *-скер* > *шайпчак ыйхалляскер*⁴ (А. Медведев) «один из тех, кто имеет легкий сон».

Из примеров видно, что в ходе развития языка устранение аффикса 3 лица из изафетной конструкции и замена мягкого

морфа дериватора твердым морфом встречаются главным образом в устоявшихся производных словах. Но в дериватах, созданных в недавнем прошлом авторами художественных произведений, аффикс 3 лица сохраняется. Правда, в данном случае в ауслауте производящего выпадает морф 3 лица *-ё*, но его значение передается мягким морфом дериватора: *вьльăх апачё* «корма» + *-лёх* > *вьльăх апачлёх культура*⁵ «корма для скота»; Ср. примеры с морфом 3 лица *-и*: *кайăк чёппи* «птенец» + *-ллё* > *кайăк чёппиллё йăва* «гнездо с птенцом», *хăлха чикки* 1) «висок»; 2) «оплеуха» + *-ле* > *хăлха чиккилесе ил* (А. Тал-вир) «дать по уху», «закатить оплеуху». В этих примерах еще не отложился отпечаток времени.

По мнению некоторых исследователей чувашского языка, невозможно образовать слова от синтаксических конструкций. Но при возражении они свое главное внимание направляют на дериваторы типа *-лă* (*-лё*), *-сăр* (*-сёр*), *-лăх* (*-лёх*), т.е. на аффиксы образования прилагательных, а об аффиксах глаголообразования *-лан* (*-лен*), *-лат* (*-лет*) и образования существительных *-у* (*-ў*), *-лăх* (*-лёх*) забывают, не объясняют, чем отличаются первые от вторых. Они считают, что в словосочетании есть определение и определяемое слово и будто бы это словосочетание связывается с предложением при помощи «синтаксического аффикса» типа *-лă* (*-лё*).

Является ли аффикс *-лă* (*-лё*) синтаксическим, реляционным, если он дает возможность выражать признак предмета по наличию чего-либо, отсутствующего у других предметов, и не участвует в соединении одного слова с другим? В этом отношении слова на *-лă* (*-лё*) ничем не отличаются от производных прилагательных: последние выражают признак, выделяющий предмет от других, не имеющих этого признака. Нет оснований данных отнести *-лă* (*-лё*) к реляционным аффиксам. Для сравнительного показа можно привести падежные, реляционные, аффиксы; например: *кёнеке-н*, *кёнеке-пе*. Аффиксы *-н*, *-пе* употребляются не для образования слова, обозначающего признак, а для соединения данного слова с другим.

К тому же аффикс *-лă* (*-лё*) присоединяется не к любому существительному. Невозможно соединять его, например, к названиям частей тела, если при нем нет никакого определения: *хавшак чёреллё сын*. Употребление с названи-

ями типа *тута* «губы», *ура* «нога» и др. было бы совершенно нелогично: *туталл* «имеющий губы», *уралл* «имеющий ногу». Употребление этих слов с *-лă (-лѣ)* в речи не достигло бы своей цели, ибо все люди или животные имеют указанные части тела: подобные прилагательные не способствовали бы их различению.

Другое дело, когда название части тела, соединяясь с прилагательным, приобретает нужное значение. В таких случаях дериват прилагательного, образованный при помощи аффикса *-лă (-лѣ)*, вполне может выражать отличный признак личности: *сѹхе туталл хѣр*⁶ «девушка с тонкими губами», *вѣрѣм уралл ача* «длинноногий мальчик». А реляционные аффиксы *-ѣн (-ѣн)*, *-на (-не)* могут употребляться со всеми словами, имеющими категориальное значение предметности.

Возникает вопрос: как писать слова, образованные при помощи деривационных аффиксов от синтаксических конструкций? На практике нет четкого правописания подобных образований. Ср., например, написание слов в «Чувашско-русском словаре» 1982 года издания, где рядом со слитно написанным глаголом *мѣнкѣмѣллан* «важничать, зазнаваться, кичиться, гордиться» выступает образование *ырѣ кѣмѣллан* «становиться добрым» (в статье *кѣмѣллан*), написанное раздельно. Трудно согласиться с двояким написанием прилагательных: рядом со слитно написанным *мѣнкѣмѣллѣ* более десятка прилагательных, образованных таким же образом, графически оформлены раздельным написанием: *ѣшѣ кѣмѣллѣ* «ласковый, приветливый», *вашават кѣмѣллѣ* «тж», *кѣра кѣмѣллѣ* «вспыльчивый», *сѣрѣп кѣмѣллѣ* «стойкий» и др. Наречие *мѣнкѣмѣллѣн* «высокомерно, надменно, спесиво, чванливо» набрано вместе, в то же время *ѣшѣ (вашават) кѣмѣллѣн* «радушно, приветливо», *ѣваш кѣмѣллѣн* «кротко», *сѣрѣп кѣмѣллѣн* «твердо, стойко» — раздельно. Чем отличается существительное *мѣнкѣмѣллѣх* «высокомерие, надменность, заносчивость, кичливость, спесивость» по образованию от существительных типа *савѣк кѣмѣллѣх* «жизнерадостность», *сивѣ кѣмѣллѣх* «холодность, неприветливость», *сѣмсе кѣмѣллѣх* «мягкосердечие» и др.? Компоненты первого слова написаны слитно, остальные — раздельно.

Хотя дериватор относится ко всему словосочетанию, в любом случае в процесс словообразования он не может внести никаких трансформационных изменений. И слитное написание, на наш взгляд, может только помешать расшифровке компонентов и ясной мотивировке словообразовательного значения.

§ 6. Деривационный аффикс

Словообразование осуществляется главным образом с помощью словообразовательного (деривационного) аффикса (дериватора, деривата). Аффиксацией образуются слова всех знаменательных частей речи, кроме числительного и подражательного слова*. Особенно широко используются аффиксы при образовании существительных, прилагательных, глаголов, наречий и отчасти местоимений. При этом новое слово образуется путем прибавления к производящей основе какого-нибудь аффикса: *шан-й̆с* «надежда», *мир-л̆ё* «мирный», *тик̆ёс-ле* «уравнять».

У каждой части речи имеется свой фонд словообразовательных аффиксов. Последние обладают обобщенной характеристикой. Во многих случаях они обозначают видовые (групповые, разрядные) значения. Например, аффикс *-с̆а (-с̆ё)*, присоединяясь ко многим существительным, образует существительные, обозначающие действующих лиц по роду их занятий: *пул̆ӑс̆а* «рыбак», *к̆ёт̆ўс̆ё* «пастух», *юр̆ӑс̆а* «певец»; аффикс *-у (-ў)*, присоединяясь к большинству глаголов, образует имена действия: *й̆сату* «проводы», *п̆ёт̆млет̆ў* «обобщение», *кўса-ру* «перевод» и др.

Словообразовательные аффиксы могут быть однозначными и многозначными. Например, аффикс *-к̆ӑч (-к̆ёч)* в большинстве случаев выражает значение орудия действия: *в̆ёр̆к̆ёч* «мехи (кузнечные)», *х̆ыт̆к̆ӑч* «щипцы»; *-ем (-й̆м)* — со значением орудия (средства) действия: *п̆ёр̆кем* «покрывало», *кар̆й̆м* «силок»; со значением носителя действия: *сйс̆ём* «молния», *сўл̆й̆м*

* В своё время И.П. Павлов слова типа *ш̆ӑт̆ӑр*, *ш̆ал̆т* считал производными подражательными словами (Хальхи ч̆аваш литература ч̆ёлхи: морфологи. Шупашкар, 1995. С. 311). — *Ред.*

«пламя», со значением меры и порции предметов: *сёклем* «охапка», *сұхрәм* «верста», *сәйтәм* «глоток» и др.

Следует особо отметить, что деривационных аффиксов в языке по сравнению с морфонологическими, намного больше. Если учесть еще наличие у ряда аффиксов нескольких значений, то все это создает солидную базу синонимии деривационных аффиксов. Сравните, например, синонимичность аффиксов, образующих имена существительные от глагольных основ:

1) название процесса: *вулав* «чтение», *хәйтланәш* «поступок», *юхә* «течение», *ака* «посев», *чарак* «выдержанность»;

2) результат действия: *хунав* «поросль», *сыран* «берег», *пәлтерәш* «значение», *вите* «конюшня»;

3) средство (орудие) действия: *әскәч* «сачок», *әмкәч* «соска», *пәра* «бурав», *сүләк* «метелка»;

4) носитель (субъект) действия: *автан* «петух», *чавка* «галка», *тупкәч* «сваха», *пәха* «смотритель»;

5) объект действия: *сывләш* «воздух», *тәлле* «цель»;

6) место действия: *тапта* «потрава, отравленное место», *тухәс* «восток», *ларәш* «закат», *сүләнкә* «ухаб», *пухә* «ярмарка, место сбора».

Нередко встречаются однокоренные синонимы: *чәмка* — *чәмкәс* «нырок (утка)», *әскәч* — *әсма* (редко) «черпалка», *карә* — *карәм* (редко) — *каркәч* (*каркәс*) «занавеска», *сәмәлттай* — *сәмәлча* (редко) «легкомысленный».

В пределах каждой части речи в зависимости от того, от каких основ образуют производные слова, деривационные аффиксы можно подразделить на две группы:

а) аффиксы, присоединяющиеся к основам слов иных частей речи (они называются межкатегориальными); например, аффиксы *-у* (*-ү*), *-әс* (*-ёс*) и др. образуют существительные от глаголов (*сәләйәс* «спасение», *тәләнү* «удивление»); аффиксы *-кәш* (*-кеш*), *-кәр* (*-кёр*) — глаголы от подражательных слов (*найкәш* «стонать, ныть», *чашкәр* «шипеть»);

б) аффиксы, присоединяющиеся к основам слов собственной части речи (они называются внутрикатегориальными); например, аффиксы *-сә* (*-сё*), *-ал* (*-ел*) образуют существительные от существительных же, аффикс *-әрка* (*-ёрке*) образует глаголы от глаголов и др.

Изредка встречаются аффиксы, которые могут образовать слова и от слов иных частей речи, и от слов собственной части речи (их принято называть межкатегориально-внутрикатегориальными); например, аффикс *-ӑх (-ӕх)* образует глаголы от существительных (*суйӑх* «кричать»), от прилагательных (*пӑчӑх* «задыхаться») и от глаголов (*ёнӑх* «быть опаленным, обожженным») и др.

Внутрикатегориальные аффиксы словообразования близки к реляционным аффиксам. Они обозначают те или иные смысловые оттенки производящей основы. Так, у существительных подобные аффиксы придают понятию эмоционально-экспрессивную окраску (*йӑвача* «мелкий колобок», *сӑрнаккай* «оболтус»), у прилагательных — близко стоят к аффиксу сравнительной степени (*шуранкӑ* «беловатый», *ханрак* «горьковатый», *сӑӑлемес* «длинноволосый»).

§ 7. К вопросу о статусе деривационного и реляционного аффиксов в чувашском языке

Относительно отдельных аффиксов невозможно сказать однозначно, являются они деривационными или реляционными. Тем более в языке наблюдаются противоположные тенденции: одни деривационные аффиксы переходят в реляционные, а единичные реляционные аффиксы в соответствующих условиях превращаются в деривационные.

1. Ссылаясь на то, что в чувашском языке аффикс *-сӑр (-сӕр)* может выступать в качестве падежного, некоторые чувашеведы готовы причислять к синтаксическим аффиксам ряд других продуктивных деривационных аффиксов. Так, без достаточных оснований к синтаксическим аффиксам относят морфемы *-лӑ (-лӕ)*, *-ла (-ле)*. А отдельные татароведы морфемы *-лы (-ле)*, *-ча (-че)* татарского языка готовы называть падежными аффиксами.

Продуктивность употребления аффикса *-лӑ (-лӕ)* не может служить причиной отнесения к реляционным аффиксам. Избирательность производящей основы является главным поводом, мешающим стать ему реляционным аффиксом. Аффикс *-лӑ (-лӕ)* невозможно присоединять не только к собственным именам, но и ко многим видам на-

рицательных существительных: 1) к именам со значением времени: *тапхър* «период», *эрне* «неделя», *кун* «день» и др.; 2) к именам активных действий: *утă* «ходьба», *чупă* «бег», *вёсев* «полет» и др.

Падежные аффиксы к вышеуказанным существительным присоединяются свободно. Невозможность образования прилагательных от них является недостаточностью их семантики. Только при условии наличия поясняющих слов эти нарицательные имена могут принимать аффикс *-лă (-лě)* и образовывать прилагательное (об образовании слов от словосочетаний см. выше).

Аффикс *-лă (-лě)* невозможно причислять к синтаксическим аффиксам. Чуваши не образуют прилагательное от формы множественного числа (*вăрăм çанăсемлě кěне*), и ни к чему также употреблять *-лă (-лě)* после основы с аффиксом 3 лица (*вăрăм çанниллě кěне*). Правила словообразования не подчиняются правилам словоизменения. Лишь полное подчинение аффикса словообразования правилам словоизменения может позволить говорить о переходе его в класс реляционных.

Хотя аффикс образования наречий *-ла (-ле)* является в какой-то степени грамматическим аффиксом, считать его синтаксическим аффиксом не позволяет его избирательность: он не может присоединяться к существительным с абстрактным значением (*тасалăх* «чистота», *пултарулăх* «способность», *тирнейлěх* «аккуратность»), к названиям действий, процессов (*ăмăрту* «соревнование», *юрату* «любовь», *кěрешű* «борьба»), к существительным со значением изобилия чего-либо (*хурăнлăх* «березняк», *шурлăх* «болотистая местность»). В последнее время существительные, обозначающие предметы, с которыми сравниваются другие, стали иметь формы лица (*асламăшěлле* «как своя (его) бабушка»), числа (*ваттисемле* «как старики», «наподобие стариков»), падежа и выделения (*килтилле* «по-домашнему»). Этот аффикс присоединяется и к собственным именам: *Петровла* «как Петров». В этом отношении аффикс *-ла (-ле)* стал походить на реляционный аффикс. Учитывая то, что данный аффикс в других значениях не может присоединяться к словоформам, все же причислять его к словоизменительным аффиксам некорректно. Ср. в значении времени: *кăнтăрла*

«днем», *хёлле* «зимой»; способа (совершения действия): *калак-ла* «вкрутую», *сáвáлла* «в стихотворном виде». Кроме того, после наречного суффикса *-ла* (*-ле*) может стоять аффикс сравнительной степени: *салтакларах тумланнá сын* (А. Ёсхёл) «человек, одетый на манер солдата», *спортсменларах* (Хв. Уяр) «чуть похожий на спортсмена». Утверждать, что в недрах наречного аффикса *-ла* (*-ле*) отпочковался падежный аффикс, пока рано.

При решении рассматриваемой проблемы существенную помощь может оказать критерий вопросительных местоимений.

Если вопрос задается к словоформе, то в вопросительном местоимении повторяется реляционный аффикс.

Юлташпа «с товарищем» — *кампа?* «с кем?»

Лайáхрах «лучше» — *мёнлерех?* «в какой степени?»

Виçсёмёш «третий» — *миçсёмёш?* «который?»

Вуланá «прочитана» — *мён тунá?* «что сделано?»

Сённи «то (из них), что является новым» — *мёнли?* «какой из них?»

Если же вопрос задается к производному слову, то в вопросительном местоимении деривационный аффикс не повторяется.

Вáрманлá «лесистый» — *мёнле?* «какой?» (не *мёнлэ?*)

Сáвáç(á) «стихотворец» — *кам?* «кто?» (не *мёнсэ?*)

Хурáнлáх «березняк» — *мён?* «что?» (не *мёнлэх?*)

Ачалла «по-детски» — *мёнле?* «как?»

В последнем случае в вопросе *мёнле?* «какой? как?» аффикс *-ле* не выражает значения алломорфа *-лла*, имеющегося в ауслауте слова *ачалла*. Если бы *-ла* был реляционным аффиксом, то вопрос следовало бы ставить *камла?* «наподобие кого?». Но поскольку в языке нет вопросительного местоимения *камла?*, то и *ачалла* является не словоформой, а производным словом, ауслаутный аффикс — деривационным. Составные части слова *мёнле* (*мён-* и *-ле*) утратили первоначальные значения («наподобие чего?»), и в современном языке на вопрос *мёнле?* отвечают основы прилагательных и наречий.

Пользуясь данным критерием, без сомнения можно сказать, что морфемы *-лá* (*-лэ*) и *-ла* (*-ле*) являются деривационными аффиксами.

2. Неоправданным является отнесение *-мёш*, *-шар* (*-шер*), *-áн* (*-ён*) к деривационным аффиксам имен числитель-

ных. Данные аффиксы употребляются со всеми числительными, от их присоединения к основе слова они не становятся другими. В последнее время в языкознании некоторые авторы предлагают относить их к функциональным аффиксам.

3. В ходе исторического развития в результате продуктивного употребления одного из значений деривационного аффикса, возникновения новой синтаксической функции слова и появления новых морфологических аффиксов может отпочковаться омонимичный реляционный аффикс. Таким сравнительно новым аффиксом в морфологии чувашского языка является аффикс лишительного падежа, возникший в недрах относительных прилагательных на *-сӑр (-сёр)*. Ср.: *тракторсӑр хуҫалӑх* «бестракторное хозяйство» — *тракторсемсёр сучаласа пӗтереймӗнӗр* «без тракторов не сможем закончить пахать». По мнению некоторых исследователей, в данном случае производные прилагательные на *-сӑр (-сёр)* полностью сохраняют падежную форму. На наш взгляд, для такой трактовки рассматриваемого процесса нет достаточных оснований. Если слово на *-сӑр (-сёр)* несет признаки прилагательного, то его невозможно рассматривать как падежную форму: *вӑхӑтсӑр килтӗн* «ты явился не вовремя», *вӑхӑтсӑр вилӗм* «безвременная кончина». Антонимом этих слов является *вӑхӑтлӑ ҫитрӗн* «ты явился вовремя», *вӑхӑтлӑ вилӗм* «своевременная кончина».

Таковыми же отпочковавшимися реляционными аффиксами являются: 1) аффикс одновременности обстоятельственной формы глагола: *вите* «покрывая» (<*вите* «общее название теплого помещения для скота»); 2) аффикс инфинитива *-ма (-ме)* (от отглагольного имени): *пусма* «наступать» (<*пусма* «лестница, крыльцо»), *каҫма* «переходить» (<*каҫма* «переправа») и др.

4. Современный инфинитив на *-ма (-ме)* не только не принимает ни реляционных, ни деривационных аффиксов, но не сочетается и с послелогам. Но было время, когда отглагольное имя на *-ма (-ме)* принимало деривационные аффиксы: адвербиальный дериватор *-ла (-ле)* (*тӗлӗнмелле сын* «удивительный человек»), адъективный дериватор *-лӑх (-лӗх)* (*ватӑл-малӑх кунсенче* «на старости лет»), сочетаясь с послелогом *-серен* (*каймассерен* «каждый раз, как отправлялся»; ср. *кунсерен* «ежедневно», *килсерен* «в каждом доме»)⁷.

Отпочкование инфинитивной формы от отглагольного имени способствовало трансформированию не только рядом стоящего деривационного аффикса, но и сочетающегося с ним послелога. Соседствующие компоненты стали выступать как неразделимые компоненты составного морфологического аффикса в виде *-массерен (-мессерен)*, *-малла (-мелле)*, *-малӑх (-мелӑх)*. В качестве реляционных аффиксов они употребляются со всеми глаголами. Аффикс *-массерен (-мессерен)* стал выступать как выразитель обстоятельственной временной формы глагола: *курмассерен* «каждый раз, как видел», аффиксы *-малла (-мелле)*, *-малӑх (-мелӑх)* — как выразители атрибутивной временной формы глагола: *шӑпах пулла тухса каймалла сехетре* «как раз в тот час, когда надо было отправиться на рыбалку», *пӗрре сӑмелӑх апат* «пища, достаточная на одну еду».

* * *

В чувашском языке в аффиксальных морфемах может происходить процесс, обратный тому, что мы изложили выше: реляционный аффикс исторически способен переходить в деривационный. Но и этот процесс не однотипен: или реляционный аффикс целиком переходит в деривационный (таких фактов в языке несколько), или два рядом стоящих реляционных аффикса, претерпевая семантические изменения сначала в одном, затем в другом форманте и соединяясь, изредка образуют составной деривационный аффикс.

1. Так, показатель древнего инструментального падежа после утраты орудного значения исторически перешел в адвербальный деривационный аффикс. Теперь он выражает значения: 1) подобно кому, чему (совершается действие): *сӗленӗн шӑхӑр* «шипеть змеей»; 2) по какому маршруту (движется предмет): *алӑкӑн-тӗпелӗн ут* «ходить из угла в угол, взад-вперед».

Утрате орудного значения, по-видимому, способствовало: а) появление нового синонимичного творительного падежа с инструментальным значением; б) наличие синонимичного родительного падежа (в системе падежных форм).

После исчезновения орудного значения существительное в этом падеже перестало употребляться в формах лица и числа и, как правило, используется без поясняющих слов.

Все это привело к переходу аффикса инструментального (орудийного) падежа в словообразовательный аффикс наречий. В современном языке возросла продуктивность деривационного аффикса *-ән (-ён)*⁸, он образует наречия не только от существительных, но и от прилагательных.

2. Аффикс *-мәш (-мёш)*, ранее функционировавший как показатель предшествования атрибутивной временной формы, в современном языке перешел в деривационный аффикс прилагательного. В составе деривата не может употребляться ни один морфологический показатель глагольного свойства. А употребление формы на *-мәш (-мёш)* с существительными в функции прямого дополнения следует рассматривать в качестве образованной от словосочетаний или фразеологических конструкций: *сехре хәпартмәш* «нагоняющий (наводящий) страх», *чун шлёртмёш* «соблазняющий душу». Анализ приведенных конструкций показывает, что основные компоненты образованы от переходных глаголов и употребление их невозможно без поясняющего компонента, который выражает объект действия.

Переход словоизменительного аффикса *-мәш (-мёш)* в словообразующий начался, по-видимому, с того, что он стал взаимодействовать с конкурирующим с ним аффиксом предшествования *-нә (-нё)*, в результате чего форма на *-мәш (-мёш)* все более стала утрачивать глагольные свойства и многие глаголы перестали употребляться с данным аффиксом. Что касается образований типа *култармәш* «шутник, забавник, балагур», то их можно рассматривать как существительные, образованные от прилагательных по конверсии (*йәләнтармәшрәх сын* «склонный к упрямству человек»).

3. В древнечувашском языке, как и во многих тюркских языках, бытовала глагольная форма, так называемое имя действия на *-у (-ү)*. Ср.: тат. *алу* «взятие», *алмау* «невзятие», башк. *тану* «узнание». Но в результате различных внутренних причин эти фразы стали изживать себя, в частности, этому способствовало появление в языке морфологического способа выражать значение имени действия при помощи временных показателей глагольных атрибутивных форм и выделительного аффикса *-и*: *вулани* «чтение (в прошлом)», *вуласси* «чтение (в будущем), то, что необходимо читать». Ко-

нечно, не было особой потребности иметь два типа имен действий. Следующим фактором, повлиявшим на этот процесс, можно считать постоянное употребление формы на -у (-ў) в определенной позиции без морфологических и лексических актуализаторов действия. Аффикс -у (-ў), превращаясь в словообразовательное средство, стал создавать новые существительные, не имея уже никакого отношения к имени действия как к грамматической категории: *кёрешў* «борьба», *ймарту* «соревнование» и др. Но в языке чувашей, живущих в Татарской и Башкирской республиках, думается, под влиянием татарского и башкирского языков частично сохранилось прежнее состояние: в указанном регионе глагольная форма на -у (-ў) еще не сошла со сцены.

4. Но не всегда сочетание двух реляционных аффиксов может переходить в дериватор.

Так, долгое время, еще со второй половины XVIII в., в грамматиках чувашского языка в число деривационных аффиксов включен сегмент *-ри* (*-ти*, *-чи*), являющийся сочетанием двух реляционных аффиксов: местного падежа и выделения. Авторы грамматик свое утверждение не доказывали и не доказывают ни в плане выражения, ни в плане содержания. Выпадение гласного *-а* (*-е*) из состава аффикса местного падежа при присоединении к нему аффикса выделения *-и* — явление чисто синхронно-морфонологическое. Чувашский язык не терпит стечения гласных. От выпадения гласного из состава аффикса ничуть не страдает значение местного падежа, оно сохраняется полностью. Ср.: 1) выпадение гласного *ă* (*ё*) из аффикса атрибутивной временной формы предшествования *-нă* (*-нё*) при присоединении к нему аффикса выделения *-и*: *вуланă* «прочитанный» + *-и* > *вулани* «тот из них, который прочитал» или «то из них, что прочитано»; 2) выпадение гласного *a* (*e*) из аффикса долженствования *-малла* (*-мелле*) в том же положении: *килмелле* (*сын*) + *-и* > *килмелли* (*сын*) «тот из них, который должен прийти». Из-за выпадения гласного по морфонологическим причинам оба суффикса времени не утрачивают своего облика и не перестают выражать значение времени.

Трактовка формы на *-ри* (*-ти*, *-чи*) как деривационного аффикса имени прилагательного привела переводчиков к се-

рзным ошибкам. Они стали переводить русские относительные прилагательные со значением местонахождения на чувашский язык при помощи данной формы: *городской стадион* «хулари стадион», *республиканские газеты* «республикăри хаçатсем». Переводчики забывают о возможности использовать в чувашском языке именную определительную (изафетную) конструкцию: *хула стадионĕ, республика хаçачĕсем*. Чувашки различают значения конструкций типа *хула сыннисем* и *хулари сынсем*. Первая конструкция обозначает постоянных жителей города. Иначе говоря, *хула сынни* — это городской человек, где бы он ни находился, а *хулари сын* — это человек, находящийся в городе в данный момент. Если человек этот поедет в деревню, о нем чувашки скажут *ялти сын*. Что касается *хула сынни*, то, куда бы он ни поехал, о нем будут говорить *хула сынни*. Конечно, нельзя смешивать временный признак с постоянным. Соединение аффикса местного падежа с аффиксом выделения в чувашском языке не может передавать значение аффикса относительного прилагательного русского языка. Разумеется, сегмент *-ри* (*-ти, -чи*) нельзя рассматривать не только как деривационный аффикс имени прилагательного, но и вообще как единый аффикс.

§ 8. Словообразовательное значение

Любое слово имеет лексическое и грамматическое значения. Лексическое значение связано с индивидуальным словом, а грамматическое является обобщенным, категориальным, способствующим лексическому. В производных же словах, помимо указанных, имеется словообразовательное (деривационное) значение, выражаемое формантом. Оно обычно показывает семантическое соотношение между производным словом и производящим.

Если лексическое значение слова отражает действительность, то словообразовательное — способ отражения действительности. Лексическое значение производного слова является результатом индивидуализации его словообразовательного значения. Но лексическое значение может оторваться от словообразовательного значения.

Словообразовательные значения бывают разных типов.

1. Синтаксическая деривация — это такое словообразовательное значение, при котором производное слово отличается не лексическим значением, а частеречным статусом и синтаксическими свойствами: *кёреш* «бороться» — *кёрешү* «борьба» (название действия по значению глагола *кёреш*), *таса* «чистый» — *тасалăх* «чистота» (название свойства по значению прилагательного *таса*).

2. Мутационное словообразование — это резкое изменение значения: *сăвă* «стихотворение» — *сăвăçă* «стихотворец, поэт», *кăмрăк* «уголь» — *кăмрăклан* «обугливаться».

3. Модификационное словообразование — это частичное видоизменение исходного значения. Здесь производное слово не меняет частеречного статуса: *пёчĕк* «маленький» — *пёчĕкĕ* «малюсенький», *сўсĕ* «волосатый» — *сўсĕлемес* «длинноволосый».

§ 9. Словообразовательный тип

Это схема (модель) производства новых слов, где учитываются часть речи производящей основы, словообразовательный формант, словообразовательное значение и часть речи производного слова. Например, *вёсĕвсĕ* «летчик», *вĕрентўсĕ* «учитель», *вулавсă* «чтец», *сăнавсă* «наблюдатель» — все эти существительные с аффиксом *-сă (-сĕ)* образованы от существительных же и обозначают лиц по их деятельности. Они принадлежат к одному словообразовательному типу.

При характеристике производных слов используются словообразовательные фразы (формулы деривационного толкования). Они состоят из обобщенного значения толкуемого слова (родового понятия) и отличительного признака (видового определения). Например: *хурăнлăх* — «лес, состоящий из одних берез»; *сĕнет* — «делать новым»; *чупкăн* — «склонный попусту бегать»; *пулăсă* — «человек, занимающийся ловлей рыбы».

§ 10. Образование аффиксальных существительных

Аффиксы, образующие существительные, превосходят по численности все другие.

Значительная часть аффиксальных существительных мотивируется глаголами и существительными. Прилагательные и подражательные слова в мотивации существительных участвуют в меньшей степени. Всего два производных существительных (*нёрлѣх* «единство», *нёрчѣ* «отдельная частичка»), в которых в качестве мотивирующей основы выступает имя числительное (*нѣр* «один»).

Достойна выделения особая группа аффиксов, вносящих в имена существительные эмоциональную оценку.

Существительные, мотивированные глаголами

1. Модель V-ав (-ев) = N; см. модель V + -у -, -в, -ав (-ев) = N: *хурав* «ответ», *вулав* «чтение».

2. Модель V + -а́м (-ѣм), -ам (-ем), -м = N образует существительные от различных групп глагольных основ. Производные существительные выступают 1) как название процесса: *вилѣм* «смерть», *ишѣм* «плавание», *куса́м* «движение», *пу́сам* «давление», *пу́старам* «уборка», *сисѣм* «чутьё», *у́сѣм* «рост», *ча́ттам* «терпение», *турта́м* «стремление, притяжение», *юха́м* «течение, движение»; 2) со значением объекта действия: *йа́ттам* «ноша», *пара́м* «долг; то, что следует вернуть», *че́ркем* «обмотка»; 3) со значением носителя процесса: *сыва́м* «роса», *си́сѣм* «молния», *сула́м* «пламя», *тумлам* «капля»; 4) со значением орудия действия: *кара́м* «силок», *не́ркем* «покрывало»; 5) со значением результата действия: *ну́лѣм* «комната», *па́тратам* «болтушка», *ну́кѣм* «шов, рубец», *хутлам* «складка, морщина»; 7) со значением места действия: *тайла́м* «склон, низменность»; 8) со значением меры и порции предметов: *авя́сам* «один прием веяния», *аи́шам* «количество яровых снопов, разложенных за один прием обмолота (лошадьми)», *ка́ларам* «издание», *пуса́рам* «выводок», *пи́сѣм* «время, необходимое для варки (чего-л.)», *сапа́м* «ширина одного прогона (при ручном севе)», *сав́ам* «удой», *савра́м* «круг», *се́клем* «охапка», *сухра́м* «верста» (расстояние, на котором можно услышать человеческий крик) < *суха́р* «кричать», *са́ттам* «глоток», *те́ркем* «тюк,

кипа», *тирём* «низка, то, что нанизано», *тултарём* «количество (чего-л.), достаточное для заполнения определенного объема», *тухём* «выход», *услам* «количество масла, спактанного за один раз», *утём* «шаг», *уьём* «возраст», *чётём* «щепотка», *шйратём* «плавка», *ытам* «охапка, обхват».

Продуктивность аффиксов *-ём (-ём)*, *-ам (-ем)*, *-м* увеличивается. К неологизмам последних лет относятся *ахрым* «эхо», *пулым* «явление», *тйрым* «состояние», *витём* «влияние».

3. Модель $V + -\text{ёс} (-\text{ёс}) = N$. Существительные на *-ёс (-ёс)* употребляются в основном как названия процесса и изредка — как названия места действия. Ряд значений слов (например, значения орудия, субъекта, объекта действия, наличные во многих тюркских языках у существительных на *-(а)ч*, *-(ы)нч*) в современном чувашском отсутствуют.

В качестве производящих основ для названий процессов чаще всего выступают глаголы чувства, мысли и психического состояния, почти все они оканчиваются на *-н*. Примеры: *вйтанёс* «стеснение», *ййпанёс* «развлечение, забава», *канёс* «покой», *киленёс* «наслаждение», *кулянёс* «печаль, скорбь», *кўренёс* «обида», *курнёс* «кривлянье», *йёрёнёс* «брезгливость», *лйпланёс* «успокоение», *манёс* «забвение», *пур(й)нёс* «жизнь», *савйнёс* «радость, веселье, торжество», *сйлйнёс* «спасение», *тёлёнёс* «удивление», *йкёнёс* «раскаяние, сожаление, досада», *хёрхенёс* «жалость, сочувствие», *хурланёс* «печаль, грусть, горе», *шанёс* «надежда» и др. К числу неологизмов, отсутствующих в словарях, мы относим слова: *иккёленёс* (Г. Ефимов) «сомнение», *именёс* (А. Янташ) «стеснение», *шикленёс* (А. Алка) «боязнь».

Со значением места действия употребляются отглагольные имена *анёс* «закат; место, где садится (солнце)», *тухёс* «восход; место, где восходит (солнце)». Последнее слово выступает также в значении «прибыль, доход».

4. Модель $V + -\text{йш} (-\text{ёш}) = N$ образует слова, обозначающие: 1) название процесса по глаголу: *йнкартйш* «соображение, понимание», *кулйш* «смех», *кулянйш* «огорчение», *савйш* «любование, милование», *хйтланйш* «повадки», ср. модель $V + -\text{рйш} (-\text{рёш}) = N$; 2) результат действия: *ирёш* «отруби» (от *ир* «разминать, размешивать, месить, раздавливать»), *пёлтерёш* «значение, смысл», *тупйш* «выгода, прибыль, доход»; 3) объект

действия: *сывләш* «воздух» (от *сывла* «дышать»), *пәләш* «знакомый человек»; 4) производителя действия: *путәш* «грузило»; 5) место действия, выраженного производящим глаголом: *ларәш* «закат (солнца)».

5. Модель V + *-ка* (*-ке*, *-кка*, *-кке*) = N образует существительные, называющие: 1) предмет для выполнения действия: *каска* «колода, плаха», *супка* «брусочек для точки кос, смолянка»; 2) предмет, созданный действием: *сантаркка* «набойка, набивной холст», *тёрке* «тюк, узел, сверток» (от *тёр* «собирать в кучу»), *шыска* (Илпек М.) «толстяк»; 3) человека или живое существо с характерным для него действием: *чәймка* «нырок (утка)», *чавка* «галка» (от *чав* «рыть, копать, ковырять»), *ерёшке* «любовник, любовница» (от *ерёш* «приставать, вступить в связь»).

6. Модель V + *-кә* (*-кё*, *-ккә*, *-ккё*) = N образует существительные со значениями: 1) действия или процесса: *ёскё* «пиршество, питье», *санкә* «побои», *супкә* «пощечина, оплеуха», *тапкә* «пинок», *пёсерккё* или *пёсеркке* «взбучка, порка»; 2) результата действия: *шыскә* «опухоль», *шанкә* «хворост»; 3) места действия: *суләнкә* «ухаб»; 4) орудия действия: *әскә* «сачок», *чышкә* «кулак», *ускә* «ключ», *каска* «резец», *тыткә* «скоба (у двери)», *шәлкә* «метла». Ввиду того, что некоторые производящие основы стали архаичными, производные основы стали восприниматься как неделимые: *пәчкә* «пила» (от *пәч* «резать»), *ыйкә* «сон» (от *ыйкә* «жмурить глаза»).

7. Модель V + *-рәш* (*-рёш*) = N образует существительные, обозначающие манеру действия кого-либо с оттенком легкого осуждения, пренебрежения. При производящей базе, как правило, употребляется аффикс многократного вида *-кала* (*-келе*). Многие производные слова получили распространение в последнее десятилетие, их можно считать неологизмами. Примеры: *калашкарәш* «манера разговаривать», *курнашланкарәш* «кривлянье, притворные ужимки», *пәшкарәш* «манера поглядывать, поглядывать», *саврәшкарәш* «поворотливость, умение бойко держать себя», *турткаларәш* «манера упрямится», *уткаларәш* «походка, манера ходить», *хәтланкарәш* «поведение, манера держать себя». Слова *карәш* и *терәш* стали употребляться как литературоведческие термины в значении «пословица» и «поговорка».

8. Модель $V + -\text{к}\dot{\text{а}}\text{ч} (-\text{к}\ddot{\text{е}}\text{ч}), -\text{к}\dot{\text{а}}\text{с} (-\text{к}\ddot{\text{е}}\text{с}), -\text{ч}\dot{\text{а}}\text{к} (-\text{ч}\ddot{\text{е}}\text{к}) = N$ образует существительные главным образом со значением орудия действия, указанного производящей основой. Деривационный аффикс прибавляется в большинстве случаев к переходным глаголам: *авк\dot{а}ч* «станок для гнутья, выгибания чего-л.», *\dot{а}ск\dot{а}ч* «черпалка, совок», *карк\dot{а}ч* «распялка», *к\dot{а}карк\dot{а}с* «привязь», *уск\dot{а}ч* «деревянный ключ», *х\ddot{е}ск\ddot{е}ч* «тиски, клещи», *с\dot{и}терк\ddot{е}ч* «кормушка для пчел», *\dot{е}мк\ddot{е}ч* «соска». Но имеются случаи, когда аффикс присоединяется и к непереходным глаголам: *кас\dot{к}\dot{а}с* «переправа», *с\dot{у}нк\dot{а}с* «фитиль; тесьма для горелки» и др.; $-\text{к}\dot{\text{а}}\text{с} (-\text{к}\ddot{\text{е}}\text{с})$ и $-\text{к}\dot{\text{а}}\text{ч} (-\text{к}\ddot{\text{е}}\text{ч})$ по отношению друг к другу являются не алломорфами, а вариантами: их употребление не обусловлено морфонологически. В ауслауте аффикса аффриката $|\text{ч}|$ чередуется с фрикативной фонемой $|\text{с}|$ независимо от качества конечной фонемы производящей основы. Имеются производные основы, которые могут употребляться без ущерба для значения или с фонемой $|\text{ч}|$, или с фонемой $|\text{с}|$: *татк\dot{а}с(\text{ч})* «предмет, орудие, которым что-либо рвут», *тытк\dot{а}с(\text{ч})* «скоба, ручка», *ч\dot{а}мк\dot{а}с(\text{ч})* «нырок», *с\ddot{е}рк\ddot{е}ч(\text{с})* «смычок, помазок, кисть (для смазывания)», *т\dot{а}рк\dot{а}ч(\text{с})* «коньки» и др. От указанных вариантов путем метатезы может образоваться третий вариант аффикса — $-\text{ч}\dot{\text{а}}\text{к} (-\text{ч}\ddot{\text{е}}\text{к})$. В художественных произведениях изредка встречается употребление и *ларк\dot{а}ч*, и *ларч\dot{а}к* «козлы, облучок», и *хырк\dot{а}ч*, и *хырч\dot{а}к* «скребница, железная щетка (для чистки лошадей), скребок», и *вит\ddot{е}нк\ddot{е}с*, и *вит\ddot{е}нч\ddot{е}к* «покрывало, одеяло».

Некоторые существительные, образованные по этой модели, могут иметь значение субъекта действия, указанного мотивирующим глаголом: *тупк\dot{а}ч* «сваха» (от *туп* «находить»), *ертк\ddot{е}ч* «наводчик (вор)».

Данная модель продуктивна. Вот некоторые неологизмы, замеченные нами в последнее время: *в\ddot{а}ратк\dot{а}с* «будильник» (В. Сатай), *ур\dot{а}лт\dot{а}рк\dot{а}ч(\text{с})* «вытрезвитель», *с\dot{у}тк\dot{а}с* «включатель», *с\dot{у}нт\dot{е}рк\ddot{е}с* «выключатель», *с\dot{а}в\dot{а}нк\dot{а}с* «умывальник».

Следует отметить, что существительные, созданные по данной модели, не следует смешивать с существительными типа *мухтанч\dot{а}к* «хвостун», образованными по конверсии от прила-

гательных (*мухтанчӑк* «хвастливый» < *мухтан* — непереходный глагол + *-чӑк*).

9. Модель $V + -у (-ӳ) \parallel -в (-ав, -ев) = N$ — одна из продуктивных в образовании имен существительных.

Употребление алломорфов аффикса долгое время было позиционно обусловлено: *-у (-ӳ)* прибавлялось к основам на согласный звук, *-в* — к основам, оканчивающимся на гласный звук. Если следовать этому правилу, то не должно было быть никаких осложнений. Но в настоящее время часто смешивается употребление алломорфов. Так, алломорф *-у (-ӳ)* присоединяют к словам не только на согласный, но и на гласный: *сӗнтерӳ* «победа», *хӗпӗртӳ* «радость, веселье» (от *хӗпӗрте* «радоваться, веселиться»). Поскольку алломорф *-в* употребляют и после основ на согласный, то этот алломорф принимает также видоизмененный облик *-ав (-ев)*: *вулав* «чтение» (от *вула* «читать»), *сырав* «письмо, писание». Такой разнобой в употреблении алломорфов возник в годы бурного развития чувашской терминологии. Термины создавались в срочном порядке, а следить за правилами создания терминов не хватило квалифицированных специалистов-языковедов.

В этом не последнюю роль сыграло, очевидно, и диалектное употребление глагольных форм — имен действия на *-у (-ӳ)*. В диалекте анатри глагольная форма на *-у (-ӳ)* не имеет других алломорфов. Частое употребление алломорфа *-у (-ӳ)* при образовании существительных в литературном языке, по-видимому, в значительной степени объясняется влиянием диалектной формы имени действия. Теперь стоит задача — постепенно исправлять допущенные погрешности. Алломорфы аффикса *-у (-ӳ, -в)* необходимо употреблять в соответствии с ранее установленной нормой.

Данная модель образует слова, означающие: 1) название процесса и психического состояния: *ӓмӓрту* «соревнование», *аталану* «развитие», *асӓрхану* «внимание, осторожность», *ӓнлану* «понимание», *кӗвӗсӳ* «ревность», *пусару* «почин», *канашлу* «совещание», *авлану* «женитьба», *кану* «отдых», *хавхалану* «вдохновение», *хӗпӗртӳ* «радость, веселье» (от *хӗпӗрте* «радоваться»), *тӗрӗслев* «проверка», *ӓйӓплав* «обвинение», *вӗсев* «полет»; 2) результат действия: *килӗшӳ* «со-

глашение», *пёлу* «знание», *сёнтеру* «победа», *хунав* «росток, побег», *мухтав* «хвала»; 3) объект действия: *сыру* «письмо», *сёну* «предложение», *хәпарту* «пшеничный хлеб», *хуплу* «мясной пирог» (от *хупла* «покрывать»), *тўлев* «платеж», *тёллев* «цель»; 4) предмет, производящий действие: *пёлтерү* «объявление, сообщение», *ёнентерү* «удостоверение», *йыхрав* «приглашение, пригласительный билет», *пәхав* «железные пути» (букв. «смотритель»), *йёпху* «ситник, мелкий дождь»; 5) место действия: *канашлу* «совещание», *лару* «заседание», *пуху* «собрание», *ейу* «разлив (реки)», *пусу* «поле (хлебное)», *тап-тав* «потравленное место», *тәнлав* «висок (место, где происходит процесс понимания)»; 6) средство, орудие действия: *сулу* «огниво», *хирлу* «тетива», *таяв* «подпорка», *тёрев* «предмет для опоры»; 7) время действия: *тәхтав* «время отдыха», *уяв* «праздник».

В речи данная модель весьма активно употребляется для образования названий процессов. Вот слова, образованные писателями и поэтами: *йёкёлтев* (Ғ. Элкер) «подтрунивание», *шәхәрав* (П. Хусанкай) «свист» и др.

10. Модель V + -a (-e) = N образует существительные, обозначающие: 1) носителя процесса, указанного мотивирующим глаголом: *кула* «смешливый человек», *мәкәрта* «ворчун», *макәра* «плакса», *пәсара* «хорек» (от *пәсар* «пускать газы, ветры»), *пәха*⁹ «смотритель, наблюдатель»; 2) орудие действия, названного мотивирующим словом: *пәра* «бурав», *вәлта* «удочка» (от *вәлт* «обмануть»), *виҫе* «весы, мерка», *сүре* «борона», *турта* «оглобля»; 3) результат действия, указанного мотивирующим глаголом: *вите* «конюшня», *карта* «изгородь» (от *карт* «городить, загораживать, занавешивать»), *сарата* «поляна» (от *сарат* «очистить», «оголять»), *сыра* «черта, линия» (от *сыр* «писать»), *тётре* «туман, дымка» (от *тётёр* «дымить»); 4) имя действия, названного мотивирующим глаголом: *ака* 1) «посев», *кёрхи ака планё* «план осеннего посева», 2) «старинный двухколесный плуг», *тилмёре* уст. «клянчанье». Некоторые существительные на -a (-e) образованы способом конверсии от причастий, перешедших в прилагательные: *шәра* «засцыха», *йёре* «плакса», *йыниша* «капризуля» и др. (см. образование прилагательных). Слова, утратившие мотивированность

словообразования: *ыра* «паз» (от *ыр* «долбить, делая паз», *нуса* «пустоцвет; цветок, не дающий плода» (от *нус* «топтать, крыть»).

11. Модель $V + \text{-ан} (-\text{ен}) = N$ образует названия предметов и живых существ: 1) производящих действие: *автан* «петух» (от *авйт* «петь» — о птицах), *сёмрен* «стрела» (от *сёмёр* «ломать, разрушать»), *суран* «рана» (от *сур* «болеть, ныть»), *тусан* «пыль» (от *тус* «распыляться, подниматься — о пыли»), *чикен* «колики, резь» (от *чик* «колоть») 2) образованных в результате действия: *сыран* «берег, обрыв» (от *сыр* «размывать» — о воде), *уйран* «айран» (от *уйяр* «отделять»). Продуктивность аффикса почти утрачена.

12. Модель $V + \text{-ă} (-\text{ě}) = N$ являлась весьма продуктивной. С ее помощью образованы следующие семантические группы существительных: 1) называющие действие: *кулă* «смех», *сутă* «продажа», «торговля», *вăрсă* «война», *чунă* «бег», *юртă* «рысь (бег лошади)», *юхă* «течение»; 2) результат действия: *сынă* «стык; кусок (бревна)», *чикĕ* «граница» (от *чик* «втыкать»), *кумă* «основа» (от *кум* «сновать»), *пĕкĕ* «дуга» (от *пĕк* «гнуть»); 3) средство действия: *витĕ* «крышка, покрывало», *касă* «предмет для перехода, перекладина (через речку, брод)», *сакă* «вешалка», *тĕкĕ* «подпорка», *усă* «ключ»; 4) место действия: *пухă* «сходка, ярмарка», *шысă* «опухоль»; 5) предмет действия: *тапă* «капкан, ловушка». Но в современном языке продуктивность модели значительно утрачена. Мотивированность некоторых слов устанавливается лишь в результате этимологического анализа, например: *вăйă* «игра» (от *oi* «играть»). А некоторые слова сохранились лишь в устойчивых словосочетаниях: *шăлă* «полотенце» (*ал шăлли* «ручное полотенце», *пит шăлли* «полотенце для лица»), *юр тытти* «снегозадержание», *чун кўтти* «ожесточение души», *хёр йĕрри* «причитание невесты».

13. Модель $V + \text{-ăк} (-\text{ĕк}, -\text{ак}, -\text{ек}) = N$ образует существительные, называющие: 1) носителя действия (лицо и не лицо): *кĕтĕк* «тот, кто засиделся в ожидании», *шăнкарăк* «сопляк» (перен., неол.), *карăк* «дергач (птица)»; 2) объект или предмет действия: *саплăк* «заплата»; 3) орудие или средство действия: *сулăк* «метла», *катак* «мотыга» (ср. *катмак*), *чарак* «подпорка» (от *чар* «растопыривать»), *тĕрек* «подпорка» (от *тĕре* «упирать

во что-л.»); 4) место действия: *сулнăк* «ухаб», *шарлак* «водопад», *кёрлек* «водопад»; 5) процесс: *чарак* «выдержанность», *кўлешёк* (неол.?) «ревность», *тăкак* «расход», «трата» (от *тăк* «расходовать»); 6) результат: *кавлек* «жвачка», *касăк* «отрезок», *сынăк* «кусок, стык», *сыртăк* «огрызок, объедок», *татăк* «обрезок, обрывок», *тăкак* «расход, убыток», *тумлак* «капля», *хăсăк* «рвота», *хушăк* «щель» (от *хуш* «присоединять»), *чăмăртăк* «катыш», *чăмлак* «жевок», *шăйрăк* «огрех, царапина», *путăк* «впадина», *сурăк* «щель, брешь». Хотя продуктивность модели утрачена, но употребительность слов значительна.

14. Модель V + *-ма (-ме)* = N непродуктивна. Сохранились старейшие лексические значения. Производные слова употребляются в значениях: 1) орудия (средства) действия: *ăсма* «черпак», *касма* «переправа», *пусма* «лестница, стремя, крыльцо», *сарма* «скатерть», *саклатма* «крючок, застежка», *тытма* «рукоятка», *туртма* «пенал»; 2) объекта действия: *ёсме* «напиток, питье», *сime* «корм, еда», *сёртме* «пар, пахота»; 3) результата действия: *пёрме* «складки, сборка», *пёлме* «перегородка, отделение; закром», *тёкме* «забор, частокол, изгородь», *сырма* «овраг»; 4) носителя (субъекта) действия: *ахърма* «хохотунья», *епреме* «зубоскал; смеющийся неуместно», *чанкама* «болтунья»; 5) имени действия: *чўклем* «обряд жертвоприношения», *вырма* «жнитво», *чётреме* «хорея (болезнь)»; 6) места действия: *выртма* «ночное», *ларма* «посиделки», *ситерме* «дневная пастьба скота».

В современном языке ввиду утраты значения производящих основ некоторые слова перестали делиться на значимые части; ср.: *хăйма* «сметана» (<*кай* «плавать»), *сўрме* «кушанье из потрохов».

15. Модель V + *-мак (-мек), -мах* = N представляет, по видимому, более древнюю стадию, чем модель V + *-ма (-ме)* = N. Производных существительных от мотивирующих основ глаголов в современном языке сохранилось немного: 1) в значении орудия действия: *катмак* «род мотыги», *тёкмек* «забор, частокол, изгородь», *уртмах* I «притужина», *уртмах* II «переметная кожаная сумка», *чикмек* «лестница»; 2) в значении носителя действия: *касмак* «шатун, непоседа»; 3) в значении результата действия: *пўлмек* «перегородка», *пёрмек* «складка, сборка». Производящие основы некоторых слов в чувашском языке теперь не употребляют-

ся самостоятельно: *йӓлмак* «петля» (< тур. *il* «слабо завязывать, привязывать»), *тукмак* «колотушка» (тур. < *toki* «колотить»), *сукмак* «тропа, тропинка».

16. Модель V + *-чӓк (-чӕк)* = N образует существительные, означающие главным образом: 1) результат действия: *алланчӓк* «вывеска», *купаланчӓк* «куча, груда», *капланчӓк* «скопление, нагромождение», *сурчӓк* «плевок», *тӕпренчӕк* «крошка», *ӕкерчӕк* «рисунок»; 2) орудие действия: *йӕрӕнчӕк* «шест, на котором подвешивается зыбка для раскачивания ребенка», *пӕркенчӕк* «покрывало»; 3) название действия: *шанчӓк* «надежда», *хӕтланчӓк* «манера поведения». Очевидно, аффикс *-чӓк (-чӕк)* не является метатезой аффикса *-кӕч (-кӕч)* // *-кӕс (-кӕс)*.

17. Модель V + *-алӓк (-елӕк)* = N: *вителӕк* «крыша, покрывало, одеяло», *касалӓк* «полоса (для жатвы поперек или вдоль загона)», *сителӕк* «достаток, обеспеченность». Аффикс *-алӓк (-елӕк)* образован путем соединения (спайки) двух идентичных словообразовательных морфем: *-а (-е)* и *-лӓк (-лӕк)*.

18. Модель V + *-анкӓ (-енкӕ)*, *-анка, (-енке)* = N образует существительные, выражающие орудие действия, обозначенного производящей основой: *карланкӓ* «горло, гортань» (от *карӓл* «раскрываться» — о рте, пасти), *кӕрленкӕ*, *шарланкӓ* «водопад» (от *кӕрле* и *шарла* «шуметь»), *усланкӓ* «поляна (посреди леса)» (от *уӕл* «открываться»); *хупанкӓ* или *хупанка* «веко, скорлупа» (от *хуп* «закрывать»). Следует отметить, что при помощи *-анкӓ (-енкӕ)* образуются и прилагательные. Но аффикс, образующий существительные, возник, очевидно, позже, чем аффикс образования прилагательных, в результате контаминации словообразования по конверсии.

19. Модель V + *-кӓм (-кӕм)*, *-кам, (-кем)* = N непродуктивна. Она образует существительные, выражающие: 1) имя действия: *ишкӕм* «гребля», *вӕркӕм* «дуновение»; 2) меру и порцию предмета: *сыпкӓм* «глоток»; 3) предмет действия: *саркӓм* «подстилка», *чӕлкӕм* «волокон» (от гл. *чӕл* «отщеплять»); 4) результат действия: *суркам* «плаха (расколотый пополам кусок бревна)».

20. Модель V + *-кӓн (-кӕн)* = N непродуктивна. При ее помощи образованы существительные, обозначающие:

1) субъект действия: *таркӑн* «беглец», *еркӑн* «любовник», *килкӑн* «пришелец; мужчина, вошедший в дом в качестве мужа»; 2) название процесса: *тыткӑн* «плен».

21. Модель V + *-кӑш* (*-кӑш*) = N: *сӑлкӑш* «грубое, короткое волокно, остающееся после обработки льна и волокна» (от *сӑл* «дёргать, выдергивать, щипать»), *путкӑш* «болото, трясина, топь» (от *пут* «вязнуть»), *турткӑш* «павлин» (от *турт* «тянуть, дёргать»).

22. Модель V + *-мач* (*-меч*) = N образует слова, обозначающие предмет для действия, выраженного производящей основой: *пухмач* «копилка», *хушмач* «клин, вставка (у одежды)».

23. Модель V + *-мӑк* (*-мӑк*) = N: *касмӑк* «петля, аркан; кадка» (*пыл касмӑкӑ* «кадка для меда»), *сӑмӑк* «Семика, Троица (название праздника)», *касмӑк* (пренебр.) «скупец, скупой», *ясмӑк* «чечевица» (< *яс* «делать плоским, выравнивать») (Советская тюркология. 1977. № 1. С. 69).

24. Модель V + *-мӑр* (*-мӑр*) = N: *пусмӑр* «гнет», *сумӑр* «дождь».

25. Модель V + *-мӑс* (*-мӑс*), *-мӑч* (*-мӑч*) = N: *кӑлмӑс* «нищий, попрошайка» (вероятно, от *кӑл(е)* «просить, кланяться»), *пӑсмӑс* «колдун» (от *пӑс* «портить»), *сӑмӑс* «еда», *касмӑч* «мотыга».

26. Модель V + *-мӑш* (*-мӑш*) = N: *тӑрмӑш* уст. «состояние, имущество, богатство», *тултармӑш* уст. «домашняя колбаса», *тухатмӑш* уст. «колдун(ья)», *пусламӑш* «начало», *пӑтмӑш* «конец, окончание».

Многие существительные на *-мӑш* (*-мӑш*) образованы по конверсии от имен прилагательных: *юнтармӑш* «капризник, капризуля» (от *юнтармӑш* «капризный»; *юнтармӑш хӑр* «капризная девушка»).

27. Модель V + *-не* = N: *парне* «подарок, дар», *пӑрне* «плетенка, корзина» (от *пӑр* «делать складки, сборки»), *чӑрне* «ноготь» (от *чӑр* «царапать»).

28. Модель V + *-сӑм* (*-сӑм*) = N: *тупсӑм* «разгадка, суть», (от *туп* «находить»).

29. Модель V + *-тӑк* (*-тӑк*) = N: *карӑнтӑк* «пленка, перепонка» (от *карӑн* «натягиваться»), *сунтӑк* «гвоздь, кисть» (от *сун* «ударить»).

30. Модель V + -чй (-чѣ) = N: *сикчѣ* «пропуск (ниток); прогал, плешина», *шйхйрчй* «дудка (свисток)». Слово *икерчѣ* «блин» образовано, по-видимому, от *икѣр* «отливать».

31. Модель V + -ака (-еке) = N: *сѣреке* «бредень», *кѣреке* «почетное место за столом», *сапака* «кисть, гроздь» (< *сап* «разбрасывать»).

Существительные, мотивированные прилагательными

1. Модель A + -лйх (-лѣх) = N образует отвлеченные существительные со значением «качество, состояние» от качественных прилагательных. Весьма продуктивная модель. Примеры: *самрйклйх* «молодость», *вйрттйнлйх* «тайна, секрет, секретность», *тасалйх* «чистота, опрятность» и др. Аффикс -лйх (-лѣх) проявляет большую свободу сочетаемости с различными основами: 1) корневыми и 2) аффиксальными: а) -сйр (-сѣр): *тимсѣрлйх* «инертность, безучастность» (от *тимсѣр* «невнимательный, рассеянный»), *чѣмсѣрлйх* «молчаливость, безмолвие» (от *чѣмсѣр* «молчаливый, безмолвный»); б) -лй (-лѣ): *чаплйлйх* «торжественность» (от *чаплй* «торжественный»), *тимлѣлйх* или *тимлѣх* «старательность» (от *тимлѣ* «старательный»). В последнем примере произошло морфонологическое наложение морфем: *тимлѣ-лѣх* > *тимлѣх*.

2. Модель A + -йш (-ѣш) = N. Существительные на -йш (-ѣш) являются именами отвлеченных признаков (объем, качество). Довольно продуктивный вид словообразования. Производные существительные мотивируются главным образом прилагательными положительного качества и лишь изредка — прилагательными отрицательного качества. Ср.: 1) *анлйш* «ширина» (от *анлй* «широкий»); неупотребительно слово *ансйрйш* «узость» (от *ансйр* «узкий»), *вйрймйш* «длина» (от *вйрйм* «длинный», нет производного слова от *кѣске* «короткий»); 2) *нумаййш* или *чылаййш* «большинство» (от *нумай* и *чылай* «много»), *сахалйш* «меньшинство» (от *сахал* «мало»), *хулйнйш* «толщина» (от *хулйн* «толстый»), *синсѣш* «тонкость» (от *синсѣ* «тонкий»).

В качестве мотивирующей основы иногда могут выступать формы сравнительной степени прилагательных: *сахалрахйш* «меньшая часть (из общего числа)», *ытлахрахйш* «большая часть (из общего числа)».

Трудно согласиться с утверждениями Н.И. Ашмарина и Т.М. Матвеева о том, что деривационный *-йш* (*-ёш*) является аффиксом «одного происхождения с притяжательными суффиксами 3 лица *-йшё*, *-йш*, *-ш*, *-шё*» [5, с. 109; 17, с. 22]. Существительные со значением отвлеченного признака употребляются лишь в сочетании с другими существительными. Поэтому, чтобы показать связь двух существительных, как правило, применяют суффикс 3 лица *-ё*: *тинёс таря́нйшё* «глубина моря». Формы типа *таря́нйшё* отличаются существенным образом от форм типа *ниччёйшё* «его старший брат» (от *ничче* «старший брат»), *иккёмёйшё* «второй». В последних словах *|ш|* является вставочной фонемой между гласными фонемами (т.е. интерфонемой), а в форме *таря́нйшё* фонема *|ш|* входит в состав аффикса *-йш* (*-ёш*) [17, с. 9].

3. Модель $A + \text{-ашка} (\text{-ешке}) = N$ образует существительные, означающие небольшие предметы.

В большинстве случаев аффикс *-ашка* (*-ешке*) образует прилагательные от прилагательных же: *семҗешке* «мягкий»; «слабохарактерный; вялый, хилый». Подобные производные прилагательные на *-ашка* (*-ешке*) могут транспонироваться в существительные по конверсии. Например: *кукрашка* I прил. «изогнутый», *кукрашка турат* «изогнутая, кривая ветка»; II сущ. «серединный брусек телеги, соединяющий две ее подушки». В таких случаях при словообразовании возможна контаминация: полагая, что существительные типа *кукрашка* образованы аффиксальным способом, при помощи аффикса *-ашка* (*-ешке*) стали производить существительные, минуя способ конверсии: *картлашка* «ступенька» (от *картлă* «ступенчатый»), *нўрлешке* «прыщик, угорь» (от *нўрлĕ* «гнойный»), *юплешке* «вилы» (от *юплĕ* «разветвленный»). Эти слова невозможно считать производными по конверсии, ибо в языке нет подобных производящих прилагательных.

4. По модели $A + \text{-ай} (\text{-ей}) = N$ образованы существительные *айтай* «сноровка, умение» (от *айта* «умелый, умелец, мастер»), *сăпай* «скромность, сдержанность, воспитанность» (от *сăпă* «скромный, желанный»), *айслай* «способ, прием» (от *айслă* «умный»). Тип непродуктивный.

5. По модели $A + \text{-ккай} (\text{-ккей}) = N$ образуются имена лиц или растений: *сурмаккай* «полоумный, придурковатый» (от *сурма* «половина»), *а́слаккай* (В. Ухли) «умник» (от *а́сла* «умный»), *ша́рилаккай* бот. «вонючка, болиголов» (от *ша́рила* «вонючий»), *сара́ккай* «хвостун», «хвальбишка, безобразник» (от *сара* «голый»), *та́мса́ккай* «оболтус» (от *та́мсай* «глупый»). Основная масса подобных существительных образуется по нетранспонировующей модели $N + \text{-ккай} (\text{-ккей}) = N$.

6. По модели $A + \text{-ук} = N$ образовано единственное существительное с деминутивным значением *чиперук* «раскрасавица» (от *чипер* «красивый»). Этот аффикс употребляется главным образом с собственными именами и делает их ласкательными. Ср.: *Кирук, Лявук, Марук, Верук, Елюк, Петюк* и др.

Существительные, мотивированные существительными

1. Модель $N_1 + \text{-ла́х} (\text{-ле́х}) = N_2$ является одной из самых продуктивных. Существительные, образованные по данной модели, выражают главным образом следующие значения: 1) место, изобилующее тем, что названо производящей основой: *хура́нла́х* «березняк», *юма́нла́х* «дубняк», *калта́ла́х* «место, изобилующее ящерицами», *кайа́кла́х* «место, изобилующее дичью»; 2) вещь, предназначенная для части тела или предмета, названной основой: *ку́сла́х* «очки», *са́варла́х* «удила», *са́мсал́а́х* «намордник», *ка́ка́рла́х* «бюстгальтер», *хыра́мла́х* «подбрюшник», *пи́тла́х* «заслонка»; 3) отношения между людьми, названными производящей основой: *ту́сла́х* «дружба», *та́ванла́х* «братство», *кума́ла́х* «кумовство», *хура́нташла́х* «родство»; 4) период жизни человека (от слов, указывающих на возраст): *ача́ла́х* «детство», *йе́ке́тла́х* «юность», *вата́ла́х* «старость»; 5) свойство или состояние, присущее лицу, предмету или действию, названным производящей основой: *инвали́дла́х* «инвалидность», *ха́равса́ла́х* «трусость», *су́та́нча́кла́х* «предательство», *се́крета́ла́х* «секретность», *иле́мла́х* «красота», *пулта́рула́х* «творчество».

2. Модель $N_1 + \text{-са́} (\text{-се́}) = N_2$ — одна из самых продуктивных. По ней образуются новые слова от исконно чувашских и заимствованных слов. И большинство из них выражает значение деятеля. К ним относятся: 1) названия лиц по профессии и занятию: *суна́рса́* «охотник», *ака́са́* «пахарь», *суту́са́* «продавец», *су́ревсе́* «путешественник», *са́на́вса́*

«наблюдатель», *тёпчевсё* «исследователь», *шыравсё* «следопыт», *айяплавсё* «обвинитель»; 2) названия лиц по их отношению к какому-либо предмету, определяющему их деятельность, профессию, ремесло: *кайаксё* «охотник», *кампасё* «грибник», *чулсё* «каменщик», *тимёрсё* «кузнец», *цементсё* «цементщик», *йёлтёрсё* «лыжник», *камакасё* «печник», *бакенсё* «бакенщик», *музыксё* «музыкант», *параппансё* «барабанщик», *юмахсё* «сказочник», *литературсё* «литературовед», *хаçатсё* «газетник»; 3) названия лиц по их навыкам, стремлению что-либо сделать, поступкам: *хйравсё* «трус», *ултавсё* «обманщик», *суесё* «лгун, лжец» (от *суя* «ложь»), *элексё* «клеветник», *мыскарасё* «весельчак, балагур»; 4) названия лиц по их соучастию в каком-либо действии: *пйлавсё* «бунтарь, мятежник», *суйлавсё* «избиратель», *каварсё* «заговорщик»; 5) названия лиц по их отношению к месту действия, определяющему их деятельность, ремесло, профессию: *пахчасё* «огородник, овощевод, садовник», *уралсё* «уралец», *утарсё* «пасечник», *вйрмансё* «лесник», *кёрекесё* «тамада»; 6) названия лиц по их общественному, идейному направлению: *ленинсё* «ленинец»; *мичуринсё* «мичуринец», *тимурсё* «тимуровец». А слово *тайёрсё* имеет значение: «специалист по изучению творчества Тайра, тайровед».

Часть слов в современном языке перестала делиться на значимые единицы: *тарсё* «батрак», *тарансё* «упрямец, симулянт», *хырсё* «подать». Это говорит о значительной древности аффикса *-сё (-сё)*¹⁰.

Некоторые слова образованы без наличия мотивирующего слова-существительного в современном языке: *сыравсё* «писатель», *ёмётленёвсё* «мечтатель» (А. Галкин), *сёлавсё* «спаситель» и т.д. В то же время здесь трудно признать, что аффиксы *-ав (-ев)* и *-сё (-сё)* слились и образовали сложный аффикс, ибо предполагаемые производящие основы на *-ав (-ев)* осознаются как названия действий.

3. Модель $N_1 + \text{-кай (-кей)}, \text{-ккай (-ккей)} = N_2$ образует существительные, обозначающие лиц, похожих на предметы или живые существа, названные мотивирующими основами: *сёрнаккай* «глупец, дурак, дубина» (от *сёрнай* «дудка, зурнай»), *тёрнаккай* «верзила» (от *тёрна* «журавль»), *сыснаккай* «нахаленок» (от *сысна* «свинья»), *пёрнеккей* «мальчик с пальчик» (от *пёрне* «палец»), *шампаккай* «обжора» (от *шампа* «на-

лим»). Приведенные слова характеризуются разговорностью, фамильярностью или более сильной оценочной экспрессией. Возможны потенциальные слова: *чёрнеккей* (А. Калкан) «живое существо с ноготок». По этой же модели образованы некоторые ботанические термины: *сыснаккай* «тмин», *майраккай* «свербигуз, дикая редька», *пантаккай* «ужовник».

4. Модель $N_1 + -a (-e) = N_2$ образует немногочисленные существительные, обозначающие: 1) предмет, похожий на предмет, названный производящей основой: *сўсе* «бахрома, кисточка» (от *сўс* «волосы»), *хыса* «покатость, пологий склон, край» (от *хыс* анат. «лобок»), *тёме* «курган, холм, возвышенность» (от *тём* «кочка, бугорок, куча, куст»); 2) вещь, предназначенная предмету, названному производящей основой: *мйя* «ожерелье из бус, монисто; плетеница» (от *мй* «шея»); 3) предмет, сделанный из материала, называемого производящей основой: *кантра* «веревка» (от *кантйр* «конопля»).

5. Модель $N_1 + -al (-el) = N_2$ исчерпала свои возможности словообразования. С ее помощью образованы существительные, означающие место или пространство, примыкаемое к той или иной стороне предмета: *аял* «нижнее пространство» (от *ай* «низ, нижняя часть»), *сиел* «верхнее пространство», *хысал* «заднее пространство», *тёпел* «передняя часть избы» (букв. «центральное место»). По этой же модели были образованы слова *мал* «переднее место (пространство)» (от *ум* «перед»), *шал* «внутреннее пространство» (от *йш* «нутро»), но они в составе мотивирующей основы утратили свой первоначальный облик.

6. Модель $N_1 + -ax (-ex) = N_2$ образует существительные, обозначающие место или часть растения, по форме напоминающие предмет, названный производящей основой: *сймсах* «выступ; мыс, коса» (от *сймса* «нос»); *хысах* (орф. *хысак*) «утес, скала» (от *хыс* анат. «лобок»), *пусах* (орф. *пучак*) «колосок» (от *пус* «голова»), *хупах* «оболочка (зерна); веко» (от *хупа* «крышка, покров»).

7. Модель $N_1 + -am (-em), -йм (-ём, -м) = N_2$ утратила свою продуктивность. Некоторые производные существительные, обозначающие пространство, мало чем отличаются по значению от производящих основ: *айлйам* «низина, низменность» (от *аял* «низ, нижняя часть»), *тўпем* «возвышенность, холм» (от *тўпе* «вершина, верх»), *лапам* «лощина, ложбина»

(от *лапă* «лощина, ложбина»). Часть производных слов выражает значение меры какого-либо предмета: *супкăм* «гроздь, кисть», *сыткăм* «глоток»; *валем* «небольшая копна сена, беремя, охапка; часть, доля» (от *валё* «часть, доля»). Аффикс *-ăм* (*-ём*) участвует в образовании названий родственников и близких: *арăм* «жена» (от *ар* «муж, мужчина»?); *тусăм* «друг, подруга» (от *тус* «друг, приятель»). Слово *вайăм* «влияние, воздействие» относится, очевидно, к окказионализмам. Образование слов со значением названия действия не характерно для рассматриваемой модели. Для выражения значения «влияние» более подходит новообразование *витём* (от *вит* «проникать, пронизать»).

8. Модель $N_1 + \text{-ăш (-ёш), -аш (-еш)} = N_2$ образует существительные, обозначающие: 1) место, пространство, время или предмет, находящейся на стороне предмета, выраженного мотивирующим существительным: *тулаш* «внешность, наружность» (от *тул* «пространство вне помещения», *шалаш* «внутренность, внутренняя часть» (от *шал* «внутренность»), *малаш* «перед, будущность» (от *мал* «передняя сторона»), *каяш* «остатки, последки, отходы; охвостье, последствие» (от *кай* «зад»), *тёлёш* «поприще, сфера, область», *тўртёш* «тыловая сторона»; 2) как и модель $A + \text{-ăш (-ёш)} = N_1$, выражает отвлеченный признак. Но в модели $N_1 + \text{-ăш (-ёш), -аш (-еш)} = N_2$ мотивирующее существительное обозначает предмет со свойственным ему, но неназванным признаком: *калăпăш* «объем, кубатура» (от *калăп* «внешний вид, форма»), *илемёш* «красивость, красота» (от *илем* «краса, красота»), *лаптакăш* «поверхность, пространство, площадь», *нўртёш* «внутренность избы» (от *нўрт* «дом, изба»), *тўртёш* «тыльная сторона» (от *тўрт* «спина»). По этой же модели образованы некоторые слова с довольно редкими значениями: *турăш* «икона» (от *турă* «бог»); *лётёш* «бабочка» (от *лётё* «бабочка, паразит, который поражает легкие животных»); *канаш* «форма, подобие» (от *кан* «внешний вид, форма»); *тёлёш* «смысл, суть, сущность; поприще, сфера, область».

9. Модель $N_1 + \text{-лăк (-лёк)} = N_2$ образует существительные, называющие предметы, предназначенные для действий или других предметов: *шăналăк* «занавес от мух; полог», *ви-*

телёк «покрывало», *питлёк* «сетка (у пчеловода)» (ср. *питлѣх* «заслонка»). Модель непродуктивна.

10. Модель $N_1 + \text{-сар} (-\text{сер}) = N_2$ образовала существительные — названия мест, богатых тем или иным видом растений или животных: *юмансар* «липняк, липовый лес», *хурйнсар* «березняк, березовый лес», *каййксар* «место, изобилующее дичью». В современном языке эта модель вытеснена синонимичной моделью $N_1 + \text{-лѣх} (-\text{лѣх}) = N_2$.

11. Модель $N_1 + \text{-таш} (-\text{теш}) = N_2$ считалась устаревшей. Слова, образованные по этой модели, были малочисленны, основы их непрозрачны. Ср.: *юлташ* «товарищ», *хурйнташ* «родственник, родня», *аташ* «тезка», *янташ* «земляк», заимствованные из близкородственных тюркских языков, хотя значение отдельных слов мотивируется собственно чувашскими производящими основами: *акаташ* (Н. Андреев) «пашущие и сеющие вместе», *кинтеш* (*килѣнтеш*) «одна из снох в семье», *пайташ* «состоящий в совместном пае», «причастие» (грам. термин), *ѣруташ* «одноплеменник» [РЧС, с. 437], *саянташ* «падучая болезнь, эпилепсия», *сиентеш* «желудочное заболевание», *тимѣрташ* уст. «металл». В последние десятилетия творческие работники подвергли некоторые слова фонетическому обновлению, в результате их производные значения стали мотивированными: *ентеш* «земляк», *ѣлташ* (Хв. Уяр) «спутник». Таким образом, можно сказать, что модель $N_1 + \text{-таш} (-\text{теш}) = N_2$ стала оживать в современном языке. Слова, вновь образованные по этой модели, выражают лицо по признаку, объединяющему его с кем-либо.

12. Модель $N_1 + \text{-ака} (-\text{еке}) = N_2$: *ѣилеке* «флюгер», *мѣйрака* «рог» (от *мѣйѣр* «орех»), *сѣмеке* «подобие, сходство», *нимеке* «гнойное выделение» (от *миме* «мозг»), *нѣймака* «слизь; слизистый».

13. Модель $N_1 + \text{-ас} (-\text{ес}) = N_2$: *тѣнрас* «земляной настил (на чердаке), земляная насыпь (вдоль стен дома)», *утас* «шаг» (от *утѣ* «ход»), *хѣлхас* «застреха».

14. Модель $N_1 + \text{-кѣч} (-\text{кѣч}), \text{-кѣс} (-\text{кѣс}) = N_2$ образует существительные, обозначающие предмет, предназначенный для другого предмета, указанного производящей основой: *мѣйкѣч* «ошейник» (от *мѣй* «шея»); *тѣпкѣч* «наследник» (от *тѣп*

«основа, корень»), *евкёч* уст. «сват, сваха» (ср. *евёч*). Слово *силкёс* «парус» (от *сил* «ветер»), встречаемое в романе К. Турхана, остается пока окказионализмом.

15. Модель $N_1 + -sa (-se) = N_2$: *йёпсе* «игла для сшивания кулей, для вязания чулок», *алса* «рукавица», *мййса* «девичье монисто (украшение), надеваемое на шею», *хурса* «мутовка» (от *хур* «локоть» — мера длины?), *тёмса* «растяпа, олух», *лёмса* «шатун, бездельник». Слово *харамса* «дармоед» образовано, очевидно, по модели $A + -sa = N$.

16. Модель $N_1 + -ta (-te) = N_2$: *пайта* «польза, выгода», *йста* «мастер, знаток», *тупата* «честное слово» (от *тупа* «клятва»).

17. Модель $N_1 + -kan (-ken) = N_2$: *сёткен* «сок», *хулкан* «щит».

Деминутивы

Ряд словообразовательных аффиксов вносит в семантику имен существительных эмоциональную оценку (значения уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности и др.).

1. Модель $N_1 + -ашка (-ешке), -ашкă (-ешкё) = N_2$ образует существительные, называющие предметы, меньшие по размеру, чем предметы, названные производящей основой: *сунашка* «санки, салазки», *валашка* «корытце» (от *валак* «желоб»), *лунашка* «яма, лунка», *катрашка* «ком, кочка» (от *катрам* «глыба»), *варашка* «овражек», *секлешке* «крючок». Существительные, образованные от названий животных, имеют деминутивное (уменьшительно-ласкательное) значение: *пърушка* или *пърушкă* «маленький теленок» (и так манят телят), *тынашка* «телушка», *тихашка* или *тихашкă* «жеребеночек», *ёнешке* «коровушка», *сурашка* «дитятко». Некоторые производные слова употребляются в переносном значении с пренебрежительным оттенком: *амашка* или *майрашка* «женщина легкого поведения», *хурешке* «прихвостень», *търнашка* «пик, вершина», «верзила, дылда».

2. Модель $N_1 + -ка (-ке), -кка (-кке) = N_2$ образует существительные, выступающие: 1) в значении уменьшительных: *таканкка* «качели», *хулкка* «поплавок», *кушилкке* «кошелек»,

пайярка «пучок»; 2) в значении ласкательных (имена собственные): *Тимёркке*, *Юманкка*, *Петёркке*; 3) в значении уменьшительно-уничижительных: *тәмкка* «лодырь», *сәмсакка* «сопляк, молокосос, мальчишка», *этемкке* (Я. Ухсай) «человечишко», *шөпёнкке* перен. «малец», *ачамкка* или *ачамккә* «браток, милоч»; 4) в значении лица, имеющего отношение к тому, что названо производящей основой с коннотацией ласкательности: *усравкка* «приемыш» (букв. «человек на содержании»), *илемкке* «красавица», *туйкка* «юноша — участник свадьбы», *кәйтяркка* «южанка» (неол.).

3. Модель $N_1 + \text{-лчә (-лчѐ), -лча (-лче)} = N_2$ образует существительные, называющие предметы, меньшие по размеру, чем названные производящими основами: *хупәлча* «крышка, покрывало», *хәмпәлчә* «волдырь», *тупәлча* «наidenный, внебрачный ребенок», *хушмалчә* «вставка, клин (у одежды)». Производящие основы некоторых основ этимологически затемнились: *вискәлчә* «трехстенный пристрой на столбах», *шәркалчә* «чирок (птица)», *йәкәрәлчә* «пряслен, прясло».

4. Модель $N_1 + \text{-ске} = N_2$: *нұрнеске* «наперсток», *тәмеске* «бугор, холм, куча», *нұнеске* «слизь», *сұреске* «сновальня», *сунаска* диал. «санки» (лит. *сунашка*).

5. Модель $N_1 + \text{-ак (-ек), -әк (-ёк, -к)} = N_2$ образует существительные с уменьшительными значениями: *тәпек* «гребешок, хохолок (у птиц)» (от *түпә* «небо, вершина, верхушка»); *хысак* «грань, ребро, выступ» (от *хыса* «возвышенность»), *уратак* «короткое бревно, которое кладется под основание избы» (от *урата* «балка, на которой лежит пол»), *сәмсах* «мыс, коса, отмель; выступ, угол», *варак* «овражек, промоина», *сәвәк* «маленький шов» (от *сәвә* «рубец, шрам, след»), *хушәк* «щель» (от *хушә* «пространство, расстояние, промежуток между чем-л.»), *пәрчәк* «крупница». Некоторые существительные одновременно с уменьшительным несут значение единичности («маленькая частица однородной массы»): *кәрпек* «крупинка». Часть слов применяется в разговорах с маленькими детьми (с ласкательным значением): *кәпәк*¹¹ «рубашонка, рубашечка», *пуканек* «куколка», *сәтәк* «молочко», *чәпәк* «цыпленочек», *япалак* «вещичка», *чупак* «поцелуйчик», *матяк* «яичко», *сытак* «штанишки» (от *сытма* «штаны»).

6. Модель $N_1 + \text{-ача(-ече)} = N_2$ образует существительные с уменьшительным значением: *ййвача* «колобочек», *пёкече* «душка», *пёрмече* «складки, сборы».

7. При помощи модели $N_1 + \text{-сем} = N_2$ образованы существительные, обозначающие младших родственников мужа: *хёрсем* «младшая сестра мужа, младшая золовка», *ывълсем* «младший брат мужа».

По утверждению Л.С. Левитской, слова *уйӑх* «луна», *хӗлӗх* «струна», *тӑлӑх* «сирота», *кӑмрӑк* «уголь», *пилӗк* «поясница», *тӗлӗк* «сон» вначале имели уменьшительное значение [17, с. 143], но потом его утратили, ибо их производящие основы в современном языке не употребляются самостоятельно.

Существительные,

мотивированные подражательными словами

Существительные, образованные по схеме $M + \text{Suff} = N_1$ называют животных или предметы, производящие звуки или движения, указанные мотивирующими подражательными основами.

1. Модель $M + \text{-ав (-ев)} = N$: *шӑнкӑрав* «колокольчик», *хӑнкӑрав* «бубенчик», *шанкав* «голыш (камень)», *ялтӑрав* «блеск».

2. Модель $M + \text{-ак (-ек)} = N$: *йӑпӑлтак* (название рыбы), *чупак* «поцелуй».

3. Модель $M + \text{-ӑ (-ӗ)} = N$: *нӑрӑ* «жук», *уӗх* «филин», *хӗх* «плач», *шакӑ* «чирик; камешки (для игры)», *лӑсӑ* «хвоя».

4. Модель $M + \text{-ка (-ке), -ккӑ (-ккӗ)} = N$: *кӑркка* «индюк», *чавка* «галка», *кӗмӗркке* «глыба, ком».

5. Модель $M + \text{-ма (-ме)} = N$: *сатӑрма* «трещотка», *шакӑртма* «колотушка», *каптӑрма* «колодки (для лаптей)», *ханкӑрма* и *хӑнкӑрма* «бубенчик, погремушка», *шӑлтӑрма* «блок», *ялтӑрма* «блеск (отражение от предметов)», *тункӑрма* «болтало», «колокольчик, бубенчик», *шӑнкӑртма* «побрякушка (детская); женское украшение (из серебряных монет)».

По этой же модели образовано, очевидно, и слово *капӑртма* «олады; лепешки (из кислого теста)».

6. Модель $M + \text{-мак (-мек)} = N$: *шатӑртмак* «трещотка», *шакмак* «чурка», *ханкӑрмак* «шарообразный звонок из

меди (для лошадей)», *капартмак* «хвостун, хвальбишка» (перен.).

7. Модель М + *-мач (-меч)* = N: *кайтәрмач* «колесо, юла, волчок», *катәрмач* «маленькое колесо, диск».

8. Модель М + *-чә (-чё)* = N: *шәнкәрчә* «скворец», *хултәрчә* «скальница» (вероятно, от *хәлтәр*), *тәпәрчә* «творог», *ләнкәрчә* «оцеп (гибкий шест, к которому подвешивают зыбку)».

Существительное, мотивированное числительным

Модель Z + *-çä (-çё)* = N: *иккёçё* («Пионер сасси») «двоечник».

§ 11. Образование аффиксальных прилагательных

В качестве мотивирующих основ производных прилагательных выступают существительные, прилагательные, глаголы, наречия, подражательные слова.

В образовании моделей вторичных прилагательных участвуют около 40 аффиксов. Из них *-лә (-лё)*, *-ллә (-ллё)*; *-амас (-емес)*; *-а (-е)*, *-ака (-еке)* выступают как общие аффиксы речи. Остальные аффиксы образуют прилагательные лишь от определенных частей речи.

Прилагательные, мотивированные существительными

1. Модель N + *-лә (-лё)*, *-ллә (-ллё)* = А образует многочисленные прилагательные, выражающие следующие значения: 1) имеющий или содержащий то, что обозначено мотивирующим словом. Слова с этим значением делятся на две группы: А) качественные прилагательные, образованные: а) от основ с абстрактным значением: *илемлө* «красивый», *мирлө* «мирный», *айәплә* «виновный»; б) от слов, выражающих предметы без определенного количества: *пеләтлө* «облачный», *тәварлә* «соленый», *курәклә* «травянистый», *вәрманлә* «лесистый»; Б) некачественные прилагательные, образованные от названий предметов, употребляемых в определенном количестве: *хыçлә пукан* «стул со спинкой», *баллонлә газ плити* «газовая плита с баллоном», *моторлә кимө* «моторная лодка», *чепеллә çамарта* «яйцо с зародышем», *гусеницәллә трактор* «гусеничный трактор».

Некоторые прилагательные второй группы, употребляясь в переносном смысле, могут выступать как качественные: *вырӑнлӑ* «уместный», *йӗнлӗ* «придирчивый», *чӗлхеллӗ* «языкастый», *татӑклӑ* «решительный», *тӗнлӗ* «основательный, аккуратный», *шӑртлӑ* «раздражительный»; 2) состоящий в родственных и тому подобных отношениях друг с другом. Прилагательные с этим значением образуются от терминов родства, свойства и т.п.: *упӑшкаллӑ-арӑмлӑ* «в супружестве», «состоящие в браке», *хӑтӑллӑ* «являющиеся сватями», *хурӑнташлӑ* «состоящие в родственных отношениях», *кумаллӑ* «состоящие в кумовстве», *кӳршӗллӗ* «находящиеся в соседстве», *юлташлӑ* «имеющий товарища, состоящие в дружеских отношениях»; 3) состоящие в каком-либо отношении друг с другом на основе того, что указано мотивирующим словом: *канашлӑ* «состоящие в уговоре, согласии с кем-либо», *вӑрҫӑллӑ* «состоящие в ссоре, вражде или войне с кем-либо»; *союзлӑ* «союзный» (*союзлӑ республикасем* «союзные республики»), *синонимлӑ* «синонимичный»; 4) находящийся во времени, указанном мотивирующим словом: *ирлӗ-каҫлӑ* «утром и вечером», *хӗрлӗ-сурлӑ* «осенью и весной, осенне-весенний», *вӑхӑтлӑ* «вовремя, своевременный»; 5) находящийся на месте, указанном мотивирующим словом: *кӳршӗллӗ* «в соседстве», *ҫумлӑ* «рядом», *ик ҫӗрлӗ* «в двух разных местах или направлениях», *айлӑ-ҫийлӗ* «одно на другом, слоями; в беспорядке, вверх дном (перен.)», *картишлӗ* «в соседстве по двору»; 6) содержащийся или находящийся в сосуде, указанном мотивирующим словом: *пичкеллӗ ҫӑра* «пиво в бочке», *хуранлӑ пӑтӑ* «каша в котле»; 7) имеющий меру, указанную мотивирующим словом: *тӑватӑ аршӑнлӑ вӗрен* «четырёхаршинная веревка».

В последние десятилетия появилась ошибочная тенденция переводить относительные прилагательные русского языка на чувашский язык прилагательными на *-лӑ* (*-лӗ*). Ввиду ограниченного объема работы мы не можем останавливаться на данном вопросе. Это тема особого разговора [3, с. 141—157].

2. Модель N + *-лӑх* (*-лӗх*) = A образует прилагательные со значениями: 1) предназначенный для того, что названо производящим словом: *силослӑх кукуруза* «кукуруза на силос»,

вӑрлӑхлӑх клевер «семенной клевер», *экспортлӑх йывӑс* «экспортный лес», *сутлӑх пианино* «пианино на продажу»; 2) достаточный срок, названный мотивирующим словом: *уйӑхлӑх расписани* «месячное расписание», *вӑхӑтлӑх пулӑшу* «временная помощь», *минутлӑх ёс* «минутное дело», *ёмӑрлӑх мухтав* «вечная слава», *сезонлӑх билет* «сезонный билет», *малашлӑх план* «перспективный план», *сакӑр сулӑх шкул* «восьмилетняя школа», *султалӑклӑх курс* «годовой курс»; 3) достаточный для того, что указано мотивирующим словом или словосочетанием: *взнослӑх укҫа* «деньги, достаточные на взносы», *пӑр чӑлӑмлӑх табак* «табак на одну закрутку», *икӑ сынлӑх апат* «еда на двоих»; 4) оцененный в число единиц, называемых производящей основой: *виҫӑ пуслӑх ӑс* «трехкопеечный ум»; *виҫ тенкӑлӑх шар* «несчастный случай ценою в три рубля», *сӑр тенкӑлӑх лаша* «сторублевая лошадь», *вунӑ пин тенкӑлӑх пуянлӑх* «богатство на десять тысяч рублей». Модель продуктивна.

3. Модель N + *-сӑр (-сӑр)* = A образует прилагательные со значением «характеризующийся отсутствием того, что названо мотивирующим словом». Прилагательные на *-сӑр (-сӑр)* так же, как и прилагательные на *-лӑ (-лӑ)*, в зависимости от того, с каким значением выступает мотивирующая основа, могут делиться на качественные и некачественные: а) *ансӑр* «узкий», *усӑсӑр* «бесполезный», *канӑсӑр* «беспокойный», *вӑсӑмсӑр* «бесконечный»; б) *шӑлсӑр карчӑк* «беззубая старушка», *сӑмса сӑр картуз* «фуражка-бескозырка», *ыйхӑсӑр каҫ* «бессонная ночь».

4. Модель N + *-амас (-емес)* = A образует прилагательные со значением «характеризующийся внешним интенсивным признаком предмета, названного производящей основой». Из сказанного ясно, что слова, образованные по данной модели, очень близки по значению к производным прилагательным, образованным при помощи аффикса *-амас (-емес)* от прилагательных на *-лӑ (-лӑ)*. В качестве мотивирующих основ выступают, как правило, существительные со значением части тела. Примеры: *силхемес* «гривастый», *кутамас* «коренастый, низкорослый, приземистый», *милхемес* «лохматый, растрепанный, косматый» (от *милке* «помело»), *хӑлхамас* «ушастый», *пакартамас* «пузатый, икростый, с большим хвостом», *самкамас* «лобастый».

5. Модель N + -ак (-ек) = А образует прилагательные в значении «имеющий слабый признак предмета, названного мотивирующим словом»: *сѣвак* «имеющий вкус масла», *шывак* «водянистый, жидкий, похожий на воду», *пылак* «сладковатый, сладкий, напоминающий вкус меда», *тѣварак* «слегка подсолоненный, солоноватый», *кѣвасак* «кисловатый», *сѣтек* «имеющий молочный привкус», *сѣвек* «напоминающий сыворотку» (от *сѣве* «сыворотка»). Модель продуктивна.

6. Модель N + -сах (-сех), -чах (-чех) = А образует немногочисленные прилагательные, означающие «характеризующийся наличием того, что названо мотивирующим словом»: *кѣмѣлсах* «отзывчивый, приветливый», *мѣшкѣлчах* «насмешливый», *шѣртчах* «упрямый, строптивый, сердитый, раздражительный», *хѣравсах* «трусливый», *ѣрѣмсах* «соблюдающий суеверные обычаи», *ѣсчах* «изобретательный, умный», *хѣюсах* «смелый», *вѣйѣсах* «игривый, шаловливый».

7. Модель N + -ккай (-ккей) = А образует прилагательные в значении «обладающий отрицательными качествами того, кто указан производящей основой»: *тѣрѣнаккай* «длинный, длинноногий, долговязый», *шѣмѣнаккай* «прожорливый», *сѣрѣнаккай* «глуповатый» (< *сѣрѣнай* «волынка, дудка»), *тѣмѣсаккай* «глупый» (< *тѣмѣсай* «болван, оболтус, олух, глупец»), *сысѣнаккай* «нахальный, подлый», *шѣпѣниккай* «с маленькими ушами (о ягненке, лошади)».

8. Модель N + -лак (-лек) = А выражает неполноту признака, называемого производящей основой: *тѣварлак* «с соленым привкусом, солоноватый», *пѣрлак* «леденистый, обледенелый», *сивлек* «холодный, мрачный», *шѣулак* «скользкий» (от *шѣуѣ* «скользкое место»), *тѣрлак* «полоумный».

9. Модель N + -анкѣ (-енкѣ), -анка (-енке) = А образует прилагательные, выражающие значение «обладающий тем, что названо мотивирующим словом»: *сѣртѣанкѣ* «холмистый, возвышенный», *пырѣанка* перен. «прожорливый», *уланкѣ* «пестрый окунь».

10. Модель N + -ѣш (-ѣш) = А: *ачѣш* «избалованный, изнеженный», *ѣѣваш* «кроткий, тихий, смирный».

11. Модель N + -ам (-ем), -ѣм (-ѣм) = А: *тѣуѣм* «холмистый, возвышенный», *ѣйлѣм* «низменный» (от *ѣял* «низ, низина»).

12. Модель $N + -тах (-тех) = A$: *пуҫтах* «буйный, бесшабашный, беспутный», *йиҫтах* «жадный, ненасытный, прожорливый» (ср. *выҫтах* «тж»).

13. Модель $N + -чан (-чен) = A$: *ёҫчен* «трудолюбивый, работающий», *шӑртчан* «придирчивый, быстро раздражающийся» (от *шӑрт* «гнев, раздражение»).

14. Модель $N + -шка (-шке) = A$: *тӑрнашка* «длинноногий, долговязый», *хӑйпашка* «худощавый, худой, тощий».

15. Модель $N + -ас (-ес) = A$: *ёнес* «разборчивый (в еде)», *силлес* «сердитый, гневный» (от *силӗ* «гнев»), но *канас* «спокойный, нетрудный, дармовой».

Прилагательные, мотивированные прилагательными

1. Модель $A_1 + -а (-е) = A_2$ образует прилагательные со значением «обладающий в смягченной степени качеством, названным мотивирующим словом». Но в современном языке формант *-а (-е)* стал утрачивать роль деривационного аффикса; например, между словами *шуҫлак* и *шуҫлака* нет особой разницы («скользкий»), ср. также *яштак* и *яштака* «стройный, прямой». Теперь формант *-а (-е)* начинает играть роль классного показателя прилагательных, ибо ряд слов без *-а (-е)* может конвертироваться в существительные, а прилагательные на *-а (-е)* не образуют существительных по конверсии. Примеры: *шыҫмака* «толстоватый», *шӗвеке* «жидковатый», *тӑсмака* «длинноватый», *авмака* «изогнутый», *лапсака* «ветвистый, лохматый», *лутака* «низкорослый», *шалкама* «проливной».

2. Модель $A_1 + -амас (-емес) = A_2$ образует прилагательные со значением усиленного проявления признака. В качестве производящей основы выступают главным образом прилагательные на *-лӑ (-лӗ)*: *сӑҫлемес* «длинноволосый, пышноволосый», *хырӑмламас* «пузатый», *шӑлламас* перен. «зубастый», *шӑртламас* перен. «задористый» (от *шӑртлӑ* «щетиный»), *сӑҫлемес* «волосатый, длиноволосый» (от *сӑҫлӗ* «лохматый, взлохмаченный»), *тӗклемес* «длинноперый», *умламас* «полногрудый», *сӑмламас* «косматый, лохматый», *шӑмламас* «костистый, ширококостный», *туратламас* «ветвистый, густоветвистый», *вӑйламас* «пресильный, сверхсильный, удивительно сильный». Встречаются и производные от первичных прилагательных: *лутрамас* и *лутамас* «ни-

зенький», *сарамас* «раздетый, без верхней одежды, голый», *тачкамас* «жирный, мясистый». Л.С. Левитская считает, что суффикс *-мас (-мес)* является сложным, состоит из *-м* и *-ас (-ес)* [17, с. 146].

3. Модель $A_1 + \text{-анкӑ (-енкӛ)}, \text{-анка (-енке)} = A_2$ образует прилагательные, означающие уменьшенную степень качества: *йӱсенкӛ* «кисловатый», *сутанка* «светловатый», *шуранка* или *шуранкӑ* «беловатый, бледноватый», *пушанка* или *пушанкӑ* «слабоватый, свободный», *высанка* «щуплый», *хытанка* «сухощавый, сухопарый».

4. Модель $A_1 + \text{-ашка (-ешке)} = A_2$ производит прилагательные со значением некоторого ослабления признака с оттенком ласкательности: *кукрашка* «извилистый», *касрашка* «вздернутый, выпячивающийся, выпяченный», *кӱтрашка* «кудреватый, курчавый» (ср. рус. *кудряшка*), *шӱврешке* «остренький, остроконечный», *семсеешке* «мягонький; слабенький, хиленький», *синсеешке* «тоненький» (например, нить), *сӱхешке* «тоненький» (например, лист бумаги), *лутрашка* «низенький, малорослый», *чармашка* «растопыренный», *саврашка* «кругленький», *сарлашка* «толстенький, пузатенький». По данной модели возможны новообразования.

5. Модель $A_1 + \text{-ка (-ке)}, \text{-кка (-кке)}, \text{-кӑ (-кӛ)} = A_2$ образует множество прилагательных, выражающих некоторую неполноту качества с оттенком ласкательности: *саврака* «круглый, кругленький», *тӱкӱскӑ* «кислый, терпкий», *начаркка* «плохонький, слабенький», *лӱпкӑ* «спокойненький», *айванкка* «наивный, глупенький», *сӱмӱлкка* «легонький, легкомысленный (перен.)», *самӱркка* «толстенький, полненький», *чиперкке* «красивенький», *имшеркке* «худенький», *чӱмӱркка* «шарообразный, шаровидный» и др.

6. Модель $A_1 + \text{-лӱ (-лӛ)} = A_2$ образует прилагательные со значением слабой степени проявления признака, названного производящей основой. По нашим наблюдениям, в качестве производящей основы выступают главным образом прилагательные, характеризующие поведение человека. Если прилагательные при самостоятельном употреблении выражают полное проявление признака, то в соединении с аффиксом *-лӱ (-лӛ)* обозначают лишь наличие этого признака, не в полном его проявлении: *хастарлӱ* «активный, имеющий стремление», *хаваслӱ* «радостный, с радос-

тью», *силлеслэ* «гневный, с гневом», *сўрёклэ* «имеющий апатию», *хурланчаклэ* «печальный, с печалью», *сәпайлэ* «вежливый, с вежливостью», *саваклэ* «радостный, с радостью», *сәмәлттайлэ* «легкомысленный, с легкомыслием», *аскәнлэ* «развращенный», *именчәклэ* «стеснительный, со стеснением».

7. Модель $A_1 + -сә (-сә) = A_2$ образует прилагательные, выражающие некоторое усиление признака с оттенком ласкательности: *пәчәксә* «маленький, малюсенький», *әсчәнсә* «деловитый, дельный, деловой», *мәскәнсә* «бедненький, несчастный», *чәвәлтисә* «щебечущий», *сәмрәксә* «молоденький».

8. Модель $A_1 + -тай (-тей), -ттай (-ттей) = A_2$ образует прилагательные, выражающие усиление признака с оттенком пренебрежительности: *сәмәлттай* «легкомысленный, ветреный» (от *сәмәл* «легкий»), *мәнттай* «большой и неуклюжий, дородный», *чуманттай* «ленивый (о лошади)», *пахматтай* «бестактный, грубый, невежливый».

9. Модель $A_1 + -ака (-еке) = A_2$ образует прилагательные со значением слабой степени проявления признака, выраженного мотивирующей основой: *шәвреке* «остренький», *шивлака* «водянистый, жидковатый», *тәмсака* «глуповатый», *касрака* «выпяченный, вздернутый», *вәсәлеке* «островерхий, острокопечный», *лут(р)ака* «низкорослый».

10. Модель $A_1 + -ам (-ем), -әм (-ём) = A_2$: *вәтам* «средний, умеренный», *йүсәм* «кисловатый», *нүрем* «сырой», *питәм* «цельный, непечатый», *түрем* «ровный, гладкий» (от *түрә* «прямой»), *сәртлам* «возвышенный, гористый», *сүтам* «светлолицый, белокожий».

11. Модель $A_1 + -кә (-кә), -ка (-ке) = A_2$: *черченкә* «нежненький», *тәкәскә* «кисленький, слегка кислый» (от *тәкәс* «противно кислый»), *кәрәскә* «убогенький, скудноватый», *ләпкә* «тихий, смиренный, спокойный, кроткий», *сәврака* «кругленький», *сәмәлка* «проворный, легкий».

12. Модель $A_1 + -кән (-кән), -кан (-кен) = A_2$: *сүткән* или *сүткан* «светленький» (от *сүтә* «светлый»), *хыткан* «сухощавый, худенький» (от *хытә* «твердый»), *такәркан* «выровненный, утоптаный, укатанный, ровненький».

13. Модель $A_1 + -лак (-лек) = A_2$: *сивлек* «холодный, суровый, мрачный, уютный», *тәрлак* «полоумный», *шәвәрлек* «клиновидный».

14. Модель $A_1 + -\text{сах} (-\text{сех}), -\text{чак} (-\text{чек}) = A_2$: *сәмәлсах* и *сәмәлчак* «легкий, живой, изворотливый; легкомысленный», *пёчәксех* «крошечный, малюсенький», *шурчак* «бледный, бледнолицый».

15. Модель $A_1 + -\text{ак} (-\text{ек}) = A_2$ образует прилагательные, означающие меньшую степень качества, чем названного производящей основой: *нұрәк* «влажный, сыроватый», *ханрак* «горьковатый, кисловатый», *хытак* «недоваренный, сырой» (об овощах), *йұсәк* «кисловатый, горьковатый», *шөвек* «жидковатый», *шөврәк* «заостренный».

16. Модель $A_1 + -\text{кай} (-\text{кей}) = A_2$: *семсәккей* «мягонький, мягенький».

17. Модель $A_1 + -\text{ас} (-\text{ес}) = A_2$: *кәнттамас* «неуклюжий», *тұрккес* «упрямый».

18. Модель $A_1 + -\text{ай} (-\text{ей}) = A_2$: *лутакай* «низкорослый», *тәмсай* «глупый».

19. Модель $A_1 + -\text{әс} (-\text{ёс}), -\text{ас} (-\text{ес}) = A_2$: *мәнас* «гордый, высокомерный», *чәхәмәс* «норовистый».

20. Модель $A_1 + -\text{кам} (-\text{кем}) = A_2$: *сүткам* «светлый, светлолицый», *шуркам* «бледный, бледнолицый».

Прилагательные, мотивированные глаголами

1. Модель $V + -\text{чәк} (-\text{чёк}) = A$ образует многочисленные прилагательные со значениями: 1) сложный к действию, названному мотивирующим словом (от глаголов, выражающих поведение человека): *каппайчәк* «хвастливый», *сыпсәйнчәк* «прилипчивый», *силленчәк* «гневливый», *мухтанчәк* «хвастливый», *вәтанчәк* «стыдливый», *хыпаланчәк* «торопливый, суетливый», *үркенчәк* «ленивый»; 2) подвергшийся действию, названному производящей основой, и являющийся его результатом (от непереходных глаголов): *ишәлчәк* «разрушенный», *пөрәнчәк* «морщинистый, складчатый», *кукәрәлчәк* «изогнутый, кривой», *лапәртанчәк* «загряженный, испачканный», *хусланчәк* «складчатый», *питөрәнчәк* «закрытый, запертый», *лүчәркенчәк* «помятый, измятый», *пәтранчәк* «мутный, запутанный»; 3) находящийся в состоянии, которое названо мотивирующим глаголом: *тытәнчәк* «заикающийся, запинаящийся», *вылянчәк* «игривый», *сәрәлчәк* «грязный», *тайкаланчәк* «шаткий, валкий, неустойчивый».

Многие прилагательные на *-чӑк (-чӕк)* по конверсии переходят в существительные. Существительных, образованных при помощи аффикса *-чӑк (-чӕк)*, намного меньше, чем прилагательных на *-чӑк (-чӕк)*.

2. Модель $V + -a (-e) = A$ образует прилагательные со значением «подвергшийся действию, названному мотивирующим глаголом, и содержащий результат этого действия»: *савра* «круглый, кружный, окольный», *тавра* «обходный, окольный; окрестный», *сӑра* «густой», *семсе* «мягкий». Некоторые образования употребляются лишь в сочетаниях с определенными словами: *йыниша* (или *макра*, *йӕне*) *ача* «плаксивый ребенок», *юха сӑмса* «сопляк» (букв. «текучий нос»), *кара сӑвар* «разиня, ротозей, крикун, горлопан», *кӱте сын* «озлобленный человек», *тайла пу* «повинная голова», *ӱпне сӑпан* «особый плоский чирей, прорывается не с головки, а сбоку» (от *ӱпӕн* «опрокинуться»), *лара хуран* «котел, вмазанный в печь» (от *лар* «сидеть»), *вӕре сӕлен* «летун», *йӕре хӕва* «плакучая ива». Некоторые прилагательные по конверсии перешли в существительные: *йӕре* (*йыниша*, *мак(ӕ)ра*) «плакса, рёва».

3. Модель $V + -ака (-еке) = A$ образует прилагательные со значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом: *сарлака* «широкий», *пӕтреке* «кудрявый, вьющийся», *ейлеке* «мелкий, неглубокий (о посуде)», *йыниша-ка* «капризный, плаксивый», *чарлака* «выпученный (о глазах)», *кӕпчеке* «раздутый, толстый, тучный, пухлый».

Аффикс *-ака (-еке)* образован в результате фузии на базе аффиксов *-ак (-ек)* и *-а (-е)*. Это доказывается тем, что в современном языке имеются производные, делящиеся на эти значимые части: *шӕв-ек-е* «жидкий».

4. Модель $V + -ӕ (-ӕ) = A$ образует прилагательные, выражающие признак, обусловленный действием производящего глагола: *ватӕ* «старый», *высӕ* «голодный», *йӱсӕ* «кислый, горький», *карӕ* «туго закрученный, натянутый», *писӕ* «распаренный, гибкий, выносливый», *сутӕ* «светлый», *сӕтӕ* «жадный» (от *сӕт* «глотать»), *тӕрӕ* «прозрачный» (от *тӕр* «стоять»), *тинӕ* «сухой», *усӕ* «открытый, свежий, ясный»; *хунӕ* «закрытый», *хытӕ* «твердый», *шӕвӕ* «жидкий» (от *шӱ* «пропитываться водой»).

5. Модель V + -*а́к* (-*ёк*), -*ак* (-*ек*) = А образует прилагательные, выражающие значение «характеризующийся произведенным действием, названным мотивирующим глаголом». При этом следует отметить, что в чувашском языке, как и в других тюркских, «от всех переходных глаголов образуются пассивные прилагательные, от непереходных — активные или нейтральные» [23, с. 206]. Примеры: а) пассивные прилагательные: *авăк* «изогнутый, кривой», *катăк* «расколотый», *тăсăк* «растянутый», *пăсăк* «испорченный», *савăк* «радостный, веселый», *сёррёк* «сломанный, разбитый», *сивлек* «неприветливый, угрюмый», *сётёк* «рванный», *сурăк* «расколотый», *усăк* «обвислый, отвислый», *хёсёк* «тесный, узкий», *хусăк* «сломанный», *чёрёк* «рванный»; б) активные и нейтральные прилагательные: *ёнёк* «горелый», *йăшăк* «рыхлый», *йўсёк* и *йўсек* «кислый, кисловатый», *кўпчек* «раздутый, толстый», *кўпшек* «полный, толстый», *пирчек* «плотный, прочный», *сўнёк* «тусклый, неяркий, меркнувший», *сёрёк* «гнилой, тухлый», *сунăк* «горелый», *тайлăк* «отлогий», *хавшак* «непрочный, нетвердый», *хăрăк* «сухой», *шарлак* «проливной», *шăтăк* «дырявый». В современном чувашском языке модель малопродуктивна: как видно из перечисленных слов, все они образованы от односложных непроезводных глаголов. От значительной части приведенных слов возможно образование существительных способом конверсии.

6. Модель V + -*ка́* (-*кё*), -*ка* (-*ке*), -*кка* (-*кке*) = А образует прилагательные, выражающие значение «подвергшийся действию, названному мотивирующим глаголом, и содержащий результат этого действия»: *пусăрăнкă* «спокойный, благодущный», *туртăнкă* «упрямый, норовистый», *типшёнкё* «худощавый, сухощавый», *хёрёнкё* «подвыпивший, захмелевший», *пётёркке* «завитой, кудрявый», *ешеркке* «зелененький», *тытăнкă* «хриплый», *юхăнкă* «пришедший в упадок».

Некоторые прилагательные выражают значение «склонный к действию, названному производящей основой»: *чётренкё* «дрожащий, трясущийся, трепещущий», *сисёнкё* «чуткий».

7. Модель V + -*кан́* (-*кён*) = А образует прилагательные со значением «склонный, способный к действию, названному

мотивирующим глаголом». Как правило, они выражают отрицательные признаки: *выскӑн* «голодный», перен. «жадный», *каскаӑн* (метафора) «непоседливый, бродячий», *вёскён* (метафора) «хвастливый, вертлявый», *чупкаӑн* «бегущий попусту», *шӑлкаӑн* «льстивый», *сӑткаӑн* «прожорливый», *хыркаӑн* «жадный». Прилагательные без отрицательного оттенка: *сискён* «чуткий», *кускаӑн* (П. Хусанкай) «кочевой». Пожалуй, к этой же группе прилагательных относится *хыткан* «худой, худощавый».

8. Модель V + *-ма (-ме)* = А образует прилагательные¹² со значением «производящий действие или предназначенный для действия, названного мотивирующим глаголом». В отличие от прилагательных, образованных при помощи других аффиксов, прилагательные на *-ма (-ме)* употребляются лишь в устойчивых сочетаниях. От переходных глаголов образуются пассивные прилагательные, а от непереходных — активные: а) *тайма пу* «покорная голова», *сёрме купӑс* «скрипка», *туртма купӑс* «гармошка», *тёкме карта* «частокол», *хушма хуҫалӑх* «подсобное хозяйство», *хушма рейс* «дополнительный рейс»; б) *шалкама сума* «проливной дождь», *ахӑрма сӑвар* «орало», *ларма хёр* «девушка на посиделках», *чашила сӑл* «журчащий родник».

9. Модель V + *-мак (-мек)* = А образует прилагательные со значениями: 1) подвергшийся действию, названному производящей основой, и являющийся её результатом: *усмак* «отвислый, обвислый», *чармак* «растопыренный, вытаращенный», *тӑсмак* «длинный, вытянутый, долговязый», *шысмак* «пухлый, припухший, отечный», *авмак* «кривой, согнутый», *кармак* «выпученный»; 2) «склонный к действию, названному мотивирующей основой»: *сулмак* «размашистый, увесистый». От некоторых прилагательных образованы существительные способом конверсии; ср. *шысмак*, *кармак*.

10. Модель V + *-мӑш (-мёш)* = А образует прилагательные¹⁴ со значением «склонный к действию, названному мотивирующим словом». В древнем языке аффикс *-мӑш (-мёш)* образовал, очевидно, атрибутивные временные формы. В огузских языках этот аффикс и теперь функционирует как временной. В чувашском языке слова на *-мӑш (-мёш)* утратили

глагольный, процессный характер, обозначают сложившийся признак субстанции. У них устраняется актант (распространитель). Примеры: *пусламйи* «начальный», *култармйи* «шутливый, забавный», *йәләнтармйи* «несговорчивый, капризный, обидчивый», *тарәхтармйи* «надоедливый», *тәләнтермәи* «чуждаковатый, странный, причудливый», *йөрәнтермәи* «надоедливый, назойливый», *иләртмәи* «соблазнительный, привлекательный». Лишь изредка сохраняются объекты: *йи сунтармйи* «вынуждающий горевать», *сехре хәнтармйи* «вызывающий страх».

11. Модель V + -*әм* (-*ём*), -*ам* (-*ем*) = А: *күпнәм* и *күпнәм* «одутловатый, пухлый, толстый», *лачкам* «насквозь промокший, совершенно мокрый», *тайләм* «покатый», *типнәм* «худошавый, сухопарый», *уйрәм* «отдельный».

12. Модель V + -*әс* (-*ёс*) = А: *канәс* «спокойный», *аврәс* «покосившийся», *пәрәнәс* «кривой, изогнутый», *пәрахәс* «негодный, заброшенный, запущенный», *саврәнәс* «окольный, кружной», *хирәс* «противоположный, противный», *юхәнәс* «разоренный, запущенный».

13. Модель V + -*анкә* (-*енкё*), -*анка* (-*енке*) = А образует прилагательные, выражающие значения: 1) находящийся в состоянии, возникшем в результате действия: *йүсенкё* и *йүсенке* «кисловатый, с кислинкой» (от *йүс* «киснуть, бродить»), *пиценкё* «гибкий, упругий», *тәсланкә* «длинный, долговязый, вытянутый в длину», *хытанка* «сухощавый, сухопарый», *шуранкә* и *шуранка* «беловатый, белесый»; 2) характеризуемый действием или состоянием: *сутанка* «яркий, блестящий», *сыңсанкә* «прилипчивый», *шарланкә* «порожистый», *чәтрәнкё* «трясущийся, трепещущий».

14. Модель V + -*әш* (-*ёш*) = А: *пәләш* «знакомый»¹⁴.

15. Модель V + -*у* (-*ү*) = А: *хәрү* «жаркий, знойный, горячий, палящий», *тату* «мирный, дружный, в согласии», *улу* «ошибочный, неправильный, неверный».

16. Модель V + -*ка* (-*ке*), -*кка* (-*кке*), -*кә* (-*кё*) = А: *пушанка* «слабый, свободный», *ешәркке* и *ешеркке* «зеленый», *пәтәрке* и *пётәрке* «крученный, кудрявый», *хәрәнкё* «подвыпивший, захмелевший».

17. Модель V + -*чан* = А: *вәрәчан* «драчливый».

18. Модель V + -*ашка* (-*ешке*) = А: *ахрашка* «смешливый», *сұхрашка* «визгливый».

19. Модель $V + -в = A$: *васкав* «срочный, спешный, поспешный», *усрав* «приемный, заповедный», *ўркев* «ленивый, унылый», *юсав* «нарядный».

Прилагательные,

мотивированные подражательными словами

1. Модель $M + -ти = A$ образует прилагательные со значением «склонный к производству шума или образного движения». В качестве производных, как правило, используются двухсложные подражательные слова на *-ӓл (-ӓл)*, *-ӓр (-ӓр)*, *-ӓш (-ӓш)*: а) *мӓшӓлти* «медлительный», *шӓпӓлти* «болтливый», *чӓвӓлти* «щебечущий, чирикающий»; б) *мӓкӓрти* «ворчливый», *лӓпӓрти* «болтливый», *йӓлтӓрти* «сверкающий, блестящий», *чӓлтӓрти* «редкий, жидкий, хрупкий»; в) *лакӓшти* «хлябающий»; *лӓкӓшти* «просторный (об обуви); хромой».

Трудно согласиться с мнением, что аффикс *-ти* образован от глаголообразующего аффикса *-тат (-тет)* и выделительного аффикса *-и* [2, с. 84], ибо аффикс выделения *-и* не может присоединяться к глагольным основам, он употребляется, как правило, после именных словоизменительных форм. Слова типа *йӓпӓлти* «льстивый» образованы от подражательных слов с помощью аффикса *-ти*.

В современном чувашском языке эта модель довольно продуктивна.

2. Модель $M + -амас (-емес) = A$ образует многочисленные прилагательные от подражательных слов и выражает усиленный признак определенного звука или движения: *панккамас* «недалекий, ограниченный, неумный», *начкамас* «тучный», *ланккамас* «шатающийся, праздный», *янккамас* «праздношатающийся», *кӓнттамас* «чересчур неуклюжий, неповоротливый». Прилагательные на *-амас (-емес)* могут быть конвертированы в существительные со значением «лицо, имеющий признак, который указан производящей основой».

3. Модель $M + -а (-е) = A$ создает прилагательные, выражающие образный признак, от подражательных слов: *яшта* «стройный», *йӓлтӓра* «блестящий», *йӓштӓра* «рассыпчатый», *лаштра* «развесистый, низкий», *лапра* «грязный», *кӓштра* «ворсистый, шероховатый», *лӓмсӓре* «лохматый, косматый».

4. Модель М + -*кă* (-*кĕ*), -*ка* (-*ке*), -*кка* (-*кке*) = А образует многочисленные прилагательные главным образом от вторичных (двусложных) подражательных слов на -*ăр* (-*ĕр*), -*ăл* (-*ĕл*), -*ăш* (-*ĕш*). Прилагательные имеют значение «производящий звук или образное движение»: *кăпăшка* «рыхленький, мягкий», *кăрăнкă* «натянутый», *кăшăркка* «шероховатый», *мăкăшкă* «хлябающий», *кĕмсĕркке* «громоздкий», *йăпăлка* или *йăпăлка* «скользящий», *тăпăлка* «аккуратный», *лăмсăркка* «праздношатающийся», *лапсăркка* «лохматый, густолистый, развесистый», *мăранкка* «медлительный, нерасторопный», *йăштăркка* «сыпучий», *лăнчăркка* «нетугой, слабый». Некоторые прилагательные образованы от односложных подражательных слов: *кăпка* «рыхлый».

5. Модель М + -*ак* (-*ек*) = А: *йиштак* «высокий, стройный», *лаиштак* «низкий, развесистый», *йăпăлтак* «слизистый», *лапсак* «лохматый, косматый». Эти производные слова, кроме *йăпăлтак*, могут присоединять к себе плеонастический деривационный аффикс прилагательного -*а* (-*е*) для подчеркивания адъективности: *йишака* и др.

6. Модель М + -*ака* (-*еке*) = А: *йăпшака* «гладкий, ровный», *лăсшака* «развесистый, густолиственный», *лапсака* «развесистый, раскидистый», *лăпсака* «лохматый, косматый; растрепанный», *лĕпсеке* «лохматый, мохнатый», *лапшака* «неряшливый, аляповатый», *кăштрака* «шероховатый». В данном случае сложный аффикс -*ака* (-*еке*) восходит к двум аффиксам: -*ак* (-*ек*) и -*а* (-*е*), но в вышеприведенных словах эти аффиксы не употребляются друг без друга.

7. Модель М + -*ă* (-*ĕ*) = А: *лăнчă* «слабый, нетуго натянутый», *чăнкă* «крутой, обрывистый», *лăнкă* «полный», *пăкă* «твердый, плотный», *йăрă* «бойкий, проворный».

8. Модель М + -*ăм* (-*ĕм*), -*ам* (-*ем*) = А: *шалкам* и *шалкăм* «проливной», *йăлттам* «быстрый, легкий», *йиштам* «стройный, прямой, высокий», *кăнттам* «неуклюжий, нескладный, неловкий».

9. Модель М + -*кă* (-*кĕ*) = А: *кăрăнкă* «натянутый», *лăкăшкă* «свободный, хлябающий», *лăнкă* «полный», *лăпкă* «тихий, смирный», *чăшăлкă* «беспокойный, тревожный».

10. Модель М + *-ки (-кки)* = А: *вёлтёркки* «легкий, невесомый», *кёштёркки* «медлительный, мешкотный», *мёшёркки* «вялый, слабый», *кёптёркки* «неповоротливый, дряхлый».

11. Модель М + *-таш (-теш), -тәш (-тёш)* = А: *чәкәлташ* или *чәкәлтәш* «придирчивый, задиристый», *кәчәртәш* «сварливый, брюзгливый, неуживчивый», *лапәрташ* «болтливый».

§ 12. Образование аффиксальных наречий

Наречия образуются главным образом при помощи аффиксов. В качестве мотивирующих основ в производных наречиях могут выступать существительные, прилагательные, числительные, наречия, подражательные слова и причастия. Но чаще всего наречия образуются от существительных.

Значительная часть аффиксов может участвовать в нескольких моделях образования наречий.

Надо заметить, что каждый аффикс имеет свое значение. Синонимичные аффиксы встречаются редко.

Наречия, мотивированные существительными

1. Модель N + *-ла (-ле), -лла (-лле)* = Adv образует наречия со значениями: 1) свойственно тому, что названо мотивирующей основой (т.е. со значением сравнения): *уләлла* «по-богатырски, как богатырь», *арҗынла* «по-мужски», *юлташла* «по-товарищески», *партизанла* «по-партизански», *буржуазилле* «как у буржуазии»; ср. речевые образования: *Маяковскийлле* «как Маяковский», *Ворошиловла*¹⁵ «по-ворошиловски»; 2) действуя наподобие существа, названного производящей основой (в сочетании с глаголом *выля* «играть»): *тихалла* «в жеребят», *лашалла* «в лошадку»; 3) при помощи предмета, обозначенного мотивирующей основой: *шахматла* «в шахматы», *картла* «в карты», *футболла* «в футбол»; 4) в обмен на равноценный предмет, указанный мотивирующей основой: *укҗалла* «за (на) деньги», *ырашла* «за рожь», *җәнәхла* «за (на) муку», *какайла* «за (на) мясо», *долларла* «за доллары»; 5) на языке народа, названного мотивирующей основой: *чәвашла* «по-чувашски», *вырәсла* «по-русски», *нимёсле* «по-немецки»; 6) во время оп-

ределенного периода (части дня, года и т.п.), указанного производящей основой: *сѣрле* «ночью», *кѣнтѣрла* «днем, в полдень», *хѣлле* «зимой», *сѣлла* «летом», *шусѣмла* «на заре», *сывлѣмла* «с росой, с утренней прохладой», *хѣрле* «в девицах», *ачалла* «в детстве», *выс варла* «натошак».

2. Модель N + -ѣн (-ѣн) = Adv образует наречия со значениями: 1) наподобие тому, что названо мотивирующим существительным: *юмахѣн* «как сказка, подобно сказке», *алмазѣн* «наподобие алмазу», *хѣвелѣн* «как солнце, подобно солнцу»; 2) по месту, названному мотивирующим существительным: *саранѣн* «по лугу», *тѣллѣн-тѣллѣн* «местами»¹⁶, *уй-хирѣн* «по полям», *сѣмѣн* «рядом»; ср. в речи: *Атѣлѣн*, *Донбасѣн* (С. Шавли) «по Волге, Донбассу»; 3) во время, названное мотивирующим существительным: *вѣхѣтѣн* «временами», *кас-касѣн* «вечерами»; 4) при помощи (способом) того, что указано мотивирующим существительным: *уксѣн* «деньгами», *улахѣн* «путем уединения, в уединении», *ѣссѣн* «умом», *кунѣн* «поденно», *кусѣн* «глазами»; 5) в размере (или объеме), указанном мотивирующим существительным: *взводѣн* (*утасѣсѣ*) «взводами (идут)», *турамѣн-турамѣн* «кусочками, дольками», *сытѣкѣн-сытѣкѣн* «по частям, по слогам», *пѣтѣн* «пудами», *ушкѣнѣн* «группами». Некоторые наречия на -ѣн (-ѣн) могут употребляться в позиции перед именем: *кутѣн сын* «упрямый человек», *тѣртѣн ен* «обратная сторона», *хѣяккѣн кус* «кривой глаз».

3. Модель N + -ѣне (-ѣне) = Adv образует наречия со значениями: 1) в течение времени, указанного мотивирующим существительным: *вѣхѣчѣне* «временами», *эрнѣне* «в течение недели», *кунѣне* «весь (целый) день, день-деньской, с утра до вечера», *сѣрѣне* «в течение всей ночи, всю ночь», *уйѣхѣне* «в течение месяца», *сехечѣ-сехечѣне* «часами»; 2) в объеме или размере, указанном мотивирующим существительным: *ывсѣне* «горстями», *купѣне* «кучами», *сѣклемѣ-сѣклемѣне* «охапками», *пусѣпех* «совсем, насовсем, полностью, целиком», *тѣппѣне* «целиком, полностью», *ялѣне*¹⁷ «всей деревней», *касѣне* «всем классом»; 3) в пространстве, указанном мотивирующим существительным: *сарлакѣшѣпех* «во всю ширь», *кѣрши-не* «со всем соседством», *талккѣшѣне* «по всей поверхности, сплошной массой», *республикѣне* «по всей республике»; 4) та-

ким образом, как указано мотивирующим существительным: *майёне(н)* «постепенно, медленно, потихоньку, тихонько, тихо», *йёркине* «по порядку».

4. Модель N + *-серен* = Adv образует наречия^{17*} со значениями: 1) каждый раз, как наступает время, указанное мотивирующим существительным: *сулсерен* «ежегодно», *кассерен* «еженочно», *уйахсерен* «ежемесячно», *талаксерен* «ежесуточно», *эрнисерен* «еженедельно», *хёлсерен* «ежегодно зимой», *шаматкунсерен* «еженедельно в субботу»; 2) во время произношения (чтения, пения, исполнения и т.п.) каждой части чего-либо: *смахсерен* «во время произношения каждого слова», *свайсерен* «во время чтения каждого стихотворения», *такмаксерен* «во время исполнения каждой частушки», *саврасерен* «во время пения каждого куплета»; 3) на каждом месте, указанном мотивирующим существительным: *килсерен* «в каждом доме», *уйсерен* «в каждом поле», *ялсерен* «в каждой деревне», *утсерен* «на каждом коне», *сұхраймсерен* «на каждой версте», *свайсерен* «в каждом стихотворении», *йывацсерен* «на каждом дереве», *сартсерен* «на каждом холме», *юписерен* «на каждом столбе».

5. Модель N + *-чен (-ччен)* = Adv образует наречия^{17*} со значением «до времени, указанного мотивирующим существительным»: *касчен* «до вечера», *ирччен* «до утра», *срокчен* «досрочно», *сивёччен* «до наступления холодов», *шйрэхчен* «до наступления жары», *револючиччен* «до революции». Тип весьма продуктивен.

6. Модель N + *-ранна (-ренне)* = Adv образует наречия^{17*} со значением «с момента времени, указанного мотивирующим существительным»: *ачаранна* «с детства», *иртенне* «с утра», *касранна* «с вечера», *ёмёртеннех* «с давних пор, испокон веков, истари».

7. Модель N + *-ласа (-лесе)* = Adv: *кёлтелесе* «в виде снопов», *кёвентелесе* «на коромыслах», *сұпселесе* «полными кадка-ми», *ирлесе* «утренней порой», *ятарласа* «специально, особенно, нарочито».

8. Модель N + *-латса (-летсе)* = Adv: *кётўлетсе* «целым стадом, стадами», *чёрслетсе* или *сұпселетсе* «целыми кадка-ми», *витрелетсе* «как из ведра», *хёрслетсе* «перекрестно», *чёрёплетсе* «ежиком», *ййранлатса* «грядками», *кант-ралатса* «в виде веревки, наподобие веревки».

9. Модель N + *-лен (-лен)* = Adv: *суллен* «ежегодно», *куллен* (< *кунлен*) «ежедневно». Модель непродуктивна.

Наречия, мотивированные прилагательными

1. Модель A + *-ла (ле), -лла (-лле)* = Adv образует наречия, выражающие значения: 1) будучи в состоянии, называемом мотивирующим прилагательным: *пёчкле(х)* «в детском возрасте, с детства», *кёсёнке(х)* «смолоду», *пысакла* «будучи взрослым», *симёсле* «в зеленом, незрелом виде», *тёттёмле* «затемно, до рассвета», *ешёлле* «в незрелом состоянии», *хытёлла* «в твердом состоянии»; *чёрёлле* «в сыром виде, живьем», *чаймёрла* «в шарообразном виде; вкрутую»; 2) в виде качества, называемого производящей основой: *пушёлла* «впустую, порожняком», *саралла* «без чего-либо», *сёнёлле* «по-новому».

2. Модель A + *-йн (-ён)* = Adv образует наречия^{17*} со значением «в неполной степени качества, указанного мотивирующим прилагательным»: *лйпкйн* «довольно спокойно», *ачаишйн* «довольно нежно», *патваррйн* «довольно сильно, до некоторой степени сильно», *илемлён* «довольно красиво», *сахалйн* «понемного, в небольшом числе», *пёчккён* «понемного, потихоньку». В «Опыте исследования чувашского синтаксиса» (ч. 1), отмечая особенность употребления данных наречий, Н.И. Ашмарин писал, что суффикс *-йн (-ён)*¹⁸ «указывает на то обстоятельство, что образ действия, свойственный тому или иному предмету, является чем-то кажущимся, осязаемым лишь субъектом, без отношения к внутреннему качеству действия, или же на то, что действующий субъект как бы стремится проявить свою деятельность именно в той форме, какая выражается в наречии, поясняяшем тот или иной образ или способ его действия» [6, с. 143].

3. Модель A + *-ранна (-ренне)* = Adv образует наречия со значением «со времени, на которое указывает мотивирующее прилагательное»: *пёчкренне(х)* «сызмальства, с малых лет», *самрайкранна(х)* «с молодых лет», *нумайранна* или *чылайранна*, *самайранна*, *пайтахранна* «с давних пор, издавна, в течение долгого времени, давно».

4. Модель A + *-чен (-ччен)* = Adv: *вйрахчен* «долго, в течение продолжительного времени», *чылайччен* «довольно долго,

продолжительное время», *самайччен* «долго, продолжительно, продолжительное время».

5. Модель A + *-ласа (-лесе)* = Adv: *чӑнласа* «в самом деле, действительно, вправду, серьезно, всерьез»; *вӑтӑрлесе* «пронзительно, пристально», *чиперлесе(х)* «действительно, вправду».

6. Модель A + *-латса (-летсе)* = Adv: *кӑретлесе* «открыто, явно, неприкрыто; без стеснения, дерзко, нахально», *шалкӑм-латса* «ливнем».

7. Модель A + *-ине* = Adv: *тӑрӑссине* или *чӑннине*, *тӑррине* «вправду, в самом деле».

Наречия, мотивированные числительными

1. Модель Z + *-ла (-ле)*, *-лла (-лле)* = Adv: *пӑрле* «вместе», *иккӑлле* «двойко, двусмысленно», *виççӑлле (çивӑтле)* «из трёх (веревочек, прядей плести)», *тӑваттӑлла (пир çап, авӑн çап)* «в четыре, вчетвером (отбивать холсты, молотить)».

2. Модель Z + *-ӑне (-ине)* = Adv: *пинӑне* «тысячами», *теçеткине* «десятками».

3. Модель Z + *-ласа (-лесе)* = Adv: *пӑррелесе* «на один раз», *çӑрлесе* «сотнями», *пинлесе* «тысячами», *çирӑмлесе* «по двадцати».

4. Модель Z + *-латса (-летсе)* = Adv: *саккӑрлатса (яв)* «из восьми веревок (вить)», *тӑваттӑлатса (çап)* «вчетвером (молотить)», *çӑрлетсе* «сотнями», *пинлетсе* «тысячами».

5. Модель Z + *-мине* = Adv: *виçмине* «послезавтра», *тӑват-мине* «на четвертый день, через три дня на четвертый».

6. Модель Z + *(ч) чен* = Adv: *иккӑччен* «до двух (часов)», *вунӑччен* «до десяти (часов)».

Наречия, мотивированные наречиями

1. Модель Adv₁ + *-ла (-ле)*, *-лла (-лле)* = Adv₂ образует наречия со значением «так, как свойственно времени, названному мотивирующим наречием»: *хальчченле* «как до сих пор», *паянла* «как сегодня, по-нынешнему», *авалла* «как в древности, по-древнему».

2. Модель Adv₁ + *-ранна (-ренне)*, *-танна (-тенне)* = Adv₂ образует наречия со значением «со времени, обозначенного

мотивирующим наречием»: *ёнертенне* «со вчерашнего дня», *авалтанна* или *ёлёкренне* «издавна, исстари, издревле, с давних пор, испокон веков», *пайтахранна* «с давних пор, давно, в течение долгого времени», *пацёртанна* «с недавних пор», *хёллеренне* «с зимы», *сулларанна* «с лета», *сёрлеренне* «с ночи». В последних трех производных словах производящие основы можно рассматривать и как существительные, образованные путем конверсии от наречий.

3. Модель $Adv_1 + \text{-ён} (-\text{ён}) = Adv_2$: *ерипен* «потихоньку, мало-помалу, небольшими дозами», *чуухаймён* «на глаз, чохом, наобум, необдуманно», *каштаххён* «понемногу, помаленьку», *шайпэрттён* «тихо, неслышно», *аранён* «еле-еле, кое-как».

4. Модель $Adv_1 + \text{-чен} (-\text{чен}) = Adv_2$ образует наречия со значением «до времени, указанного мотивирующим наречием»: *ыранччен* «до завтра», *хальччен* или *халёччен* «до сих пор, до сего времени», *кёркуннеччен* «до осени», *пёлтёрччен* «до прошлого года», *кайсалччен* «до нынешнего года», *ирхинеччен* «до утра», *ёлёмччен* «впредь, больше».

5. Модель $Adv_1 + \text{-серен} = Adv_2$ образует наречия со значением «каждый раз, как наступает время, указанное мотивирующим наречием»: *сулласерен* «каждое лето», *сёрлесерен* «каждую ночь», *суркуннесерен* «каждую весну».

6. Модель $Adv_1 + \text{-ласа} (-\text{лесе}) = Adv_2$: *малтанласа* «предварительно, вначале, сначала, на первый раз», *пирвайласа* «на первый раз (случай)», *хальлесе* «на этот раз».

7. Модель $Adv_1 + \text{-латса} (-\text{летсе}) = Adv_2$: *харайслатса* «дружно, одновременно, разом, в унисон».

8. Модель $Adv_1 + \text{-сэ} (-\text{сё}) = Adv_2$: *арансэ* «чуть-чуть, немного, малость», *пэртаксэ* «немного, чуточку».

Наречия, мотивированные подражательными словами

Модель $M + \text{-ён} (-\text{ён}) = Adv$ образует наречия со значением «в неполной степени образа, указанного мотивирующим подражательным словом»: *вэр-варрён* «довольно быстро, проворно, ловко», *каррён* «довольно дружно», *чыл-паррён* «вдребезги, враспынную», *йэр-яррён* «довольно стремительно, молниеносно».

Наречия, мотивированные атрибутивными временными формами глагола

Модель Part + -ла (-ле), -лла (-лле) = Adv образует наречия со значением «до происшествия действия, названного мотивирующей атрибутивной временной формой обычно в отрицательном аспекте»: *кётесле* «взаимы», *ытараймасла* «обво-
рожительно», *тйранмасла* «ненасытно, прожорливо», *шйтарас-
ла* «пристально, пронизывающим взглядом», *асйрхамасла* «не-
чаянно, невзначай», *сисмесле* или *систермесле* «незаметно», *ас-
тумасла* (*персе яр*) «необдуманно (проговориться)», *йкесле* или
выртасла(х) «до упаду», *вилесле* «до смерти», *пулмасла* «необыч-
но, невероятно, несбыточно», *касармасла* «непростительно», *ман-
масла* «незабвенно».

§ 13. Образование аффиксальных местоимений. Местоимения, мотивированные местоимениями

Местоимение — часть речи закрытого типа. В современном языке круг местоименных слов почти не расширяется, они характеризуются наличием «указательной семантики», то есть, находясь в данном контексте или данной ситуации, не называют лицо, предмет или признак действительности, а только указывают на них.

Образование аффиксальных местоимений характеризуется следующими особенностями:

1) у них нет, кроме -ашкал (-ешкел), собственных аффиксов словообразования, они пользуются аффиксами тех частей речи, на которые они обычно указывают;

2) они не образуются путем транспонирования слов других частей речи в местоимения, им присуще только внут-
рикатегориальное словообразование;

3) модели образования местоимений не могут быть продуктивными, но вторичные местоимения не перестают члениться на значимые части.

Вот модели образования аффиксальных местоимений:

А. Модель $P_1 + \text{-ла (-ле)} = P_2$: *мёнле* «подобно чему, каким образом, какой», *манла* «подобно мне», *санла* «подобно тебе», *унла* «подобно ему», *хамла* «подобно мне самому», *хйй(ён)ле* «подобно ему самому», *урйхла* «по-другому», *нимёнле* «никак», *ыттилле* «подобно остальным» и др.

Б. Модель P_1 [склоняемая основа] + *-ашкал (-ешкел)* = P_2 : *кунашкал* «подобный (подобно) этому», *манашкал* «подобный мне», *пир(ён)ешкел* «подобный нам», *хайнешкел* «подобный ему самому», *мёнешкел* «подобный чему» и др.

В. Модель P_1 + *-лӑ (-лӗ)* = P_2 : *мӗнлӗ* «имеющий что» (это слово часто встречается в качестве второго компонента парного слова): *шӗтлӗ-мӗнлӗ* «шуточный и тому подобный».

Диапазон действия чувашских префиксов очень узок. Они свойственны только вторичным местоимениям.

Каждый префикс образует слова, входящие в отдельный разряд местоимений.

1. По модели *та- (те-)* + P_1 = P_2 от вопросительных местоимений образуются неопределенные местоимения: *та-кам* «кто-то», *тем(ён)* «что-то», *тахӑш* «неизвестно какой», *темиҫе* «неизвестно сколько», *тем(ён)ле* «неизвестно как (ой)», *тепле* «неизвестно как», *теепле* уст. «неизвестно как», *тах(ӑ)ҫан* «неизвестно когда», *таҫта* «где-то, где-нибудь, неизвестно где», *таҫтан* «откуда-то, откуда-либо, неизвестно откуда».

2. По модели *ни-* + P_1 = P_2 образуются отрицательные местоимения: *никам* «никто», *ним(ён)* «ничто, ничего», *нихӑш* «никакой, ни один», *ним(ён)ле* или *ниепле* «никак(ой)», *нихӑҫан* «никогда», *ниҫта* «нигде», *ниҫтан* «ниоткуда».

3. По модели *кирек* + P_1 = P_2 образуются определительные местоимения: *кирек кам* «хоть кто, кто угодно, кто бы ни был, всякий, каждый, любой», *кирек мӗн* «хоть что, что угодно, что бы ни было», *кирек хӑш* «любой, каждый, кто угодно», *кирек мӗнле* или *кирек епле* «как(ой) бы ни был(о), любой, любым образом», *кирек хӑҫан* «когда угодно, когда бы ни было, всегда», *кирек ӑҫта* «хоть где, где бы ни было, везде, хоть куда», *кирек ӑҫтан* «хоть откуда, откуда бы ни было, откуда угодно, отовсюду».

Из перечисленных примеров видно, что вторичные местоимения всех трех разрядов образованы от одних и тех же вопросительных местоимений. Только от местоимения *миҫе* «сколько» неупотребительна форма *нимиҫе*. Возможно, в речи не употребляют это слово во избежание паронимии (ср. *нимиҫе* и *нимӗҫе*).

По происхождению все рассматриваемые префиксы восходят или к союзам, или к частицам.

По мнению В.Г. Егорова, *ни* как союз и как префикс заимствован чувашами из русского языка.

Но можно предполагать, что это персидское заимствование, так как *нә* в качестве союза употребляется в турецком, уйгурском, караимском, чагатайском и других тюркских языках. А в чувашском языке союзная функция дополнилась функцией префикса.

Префикс *та-* (*те-*) восходит к общетюркской частице неведения *те*. Она употребляется как таковая в тюркских языках Сибири (алтайском, тувинском, хакасском).

Префикс *кирек-* восходит к общетюркскому слову *кирек* «надо» и чувашскому союзу *кирек*. Как союз слово употребляется в турецком языке. Чувашский же союз архаичен, в современном языке его часто заменяет союз *хуть*.

Подводя итоги сказанному о втором подвиде аффиксального словообразования, можно отметить, что префиксальное словообразование составляет специфическую особенность образования местоимений чувашского языка.

§ 14. Образование аффиксальных глаголов

В образовании глаголов участвует более 25 аффиксов. Большая часть аффиксов образует глаголы от двух, трех и более частей речи. Ср.: *-ла* (*-ле*) от N, A, M; *-лан* (*-лен*) от N, A, Z, V, M; *-лаш* (*-леш*) от N, A, Z, M; *-лат* (*-лет*) от N, A, P, M; *-яр* (*-ёр*), *-ар* (*-ер*) от N, A; *-ән* (*-ён*), *-ан* (*-ен*) от N, A; *-ярха* (*-ёрхе*), *-ярка* (*-ёрке*) от N, V; *-аç* (*-ёç*), *-аç* (*-еç*) от N, A, V, M; *-ка* (*-ке*) от V, M. Но имеются аффиксы, которые могут образовать глаголы только от одной части речи. Так, аффиксы *-кар* (*-кер*), *-тар* (*-тер*) образуют глаголы только от существительных, аффиксы *-ярла* (*-ёрле*), *-майш* (*-мёш*), *-маш* (*-меш*), *-пән* (*-пён*), *-път* (*-пёт*) от глаголов, аффиксы *-кяр* (*-кёр*), *-хяр* (*-хёр*), *-каш* (*-кёш*), *-каш* (*-кеш*), *-ра* (*-ре*), *-тат* (*-тет*) — от подражательных слов.

Глаголы, мотивированные существительными

1. Модель N + *-ла* (*-ле*) = V образует глаголы, выражающие следующие значения: 1) делать, производить что-либо при помощи или посредством того, на что указывает

мотивирующая основа глагола (от названий орудий, инструментов): *вёренле* «привязать веревкой», *пйрала* «буровать», *сўреле* «боронить», *утюгла* «утюжить, гладить утюгом»; 2) делать что-либо с использованием материала, названного мотивирующей основой (от названий вещества, материалов): *асфальтла* «асфальтировать», *им-самла* «обрабатывать химикатами»; 3) «прийти к результату, названному мотивирующей основой» (от названий вещественных результатов): *консервла* «консервировать», *купала* «сваливать в кучу», *сортла* «сортировать», *тёшёле* «лущить, очищать от скорлупы, шелухи; вынимать, доставлять ядро»; 4) проводить действие, указанное мотивирующей основой (от названий действий): *агитациле* «агитировать», *венчетле* «обвенчать», *сунасла* «чихать», *механизациле* «механизировать»; 5) направлять действие на объект, указанный мотивирующей основой (от конкретных существительных): *кйкла* «корчевать», *шйлла* «делать зубцы», *тёрёле* «вышивать», *апатла* «кормить»; 6) проявлять действие как предмет, указанный мотивирующей основой (от имен, называющих конкретные предметы): *кутамккала* «носить на спине (как котомку)», *витреле* «лить как из ведра (о дожде)», *картинла* «обрисовать»; 7) действовать в направлении, указанном мотивирующей основой (от имен со значением места): *ёнселе* «бить по затылку, избивать», *тўпеле* «класть выше краев, накладывать доверху», *янахла* «бить в челюсть», *ничевле* «запрягать (лошадь) в пристяжку», *кёрекеле* (Я. Ухсай) «посадить на почетное место за столом»; 8) проводить время, указанное мотивирующей основой (от слов, называющих отрезки времени): *ёмёрле* «вековать», *кунла* «проводить день», *касла* «коротать, проводить вечер», *вйхйтла* «проводить время»; 9) совершать действия тех, кто (что) указан(о) мотивирующей основой (от названий лиц, механизмов): *буксирла* «буксировать», *конвоирла* «конвоировать», *вйрла* «воровать», *дирижерла* «дирижировать», *хуралла* «охранять», *линчла* «линчевать». Модель способна участвовать в образовании новых слов.

2. Модель N + *-лан (-лен)* = V образует множество глаголов со значениями: 1) занять, приобретать себе что-либо: *суранлан* «пораниться, получить рану», *парймлан* «задолжать, лезть в долги», *юнлан* «окровавиться, испачкаться в крови»,

кил-йышлан «заиметь семью»; 2) подвергаться действию, указанному мотивирующей основой: *тёлёклен* «видеть во сне», *асаплан* «мучиться, страдать», *шиклен* «бояться», *курна́слан* «капризничать, кривляться», *революцилен* «революционизироваться», *ёмётлен* «мечтать»; 3) приобретать признак того лица или предмета, который назван мотивирующим существительным: *кайклан* «становиться диким, дичать», *кёселлен* «становиться подобным киселю», *кёмёллен* «серебриться», *сўслен* «мочалиться, лохматиться», *ху́салан* «хозяйничать, распоряжаться подобно хозяину»; 4) собираясь, соединяясь, создавать данный предмет — совокупность других предметов: *купалан* «скучиваться», *ушкáнлан* «толпиться», *кў́лен* «скопяться (о воде)», *сў́пёлен* «покрываться сором, засоряться»;

Речевые образования: *ви́рьяловлан* (А. Артемьев) «стать похожим на Ви́рьялова, поступать, как Ви́рьялов», *маяматви́лен* (П. Хусанкай) «стать похожим на Матвея Подкладышева».

3. Модель N + *-лат (-лет)* = V образует глаголы со значениями: 1) наделять, покрывать предметом, названным мотивирующим существительным: *хурсáлат* «наваривать, приваривать сталь», *туллат* «покрывать материей», *сухалат* «пришить воротник»; 2) приводить к определенному результату, названному мотивирующим существительным: *илемлет* «украшать», *мáйшáрлат* «соединять в пары», *ушкáнлат* «группировать»; 3) придавать форму предмета, указанного мотивирующим существительным: *тáваткаллат* «делать четырехугольным (квадратным)», *кантралат* «придать вид веревки, сделать наподобие веревки», *шáйрсалат* «делать похожим на бусы», *чáваишлат* «делать на чувашский лад», *кáйшкарлат* «делать похожим на обод (например, решето)»; 4) приводить в действие или состояние, названное мотивирующим существительным: *ўсёмлет* «растить», *хавхалат* «радовать», *сехёрлет* «наводит страх, ужас».

4. Модель N + *-лаш (-леш)* = V образует глаголы со значениями: 1) вести себя подобно лицу или животному, названному мотивирующим существительным: *качакалаш* «вести себя подобно козе», *хуртлаш* «вести себя как насекомое»; 2) принимать участие в процессе, указанном мотивирующим существительным: *ту́йлаш* «токовать», *тавлаш* «спорить», *сутлаш* «судиться», *сых(á)лаш* «схватываться, сцепляться»; 3) при-

водить в состояние, указанное мотивирующим существительным: *мирлеш* «мириться», *шайлаш* «уравновешиваться», *туслаш* «подружиться, стать друзьями», *тйаванлаш* «породниться»; 4) направлять действие в сторону предмета, выраженного производящей основой: *сўслеи* «схватиться за волосы».

5. Модель N + *-ар* (*-ер*), *-ёр* (*-ёр*) = V образует глаголы со значениями: 1) выполнять действие, приводящее к результату, указанному производящей основой: *пасар* «заиндеветь, покрываться инеем», *тинкер* «сосредоточить внимание», *ёнер* «настраивать (инструмент)» (от *ун* «голос»; см.: Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, ч. 1. С. 188); 2) выполнять действие, выраженное именем существительным: *хуйхёр* «горевать, печалиться», *тёлёр* «дремать, спать» (от тюрк. *тёл* «сон»); 3) выполнять действие, совершаемое при помощи предмета (объекта, орудия труда), выражаемого именем существительным: *какар* «привязывать», *кёлер* «золить, бучить», *шйвар* (<*шывар* «поить, поливать, закаливать (металл)»); 4) выполнять действие, совершаемое в направлении, указанном существительным: *нусар* «начинать, зачинать, положить начало», *сывахар* «близиться, приближаться», *вёсер* «отцеплять» (букв. «освободить, развязать конец»).

6. Модель N + *-ах* (*-ёх*) = V образует глаголы со значениями: 1) приходиться в состояние, названное мотивирующим существительным: *вёчёх* «злиться, раздражаться», *тарёх* «досадовать, сердиться, обижаться» (ср. казах. *тарт* «трудное состояние»), *япёх* «становиться плохим» (ср. *айп* «недостаток, порок, изъян»), *суйёх* «кричать, визжать»; 2) совершиться при помощи предмета (орудия), названного существительным: *кусёх* «сглазиться, подвергнуться действию чужого (дурного) глаза», *юпёх* «покрыться (кровоподтеками)», *сулёх* «приставать, привязываться» (< встречаться, попадаться).

7. Модель N + *-а* (*-е*) = V образует некоторые глаголы от существительных с согласным в ауслауте: *сйна* «наблюдать, примечать» (от *сйн* «облик»), *тёсе* «обращать внимание, замечать, примечать» (от *тёс* «цвет»), *авра* «завертывать, навивать» (от *авёр* «омут, водоворот»). Вероятно, по этой же модели образованы глаголы *пура* «рубить, ставить сруб», *сўре* «боронить», где деривационный аффикс *-а* (*-е*) совпал с глас-

ным конца основы, т.е. произошло наложение морфов. Но вполне допустимо полагать, что здесь от глаголов образовались существительные способом конверсии. Окончательное решение вопроса возможно только в результате этимологического анализа.

8. Модель $N + \text{-}\dot{a}l \text{ (-}\dot{e}l\text{)}, \text{-}al \text{ (-}el\text{)} = V$ образует непереходные глаголы со значением «принимать свойства предмета, указанного производящей основой»: *нимёрёл* «превращаться в кисель», *сурал* «рождаться», *тёмескел* «становиться бугристым, холмистым», *тёсел* «поправиться, выглядеть хорошо», *кёвел* или *кёвёл* «свертываться (о молоке)».

9. Модель $N + \text{-}\dot{a}n \text{ (-}\dot{e}n\text{)}, \text{-}an \text{ (-}en\text{)} = V$: *асан* «вспомнить, упоминать» (от *ас* «память»), *йаван* «падать, перевертываться», *йишан* «принимать, занимать», *пёвен* «запруживаться, заполняться водой», *пушан* «начинать, приниматься», *силлен* «сердиться, злиться», *тутан* «пробовать на вкус, отведывать», *чиптан* «окутываться», *листан* (П. Хусанкай) «перевернуться (о листе, странице)».

10. Модель $N + \text{-}\dot{a}rxa \text{ (-}\dot{e}rxe\text{)}, \text{-}\dot{a}rka \text{ (-}\dot{e}rke\text{)} = V$: *асарха* «замечать, подмечать, присматривать, наблюдать», *йшарха* «быть в жару, разгорячиться».

11. Модель $N + \text{-}a\check{s} \text{ (-}e\check{s}\text{)}, \text{-}\dot{a}\check{s} \text{ (-}\dot{e}\check{s}\text{)} = V$: *вырнас* «устраиваться, помещаться, вмещаться», *валес* «раздавать, делить, распределять».

12. Модель $N + \text{-}am \text{ (-}em\text{)}, \text{-}\dot{a}t \text{ (-}\dot{e}t\text{)} = V$: *кёсёт* «зудеть, чесаться», *секлет* «зацепить, задеть», *сурат* «рожать», *тёмет* «окучивать», *хавхат* «возбуждать, взволновать, воодушевлять». Аффиксы *-am* (*-em*), *-ät* (*-ët*) гораздо более активны в построении слов по модели $A + \text{-}am \text{ (-}em\text{), -}m\text{)}, \text{-}\dot{a}t \text{ (-}\dot{e}t\text{)} = V$.

13. Модель $N + \text{-}kar \text{ (-}ker\text{)} = V$: *янкар* «догадываться, соображать, понимать, разуметь», *тйнкар* диал. «понимать», *пушкар* «понимать, смекать» (от *пуш* «голова»).

14. Модель $N + \text{-}ta \text{ (-}te\text{)} = V$: *варта* «тесать, обтесывать», *мухта* «хвалить» (< хак. *мах* «хвала»), *чймърта* «сжимать, пожимать» (от *чймър* «шар, кулак»).

15. Модель $N + \text{-}tar \text{ (-}ter\text{)} = V$: *суестер* «лгать, врать, фальшивить».

16. Модель N + *-аш (-еш), -айш (-ёш)* = V: *арнаш* «запутываться, смешиваться», *хуйхааш* «пугаться, метаться в страхе».

17. Модель N + *-ишн (-иён)* = V: *хутишн* «присоединяться, смешиваться, перемешиваться» (от *хут* «слой»), *пёшкён* (< *пёкиён*) «нагибаться, наклоняться», *шикишён* «страшиться, бояться, трусить».

18. Модель N + *-тар (-тер)* = V: *суетер* «лгать, обманывать, врать».

19. Модель N + *-че* = V: *тёпче* «выпытывать, расспрашивать, исследовать», *ёрче* (от *ёр* ~ *ур*) «размножаться».

Глаголы, мотивированные прилагательными

1. Модель A + *-ла (-ле)* = V образует глаголы со значениями: 1) наделять признаком, указанным мотивирующим прилагательным (переходные): *айсла* «изобретать», *капрла* «наряжать, украшать», *хитреле* «сделать красивым, украшать», *тикёсле* «ровнять, уравнивать, подравнивать», *сивёчле* «сделать острым, точить», *такёрла* «делать ровным, гладким, утаптывать, укатывать», *тйвёрла* «делать тесным, узким», *пахала* «оценивать»; 2) проявлять признак, названный мотивирующим прилагательным (непереходные): *уксахла* «хромать», *вйрахла* «мешкать, медлить», *сулхйла* «становиться прохладным, холодать»;

2. Модель A + *-лан (-лен)* = V образует глаголы со значениями: 1) проявлять признак, названный мотивирующим прилагательным (непереходные): *канйссарлан* «беспокоиться, тревожиться, волноваться», *чеелен* «хитрить», *чйрсарлан* «буянить», *хастарлан* «проявлять храбрость, мужество»; 2) приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным (непереходные): *симёслен* «становиться зеленым», *вёрилен* «становиться жарким (горячим)», *суккёрлан* «становиться слепым», *тутлёмарлан* «становиться менее вкусным».

Некоторые производные глаголы, образованные от прилагательных на *-лй (-лё)*, могут утратить этот аффикс в результате наложения морфем и выглядеть как слова, образованные от существительных. В современном языке употребляются по два варианта: *чаплйлан* и *чаплан* «прославиться», *ййшлйлан* и *ййшлан* «множиться, увеличиваться (численно)», *тутлйлан* и *тут-*

лан «становиться вкусным, приобрести приятный вкус», *ваййла́лан* и *вайла́н* «становиться сильным» и др.

3. Модель A + *-лат* (*-лет*) = V образует глаголы со значением «наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным»: *пёчэклет* «уменьшать», *лутрала́т* «делать низким», *йи́йхлат* «делать мелким, неглубоким», *ма́нтáрлат* «делать толстым, тучным, жирным, упитанным (о животных)», *те́ссьерлет* «делать бесцветным», *анса́рлат* «делать более простым, упрощать».

4. Модель A + *-лаш* (*-леш*) = V образует глаголы со значениями: 1) проявлять признак, названный мотивирующим прилагательным: *кута́нлаш* «упрямиться, капризничать, артачиться», *хиврелеш* «говорить резко»; 2) приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным: *танлаш* «поравняться, сравняться», *сыва́хлаш* «сближаться».

5. Модель A + *-ат* (*-ет*), *-а́т* (*-ё́т*, *-т*) = V образует глаголы со значениями: 1) наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным (переходные): *ве́тет* «мельчать, размельчать», *йу́нет* «снижать цену, удешевлять», *йу́сё́т* «квасить, заквашивать», *кивет* «старить, изнашивать», *кужа́рт* «искривлять, загибать», *ма́кат* «тупить, делать тупым», *ну́рет* «увлажнять, делать сырым», *пушат* «освобождать, ослаблять», *сиве́т* «охлаждать, остужать», *се́нет* «обновлять, делать новым», *сута́т* «светить, освещать», *сухат* «терять» (от *сук* «нет»), *тупе́т* «сушить, вялить», *хурат* «чернить, грязнить, пачкать», *ше́вет* «разжижать, делать жидким», *шупка́т* «делать бледным»; 2) проявлять признак, названный мотивирующим прилагательным (непереходные): *ма́нат* «заважничать», *уя́рт* «прояснить, разведриться», *сиве́т* «холодать, свежеть», *айа́т* «теплеть».

6. Модель A + *-ал* (*-ел*), *-а́л* (*-ё́л*) = V образует глаголы со значением становления и развития признака, названного мотивирующим прилагательным: *кужа́ра́л* «искривляться, изгибаться», *каса́ра́л* «выпячивать грудь вперед; откидывать голову назад», *вата́л* «стареть, стариться», *кивел* «ветшать, изнашиваться», *се́нел* «обновляться», *та́ра́л* «отстаиваться, становиться прозрачным», *ке́скел* «сокращаться, укорачиваться», *сута́л* «осветиться, светиться», *ма́кал* «становиться тупым», *таса́л* «очищаться», *сарал* «желтеть», *хурал* «чернеть, становиться гряз-

ным», *вѣтел* «мельчать, становиться мелким», *шѣвел* «становиться жидким», *йўнел* «дешеветь», *кивел* «ветшать, становиться ветхим», *чѣрѣл* «ожить, выздороветь», *шѣвел* «становиться жидким, водянистым», *сывал* «поправляться, выздороветь». Глагол *сұхал* «теряться» также образован по данной модели. Все глаголы непереходные. Модель продуктивная.

7. Модель $A + \text{-} \text{ӓн} (-\text{ӓн}), \text{-} \text{ан} (-\text{ен}) = V$ образует немногочисленную группу глаголов со значением «проявлять признак, названный мотивирующим прилагательным»: *ӓшӓн* «греться, согреваться», *йӓпен* «мокнуть, промокнуть, сыреть, становиться сырым», *пурӓн* «жить» (от пур «иметься; имеющийся»), *пушан* «пустеть, становиться пустым», *сивӓн* «охлаждаться, остывать», *типӓн* «сушиться, обсушиваться» (ср. *йӓпен*).

8. Модель $A + \text{-} \text{ӓр} (-\text{ӓр}), \text{-} \text{ар} (-\text{ер}) = V$ образует глаголы со значением действия, приводящего к качественному результату: *кавакар* «синеть, седеть», *питӓр* «запирать, закрывать», *палӓр* «проявляться, быть заметным», *ешер* «зеленеть, становиться зеленым», *сывхар* «близиться, приблизиться».

9. Модель $A + \text{-} \text{ӓх} (-\text{ӓх}) = V$ образует глаголы со значением «приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным»: *пӓчӓх* «задыхаться», *сарӓх* «желтеть», *ютӓх* «отчуждаться, становиться чужим», *сұтӓх* «просвечивать, светиться», *сӓтӓх* «жадничать».

10. Модель $A + \text{-} \text{аҫ} (-\text{еҫ}), \text{-} \text{ӓҫ} (-\text{ӓҫ}) = V$: *йўнеҫ* «оправдывать себя, окупаться (в цене, в стоимости)», *пӓтӓҫ* «соединяться, сливаться, сплавиваться». Глагол *сұраҫ* «мириться, сговариваться» образован от дробного числительного *сұрӓ* «половина».

11. Модель $A + \text{-} \text{а} (-\text{е}) = V$: *хӓне* «бить, избивать».

12. Модель $A + \text{-} \text{шӓн} (-\text{шӓн}) = V$: *ютшӓн* «чуждаться, избегать, стесняться».

13. Модель $A + \text{-} \text{ӓш} (-\text{ӓш}) = V$: *сарӓш* «желтеть, становиться желтым».

Глаголы, мотивированные числительными

1. Модель $Z + \text{-} \text{лан} (-\text{лен}) = V$: *иккӓлен* «сомневаться, колебаться».

2. Модель $Z + \text{-} \text{лаш} (-\text{леш}) = V$: *пӓрлеш* «объединяться, соединяться».

Глаголы, мотивированные местоимениями

Модель Р + *-лат (-лет)* = V: *пётёмлет* «обобщать», *урэх-лат* «делать по-другому, переиначивать».

Глаголы, мотивированные наречиями

1. Модель Adv + *-лан (-лен)* = V: *сарранлан* «разуваться», *ерипенлен* «делать движения медленнее», *майёпенлен* «делать движения постепенно», *хуленлен* «становиться медленнее, тише».

2. Модель Adv + *-лат (-лет)* = V: *хэвэртлат* «ускорять, убыстрять, прибавлять в скорости», *хуленлет* «замедлять, убавлять в скорости».

Глаголы, мотивированные подражательными словами

1. Модель М + *-каш (-кеш)*, *-кэш (-кёш)* = V образует глаголы со значениями: 1) издавать звук, указанный мотивирующим подражательным словом: *на́йкэш* «ныть, пищать, визжать», *харкаш* «рычать друг на друга (о собаках); ссориться», *ча́ркэш* «ссориться, вздорить, скандалить»; 2) производить движение, образ которого выражен мотивирующим подражательным словом: *варкэш* «веять (о ветре), развеяться (на ветру)», *вёлкэш* «мягко колебаться, развеяться», *ялкэш* «пылать, ярко гореть», *тёлкэш* «гореть (о тлеющих углях)».

2. Модель М + *-лат (-лет)* = V образует множество переходных глаголов со значениями: 1) издавать звук, указанный мотивирующим подражательным словом: *хамлат* «лаять, гавкать», *шаклат* «щелкать; ударяться, чокаться», *вёслет* «науськивать», *нартлат* «крякать», *шиплет* «пищать (о цыплятах)», *ка́риклет* «скрипеть (например, о телеге, двери)», *на́риклет* «визжать (о поросенке)»; 2) производить движение, образ которого выражен мотивирующим подражательным словом: *ялтлат* «блестеть, сверкать, вспыхивать (о молнии)», *мёлтлет* «мелькать, мигать, мерцать», *вёлтлет* «мелькать, быстро двигаться, мгновенно исчезать из глаз», *яртлат* «легко идти, двигаться размашистыми шагами». Речевые образования: *тетлет* «часто употреблять слово *тет*», *чимлет* «часто произносить слово *чим*».

Важно отметить одну семантическую особенность аффикса *-лат (-лет)*. Если этот аффикс при соединении с именами

образует глаголы активного действия, то при употреблении с подражательными словами он создает глаголы пассивного действия.

3. Модель $M + -tat (-tet) = V$ образует множество глаголов от двусложных подражательных слов (с элементами *-ӕл (-ӕл)*, *-ӕр (-ӕр)*). Эти глаголы выражают значения: 1) издавать звук, указанный мотивирующим подражательным словом: *ахӕлтат* «хохотать», *кӕмсӕртет* «грохотать, греметь, громы-хать», *мӕрӕлтат* «мурлыкать», *пӕчӕртат* «шипеть» (о пиве), *пӕшӕлтат* «шептаться», *шалтӕртат* «стучать»; 2) производить движение, образ которого передается мотивирующим подражательным словом: *вӕлтӕртет* «рябить, развеваться, колы-хаться», *йӕлтӕртат* «гореть, пылать, блестеть, сверкать, сия-ть», *тӕпӕлтат* «барахтаться; брыкаться, биться».

4. Модель $M + -a (-e) = V$ образует глаголы со значением «издавать звук или производить движение, указываемое мотивирующим подражательным словом»: *лӕка* «трясти», «мешать, взбалтывать», *чӕтре* «дрожать», *ялтӕра* «сиять, свер-кать, блестеть», *йӕлтӕра* «слабо сиять, сверкать, блестеть», *алчӕра* «рябить (в глазах)». Пожалуй, сюда же следует вклю-чить глаголы *ян(ӕ)ра* «звенеть», *чӕт(ӕ)ре* «дрожать, трястись, трепетать», *навра* «болтать, трещать без умолку».

5. Модель $M + -ka (-ke)$, $-kka (-kke) = V$ образует множе-ство глаголов со значениями: 1) издавать звук, указанный мотивирующим подражательным словом: *лӕрка* «ворчать, брюз-жать», *нӕйка* «пищать, издавать писк», *пашка* или *пӕшка* «пых-теть», *шакка* «стучать», *чапка* «чавкать, лакать», *мӕрка* «брюз-жать, ворчать», *тӕпке* «колотить», *тӕпкке* «бить, колотить (производя отрывистые глухие звуки)», *чашка* «шипеть (о па-ровозе)», *янка* «громко кричать»; 2) производить движение, образ которого выражен мотивирующим подражательным сло-вом: *ланкка* «шататься, слоняться; ходить, ездить попусту, без надобности», *йӕркка* «бежать рысью, трусить», *танкка* «плес-тись пешком; идти неуверенными шагами», *янкка* «слоняться без дела»; 3) ощущать чувства, образ которых выражен моти-вирующим подражательным словом: *йӕшка* «ныть, щемить, болеть». Все глаголы, образованные по данной модели, непе-реходные.

6. Модель М + *-кӑн (-кӕн)* = V образует глаголы, обозначающие движение, образ которого передается подражательным словом: *вашкӑн* или *вӑшкӑн* «ходить быстро, стремительно», *виркӕн* «мчаться, стремительно двигаться».

7. По модели М + *-кӑр (-кӕр)*, *-хӑр (-хӕр)* = V созданы образные глаголы со значением «издавать звук, указанный мотивирующим подражательным словом». Но многие их производящие основы в современном языке самостоятельно не употребляются: *чашкӑр* «шипеть», *мӕкӕр* «реветь, мычать (о людях и животных)», *ӱхӕр* «выть», *какӑр* «рыгать, отрывивать», *макӑр* «плакать, мычать, блеять», *схӑр* «кричать, визжать», *сӱхӕр* «визжать», *шӑхӑр* «свистеть», *тулхӑр* «фыркать», *ихӕр* «хохотать, визжа (о женщинах и детях)», *кӑшкӑр* «кричать, выкрикивать», *ахӑр* «громко ржать; громко, несдержанно смеяться».

8. Модель М + *-ла (-ле)* = V образует глаголы, выражающие значение «издавать (произносить) звук, который имитирует производящая основа»: *кашла* «шуметь», *кӕрле* «греметь, грохотать», *кӑтикле* «кудахтать», *нӑрла* «жужжать (о жуке)», *мӑрла* «мурлыкать», *чашла* «шипеть», *ӱле* «выть», *мӕшле* «сопеть», *нӕрле* «гнусавить».

9. Модель М + *-лаш (-леш)* = V образует глаголы со значением «издавать звук или произносить принятое в языке слово прощания, указанное мотивирующим подражательным словом или междометием»: *сыв нулаш* «прощаться», *саламлаш* «приветствовать друг друга».

10. Модель М + *-та (-те)* = V образует глаголы со значением «производить движение, имитируемое подражательным словом»: *йӑшта* «разрыхлять», *йӕкӕлте* «дразнить, травить», *лапӑрта* «грязнить, пачкать», *мӑкӑлта* «вывихнуть», *вӕчӕлте* «зудеть, чесаться», *пӑчӑрта* «жать, пожимать, выжимать».

11. Модель М + *-лан (-лен)* = V: *кӕпӕрлен* «толпиться, толкаться, собираться в кучу», *тӑн-тӑнлан* «становиться крепким, прочным», *тӑп-тӑплан* «становиться аккуратным», *вӑр-варлан* «становиться проворным, расторопным».

12. Модель М + *-ра (-ре)* = V: *явра* «звенеть», *павра* «болтать, трещать без умолку».

13. Модель $M + -ш\ddot{a}n (-ш\ddot{e}n) = V$: *й\ddot{a}пш\ddot{a}n* «лгнуть, приставать, притаиться».

Глаголы, мотивированные глаголами

1. Модель $V_1 + -к\ddot{a}n (-к\ddot{e}n) = V_2$ образует глаголы: 1) выражающие интенсивное движение: *ашк\ddot{a}n* «шалить, баловаться», *в\ddot{a}йк\ddot{a}n* «бросаться, устремляться (со всей силой)», *в\ddot{a}рк\ddot{a}n* «стремительно нестись», *в\ddot{e}ск\ddot{e}n* «умчаться, убежать», *ш\ddot{a}ск\ddot{e}n* «быстро бежать, мчаться», *ытк\ddot{a}n* (ср. *ыв\ddot{a}тк\ddot{a}n*, диал. *утк\ddot{a}n* «устремляться, бросаться, кидаться»), *чавк\ddot{a}n* «идти стремительно, быстро»; 2) выражающие усиленное действие: *выск\ddot{a}n* «проголодаться, изголодаться», *ш\ddot{a}лк\ddot{a}n* «тереться, ласкаться, ластиться». Все глаголы являются непереходными.

2. Модель $V_1 + -\ddot{a}x (-\ddot{e}x) = V_2$ образует глаголы, выражающие замкнутое действие, сосредоточенное в субъекте, т.е. медиальное значение: *ас\ddot{a}x* «беситься», *выс\ddot{a}x* «проголодаться», *ён\ddot{e}x* «быть опаленным, обожженным», *ирт\ddot{e}x* «шалить, наглеть», *й\ddot{a}ш\ddot{a}x* «болеть, ныть, недомогать», *й\ddot{u}с\ddot{e}x* «киснуть, скисать», *куш\ddot{a}x* «черстветь, сохнуть, высыхать, обветреть, огрубевать», *мурт\ddot{a}x* «подгнивать, глеть» (от *мурт* «становиться трухлявым»), *н\ddot{a}ш\ddot{a}x* «запыхаться, задохнуться», *пис\ddot{e}x* «становиться прочным, гибким, закалиться», *ш\ddot{a}т\ddot{a}x* «жадничать», *п\ddot{u}с\ddot{a}x* «слеживаться, портиться», *шар\ddot{a}x* «уставать (о глазах)», *юнш\ddot{a}x* «тосковать».

3. Модель $V_1 + -м\ddot{a}ш (-м\ddot{e}ш), -маш (-меш) = V_2$ образовала глаголы с учащательным значением: *ерм\ddot{e}ш* или *ермеш* «связываться, путаться», *й\ddot{e}рм\ddot{e}ш* или *й\ddot{e}рмеш* «плакать, хныкать, жаловаться», *урм\ddot{a}ш* «скандалить, бесноваться, бушевать», *кармаш* «тянуться, стремиться». К числу этих глаголов, очевидно, относятся и слова *к\ddot{e}рмеш* «возиться, бороться», *т\ddot{a}рмаш* «возиться, копаться», *урм\ddot{a}ш* «скандалить, бредить, бушевать», *ылмаш* «сменяться, чередоваться, перемежаться», т.е. глаголы, выступающие в качестве словообразующей (мотивирующей) основы.

4. Модель $V_1 + -ала (-еле) = V_2$ образовала глаголы, выражающие усилительное значение. В.Г. Егоров подобные образования рассматривал как словоизменительные формы [11,

с. 183], М.Р. Федотов — как производные глаголы [26, с. 60]. Круг производных глаголов, образованных по данной модели, небольшой: *вётеле* «палить, опаливать, сжигать»; *сапала* «разбрасывать, рассеивать»; *сёвеле* «отдирать, сдирать, снимать (кору)»; *сырала* «наматывать (нить на веретено)»; *ултала* «обманывать, лгать» (< *вэлт* «выпытывать, выведывать (обманом)»); *ухала* «растирать (чтобы не обморозиться)»; *хāvала* «гнать, прогонять»; *чавала* «копать, рыть, ковырять (беспорядочными движениями)»; *явала* «обвивать, обматывать».

Некоторые образования употребляются только с аффиксом *-н*: *йшталан* «заботиться, печься (о ком-либо)»; *тапалан* «барахтаться, биться»; *хāпалан* «коробиться, отставать (о коре); высыпать (о сыпи)»; *чикелен* «кувыркаться, перевертываться (через голову)».

5. Модель $V_1 + \text{-ārla} (\text{-ērla}) = V_2$: *ййтāрла* «взять в охапку; нести, взяв в охапку», *хёсёрле* «теснить, лишать простора, притеснять», *хупāрла* «покрывать, прикрывать; окружать со всех сторон», *хуптёрле* «окружать», *тапāрла* «пришпоривать (коня)».

6. Модель $V_1 + \text{-āрка} (\text{-ēрке}), \text{-āрха} (\text{-ēрхе}) = V_2$: *хытāрка* «сохнуть, кочевать, дрожать (от холода)», *кушāрка* (варианты: *кушāрха*, *куштāрка*) «сохнуть, черстветь, обветривать, огрубевать», *кўтёрке* «кочевать, мерзнуть», *суптāрка* «выбиться из сил, обессилеть, измучиться». Как видно из примеров, иногда в анлауте аффикса может находиться элемент *т*.

7. Модель $V_1 + \text{-āрхан} (\text{-ēрхен}), \text{-āркан} (\text{-ēркен}) = V_2$: *пāшāрхан* «беспокоиться, тревожиться, обижаться» (от *пāш* «тосковать»), *вāйāрхан* (диал. *вырхан*) «негодовать, сердиться, обижаться», *вёчёрхен* «злиться, сердиться, раздражаться».

8. Модель $V_1 + \text{-āрāл} (\text{-ēрёл}) = V_2$: *сўтёрёл* «становиться вялым», *пёкёрёл* «сгибаться, гнуться, сутулиться, горбиться».

9. Модель $V_1 + \text{-ка} (\text{-ке}) = V_2$: *вёрке* «дуть, кружить (о ветре, снеге)», *катка* «откалывать, колоть», *пёрке* «укутывать, одевать с головою», *сёнке* «плестись, еле идти», *тёрке* «свертывать, завертывать».

10. Модель $V_1 + \text{-ла (-ле)} = V_2$: *пайшӑхла* «запаривать, обрабатывать кипятком», *тухатла* «колдовать, ворожить», *хӑпар-тла* «приподнять; взбить»(?), *сулла* «качать, раскачивать, махать, размахивать, кивать», *тиркешле* (И. Тӑхти) «придираться, порочить».

11. Модель $V_1 + \text{-лан (-лен)} = V_2$: *тапашлан* «барахтаться, биться, карабкаться», *ӓмӓртлан* «соревноваться, состязаться», *хӑпартлан* «подниматься, приподниматься; перен. воспрянуть духом», *пӗтӗслен* «оплодотворяться», *чыхлан* «подавиться, завязнуть», *путлан* «задержаться, застрять, заглохнуть», *каппайлан* «хвастаться», *курнӑслан* «кривляться, ломаться».

12. Модель $V_1 + \text{-пӑн (-пӗн)} = V_2$: *сирпӗн* «рассыпаться», *чӗлпӗн* «расщепляться, раскалываться», *чӑрпӗн* «рассыпаться».

13. Модель $V_1 + \text{-пӑт (-пӗт)} = V_2$: *сирпӗт* «брызгать, опрыскивать, взрывать», *чӗлпӗт* «расщеплять, раскалывать», *чӑрпӗт* «шепать (лучину)».

14. Модель $V_1 + \text{-та (-те)} = V_2$: *пӗрте* «утеплять» (от *пӗр* «сужать, стягивать»), *тапта* «топтать, мять» (от *тап* «толкать ногой, пинать»). Формы *висте*, *хисте*, *хӑрта*, очевидно, восходят к словам, производящие основы которых утратили свои значения.

15. Модель $V_1 + \text{-шӑн (-шӗн)} = V_2$: *типшӗн* «сохнуть, высыхать, подсыхать», *пӗршӗн* «прижиматься, свертываться», *сӗршӗн* «гнить, преть», *варшӑн* «зарываться, смешиваться».

16. Модель $V_1 + \text{-че} = V_2$: *кӑпче* «разбухаться, раздуваться».

О категории залога

Известно, что одни и те же аффиксы, образующие глаголы от глаголов, могут иметь не только словообразовательное, но и залоговое значение. И очень часто трудно установить границу между производными глаголами и залоговыми формами глагола.

Как правило, если одно из значений деривационного аффикса получает интенсивное развитие, то в результате увеличения сферы употребления аффикса и приобретения им новых грамматических свойств может возникнуть омонимичный формообразующий аффикс. Так, в чувашском язы-

ке наряду с деривационным аффиксом образования отглагольных имен на *-а (-е)* существует формообразующий аффикс *-а (-е)*; от аффикса *-сӑр (-сёр)*, образующего прилагательные, возник аффикс лишительного падежа *-сӑр (-сёр)*. Но едва ли можем утверждать, что в настоящее время в чувашском языке полностью установилась категория залога: во-первых, ни один из аффиксов, которые иногда могут выступать в роли залогового показателя, не употребляется в той мере, какая нужна формообразовательным аффиксам; употребление того или иного залогового аффикса зависит от лексических значений многих глаголов, как это обычно свойственно словообразованию; во-вторых, так называемые залоговые формы не перестают еще служить базой для дальнейшего аффиксального словообразования (*сӑп-ӑс-у* «драка, сражение, борьба»), тем более один залоговый аффикс может стоять возле другого (*сӑпӑстар* «позволить (заставить) драться друг с другом»).

Более того, в чувашском языке наблюдается ослабление тенденции к созданию залогообразующих аффиксов. Взять хотя бы такой факт. Если во многих современных тюркских языках довольно продуктивно употребляется суффикс *-ӑл (-ёл)* в роли форматива страдательного залога, то в чувашском языке указанный аффикс во многом утратил признаки страдательного залога. То, что в синтаксическом отношении чувашский язык избегает употребления пассивных конструкций, как раз связано, на наш взгляд, с сильным уменьшением роли этого залога.

В силу указанных причин в образовании производных глаголов мы не выделяем категорию залога как таковую, а только наряду с выявлением словообразовательных значений отмечаем и залоговые значения.

1. Модель $V_1 + \text{ӑн} (-ён) = V_2$ образует глаголы, выражающие значения: 1) направлять действие, указанное мотивирующей основой, на самого себя (значение возвратного залога): *асӑрхан* «остерегаться», *мухтан* «хвалиться», *сӑлӑн* «спасаться»; 2) подвергаться действию, указанному мотивирующей основой, со стороны другого субъекта: *авсӑн* «веяться, провеиваться», *айӑплан* «обвиняться», *савалан* «строгаться», *суйлан* «быть избранным, избираться». По этой же модели образуются глаголы с возвратно-медiallyм зна-

чением: *савӑн* «радоваться», *тӗкӗн* «прикасаться», *хупӑн* «закрывать», *сытсӑн* «прилепляться, приставать».

Иногда одно и то же производное слово в зависимости от контекста может означать все указанные значения: *сапӑн* а) «париться, бить себя (в бане)», б) «удариться; стукнуться (об что-либо)», в) «печататься»; *сырӑн* а) «регистроваться (в загсе)», б) «быть записанным», в) «подписываться (на периодические издания)»; *авӑн* а) «гнуться (по собственной воле)», б) «гнуться (под действием другого субъекта)».

2. Модель $V_1 + \text{-ӑл (-ӗл)} = V_2$ образует небольшую группу глаголов с возвратно-медiallyм значением, употребляемых в основном с существительными, обозначающими предметы неживой природы: *вӗрӗл* «простудиться после болезни», *ейӗл* «разливаться», *касӑл* «резаться, рубиться, пилиться», *катӑл* «откалываться, отламываться», *пӑсӑл* «портиться», *пӗтӗрӗл* «крутиться, виться», *сарӑл* «распространяться, расстилаться», *сирӗл* «рассеиваться, раздвигаться, сторониться», *сӗтӗл* «распутываться, разматываться», *тӑсӑл* «тянуться, растягиваться», *уҫӑл* «открываться», *хуҫӑл* «ломаться, переламываться».

Из приведенного списка глаголов видно, что их большая часть образована от односложных глаголов. Это означает, что аффикс *-ӑл (-ӗл)* продуктивно употреблялся в далеком прошлом. В современном языке эта продуктивность утрачена.

3. Модель $V_1 + \text{-ӑш (-ӗш), -аш (-еш)} = V_2$ образует глаголы со значениями: 1) производить взаимное действие, указанное мотивирующей основой (значение взаимного залога): *пуплеш* «переговариваться», *сӗкӗш* «бодаться», *перӗш* «перекидываться, кидать друг другу», *саламлаш* «приветствовать друг друга»; 2) производить совместное действие (значение взаимного залога): *ахӑраш* «хохотать», *шавлаш* «шуметь», *вӗркӗш* «бегать без дела, суетиться», *суйхаш* «кричать, шуметь, визжать», *хӗвӗш* «суетиться»; 3) неполноты действия: *макӑраш* «плакаться, хныкать», *тиркеш* «придираться, быть прихотливым», *ӳпкелеш* «жаловаться, сетовать», *сӗрӗш* «тухнуть, портиться, гнить».

4. Модель $V_1 + \text{ӑҫ, -ӑҫ (-ӗҫ), -ҫ} = V_2$ образует глаголы, выражающие значения: 1) производить взаимное действие, указанное мотивирующей основой (значение взаимного залога):

калаç «разговаривать, беседовать, говорить друг с другом», *курнăç* «видеться, встречаться», *çапăç* «драться», *тытăç* «схватываться, цепляться»; 2) неполноты действия: *ăнăç* «удаваться, иметь успех», *манăç* «подвергаться забвению», *пăрнăç* «кривиться, коробиться, изгибаться», *тивĕç* «доставаться, хватать», *шуç* «скользить, подвигаться». По сравнению с аффиксом *-ăш (-ĕш)* можно заметить: аффикс *-ăç (-ĕç)* не участвует в образовании глаголов со значением совместности.

5. Модель $V_1 + -ăр (-ĕр), -ар (-ер) = V_2$ образует глаголы с каузативным (понудительным) значением, т.е. «вызывать действие, указанное мотивирующей основой»: *јкер* «ронять, валить», *хăпар* «подниматься, залезать», *каçар* «переправляться, переносить», *пĕтер* «кончать», *куçар* «отодвигать, перемещать», *нусар* «придавливать, уплотнять», *нутар* «топить, затоплять», *шăтар* «прокалывать», *çĕтер* «терять», *çитер* «доставлять», *чакар* «убавлять, уменьшать, снижать».

Но следует отметить, что в современном языке не замечаем былой словообразовательной активности глаголообразующих аффиксов *-ăр (-ĕр), -ар (-ер)*. Более того, находясь перед глаголообразующими аффиксами *-ха (-хе), -ка (-ке), -ăл (-ĕл), -ăн (-ĕн), -ла (-ле)* и др., они перестают выполнять функцию создания новых слов и в результате скрещивания с ними образуют новые аффиксы: *-ăрха (-ĕрхе), -ăрка (-ĕрке), -ăрла (-ĕрле), -ăрăл (-ĕрĕл), -ăрăн (-ĕрĕн)*.

6. Модель $V_1 + -ăт (-ĕт), -ат, (-ет, -т) = V_2$ образует глаголы: 1) с каузативным значением: *вĕрент* «учить», *ĕнт* «палить, опаливать», *ĕрчет* «размножать», *тарлат* «вызвать потение, вогнать в пот».

§ 15. Аббревиатуры

В чувашском языке имеются сложносокращенные слова (аббревиатуры) типа *партпуху* «партсобрание». Некоторые лингвисты склонны считать их созданными только в результате калькирования и отрицают, что при образовании аббревиатур могут участвовать структурные элементы чувашского языка.

По сравнению с другими способами словообразования (аффиксация, конверсия, парные слова), аббревиация в чу-

вашском языке находится в зачаточном состоянии и возникла под влиянием русского языка. Но заимствующий язык не остался безучастным в этом процессе.

Появление и активизация нового способа словообразования в русском языке были связаны с переменами, происшедшими в жизни общества после революции. Были изменены названия органов государственного аппарата, устранены понятия, напоминающие о старом эксплуататорском строе: *городовой, дума, жандарм, полицмейстер, полиция, сенат, управа* и др., а учреждениям, организациям и должностям были даны описательные и многословные названия: *Совет народных комиссаров, Революционный военный совет* и т.д. Но для повседневного использования нужны были краткие компенсации новых многословных названий, и была выбрана аббревиация. Этот способ образования слов отличается тем, что компоненты составных названий подвергаются сокращению, стяжению в однословный синоним: *сберкасса, главбух, педсовет* и др.

Образование аббревиатур связано с двумя тенденциями в языке: стремлением говорящих к логически точному и исчерпывающему видовому наименованию и желанием удобно и экономно произносить такое наименование. Л.В. Щерба заметил: «Сокращенные слова стали чуть ли не символами революционного языка» [28, с. 77–100].

В чувашском языке аббревиатуры появились в результате жизненной потребности, но к созданию аббревиатур современного типа пришли не сразу. Хотя с начала возникновения нового способа словообразования в чувашском языке прошло сравнительно немного времени, в истории создания аббревиатур можно выделить два этапа.

На первом этапе (1920–1938) аббревиатуры создавались стихийно, без определенных моделей, путем перевода любых русских сложносокращенных слов. В это время широко употреблялись как инициальные аббревиатуры (типа *ПССЛКС* – рус. ВЛКСМ), так и слоговые. Слоговые аббревиатуры могли состоять из двух-трех-четырёх компонентов (ср. *вулячейка, облсуптай, райёстăвком*). Переводу подвергались главным образом компоненты, относящиеся к русскому языку, а сокращать могли не только интернациональ-

ные, но и переведенные слова. В этом отношении чувашские аббревиатуры не имели тогда резко выделяемых специфических особенностей.

Ситуация сохранялась до 1938 года, до утверждения новой орфографии, по правилам которой рекомендовано было использовать аббревиатуры без калькирования, в таком же виде, в каком употребляли в русском языке: *ВКП(б)*, *Совнарком*, *Наркомпрос*, *СССР*, *ВЛКСМ*.

В течение пятнадцати лет (с 1938 по 1954 год) в чувашской периодической печати совершенно не применялись слоговые сокращения.

Однако после проведения всесоюзной дискуссии по вопросам языкознания в газете «Правда» (1953) и по вопросам грамматики чувашского языка в газете «Коммунизм ялавлĕ» (1954) журналисты и писатели снова стали пользоваться чувашскими аббревиатурами. И уверенно можно сказать, что с 1954 года начинается второй этап в жизни аббревиатур чувашского языка. Однако изначально не было четких правил образования сложносокращенных слов: пользовались как аббревиатурами, созданными без каких-либо определенных моделей типа *райёс тăвком* «райисполком», *ялкор* «селькор», так и аббревиатурами, образованными исключительно с учетом особенностей чувашского языка. Многие аббревиатуры первого этапа перестали употребляться. Полностью вышли из употребления инициальные аббревиатуры. А слоговые аббревиатуры состоят теперь из двух корней и имеют строго определенный порядок компонентов: на первом месте располагается интернациональное слово, а на втором — исконное, свое. Ранее сокращению подвергалось и интернациональное слово. Говорящие и пишущие совсем перестали пользоваться сокращением чувашских корней в составе аббревиатур. Данное явление объясняется, по-видимому, тем, что чувашские корни во многих случаях значительно короче интернациональных слов: они состоят главным образом из одного-двух слогов. Производные же основы, образованные при помощи аффиксов, непригодны для создания сложносокращенных слов, иначе пришлось бы отбрасывать сложноеобразующие аффиксы, и это привело бы, конечно, к недоумению слушающих и читателей.

Таким образом, образование сложносокращенных слов было приостановлено орфографией 1938 года, на втором же этапе оно получило дальнейшее развитие.

В настоящее время аббревиатуры образуют строго по определенной модели. Ее можно представить в виде буквенных обозначений с уточнением в скобках:

$$S_1 \text{ (сокр. интер. сл.)} + S_2 \text{ (полн. природ. сл.)} = S_3 \text{ (аббрев.)}$$

Иными словами, при аббревиации происходит сложение заимствованной сокращенной основы и полной исконной основы. Примеры: *авиасул* «авиалиния», *автоху-салăх* «автохозяйство», *академхула* «академгород(ок)», *бензопăчкă* «бензопила», *драмйыш* «драмколлектив», *культпай* «культотдел», *литулах* «литвечер», *мехмăлатук* «мехмоло-ток», *политвĕренĕ* «политучеба», *профпĕрлешĕ* «профобьединение», *рацсĕнĕ* «рацпредложение», *соцăмăрту* «соцсоревнование», *ультрасасă* «ультразвук», *физкультурйыш* «физкультурколлектив», *фоссăнăх* «фосмука», *электропуйăс* «электропоезд» и т.д. Многие образования в настоящее время являются довольно стабильными.

Между компонентами возможно только подчинительное отношение. Сложносокращенное слово имеет то же значение, что и исходное словосочетание. В чувашском языке аббревиатуры характеризуют только словообразование имен существительных.

В литературе принято говорить, что сложносокращенные слова (аббревиатуры) типа *райхаçат*¹⁹ «райгазета» в чувашском языке созданы и возможно создавать только путем буквального перевода (калькирования). Но такая интерпретация рассматриваемого явления не раскрывает подлинной сути, она была бы слишком односторонней и не учитывала бы ряда языковых особенностей. Действительно, с одной стороны, слово *райхаçат* является как бы копией русского слова *райгазета*: первый компонент в обоих языках является усеченным, или сокращенным, основа же второго компонента остается без изменений. Но, с другой стороны, не у всех русских аббревиатур подобного типа могут быть эквиваленты в чувашском языке. Ср.: *запчасть* (по-чувашски не говорят *заптай*), *оргработа* (*оргĕç?*) и т.п.

Аббревиатуры типа *запнай, оргёс* не совсем благозвучны, они вызывают нежелательные ассоциации, поэтому вместо них употребляют словосочетания *запас пай, организаци ёсё*.

Далее. Если мы будем применять аббревиатуры, созданные только путем калькирования, то сразу возникает серьезный вопрос: почему для образования новых слов в чувашском языке не пользуемся другими типами аббревиации, какими пользуются в русском языке? Так, в русском языке легко образуются аббревиатуры посредством усечения обоих компонентов словосочетания, а в чувашском языке такие сокращения совершенно невозможны; ср.: рус. *городской комитет* — *горком*, чув. *хула комитечё* — *хулком* (?), рус. *собственный корреспондент* — *собкор*, чув. *хамър корреспондент* — *хамкор* (?) и др. Ведь всем известно: калькированный перевод совершается обычно без выбора способов словообразования в оригинале. Тем более что в чувашском языке по аналогии с уже созданными словами, без опоры на русские образцы вполне можно создавать новые аббревиатуры. Например: *Халь, сáмрăкскер, сан хёр ачу электролашана сáварлăхланă* (Г. Ефимов) «Твоя девчонка — вот молодежь! — взнузда-таки электролошадь»;

Пётм сёр тăрăх, курăнми электрохумсем евёр, тёнче илемё кусса сўрет пек (Ю. Скворцов) «Будто по земле продвигается красота вселенной, как невидимые электроволны»;

...Çавсем пурте тунтикун мёнле ёслесси халё вăл, Савасян, сак питех те пысăк стройплощадкăри электрохуçалăха унчен йёркене кёртсе ситернинчен килет (Г. Краснов) «Их работа в понедельник зависит от того, как он, Савасян, наладит теперь электрохозяйство на этой большой строительной площадке»;

Чигирин театрёнче литтёлпулу ирттернё чух президиума йышлăн килекен хут хушинче пёр чăвашла сырнă сыру килчё (С. Шавли) «На литвстрече в театре Чигирина среди многочисленных писем в адрес президиума поступило одно письмо на чувашском языке»;

Мёне пёлтерчё ку микропуху? (Н. Терентьев) «Что означает это микрособрание?».

Из приведенных примеров хорошо видно, что сложносокращенные слова созданы без калькирования, т.е. без последовательного механического перевода. Хотя отмеченные в примерах

слова не стали еще общеупотребительными, но все же, поскольку они образованы по вышеприведенной модели в чувашском языке, их можно рассматривать как потенциальные слова.

Вполне возможно, что во многих случаях сложносокращенные слова в чувашском языке образуют с оглядкой на русские аббревиатуры. Но, как бы то ни было, при создании новых слов говорящие исходят из самого словосочетания, от которого можно было бы образовать мотивированное сокращенное слово. Они хорошо осознают, что аббревиатура и соотносящееся с ней словосочетание — эквиваленты по содержанию.

По нашим наблюдениям, чувашские аббревиатуры образуются исключительно из изафетных конструкций (словосочетаний), в то время как русская аббревиатура соотносится со словосочетанием, состоящим из определяемого существительного и определяющего относительного прилагательного. Сопоставление структур словосочетаний в русском и чувашском языках также хорошо показывает, что здесь не может быть речи о калькированном переводе.

Теперь рассмотрим, что происходит при аббревиации изафетных конструкций в чувашском языке. Первый компонент, являющийся заимствованным словом и относящийся к существительному, подвергается сокращению. В его составе остается одно- или двусложный сегмент, достаточный для узнавания самого слова. Тем самым данный компонент лишается грамматического минимума для связи слов — не только права на валентность и парадигму, но даже на самостоятельное употребление. Он вынужден употребляться только в тесной связи с последующим компонентом. В этом отношении слоговое отсечение напоминает префиксальную морфему при полнозначном слове: как префикс, так и сокращенный компонент соединяются с последующей, полнозначной морфемой только по смысловой структуре. Поскольку первый компонент лишается необходимых грамматических признаков слова, то нет особой потребности иметь показатель грамматической связи с предыдущим компонентом в составе второго компонента. Поэтому из него отбра-

сывается аффикс 3 лица. Так соединяемые слова утрачивают формальную самостоятельность, и создается спаянное цельнооформленное слово. Такие факты, как усечение первого компонента и отбрасывание элемента связи двух компонентов, можно рассматривать в качестве эксплицитных показателей цельнооформленности аббревиатуры.

В смысловом отношении «матчасть» усекаемой основы не лишается лексического значения. Очевидно, в сокращенном компоненте заимствованного слова легко узнается его полный эквивалент, в чувашском языке нет никакой опасности смешения этого сегмента с каким-либо другим сегментом, ибо однозвучные сегменты встречаются очень редко, тем более компонент сокращают не произвольно, а, как правило, по русскому образцу.

Так как в составе словосочетания поясняющий член конкретизирует и дифференцирует существительное, то и аббревиатуры, как правило, обозначают предметы не с родовыми, а с видовыми значениями, т.е. выступают как видовые названия. По сравнению со словосочетанием аббревиатура делает речь в плане выражения более экономной, удобной для произношения, а в плане содержания — более концентрированной, емкой.

В морфологическом отношении аббревиатуры, как и все существительные, принимают именные показатели: аффиксы предметного числа, лица, личного числа и падежа.

Один и тот же сокращенный компонент может употребляться продуктивно — участвовать в образовании нескольких аббревиатур. Примеры:

авто- [автомобиль]: *автосул* «автодорога», *автохуҫалăх* «автохозяйство», *автопуыйăс* «автопоезд»;

авто- [автомат]: *автовисе* или *автотараса* «автовесы»;

агит- [агитации]: *агитпăрахут* «агитпароход», *агитсұрт* «агитдом»;

лит- [литература]: *литпĕрлешӳ* «литобъединение», *литкас* или *литулах* «литвечер», *литтĕлпулу* «литвстреча»;

полит- [политика]: *политпай* «политчасть», *политшкул* «политшкола», *политвĕренӳ* «политучёба», *политкаласу*

«политбеседа», *политсехет* «политчас», *политкун* «полит-день» и др.

Процесс образования аббревиатур продолжается и в наше время. Они конкурируют с терминоподобными словосочетаниями.

Теперь обратимся к практическим вопросам, имеющим непосредственное отношение к нашей проблеме.

1. Русские аббревиатуры, образованные путем сокращения обоих компонентов, которые не могут иметь своих эквивалентов в структуре чувашских словосочетаний или порядок компонентов в которых иной, чем в чувашском словосочетании, следует рассматривать как заимствованные слова, не делимые на морфемы: *колхоз* = *коллектив хуҫалăхĕ* (нет слова *колхуҫ*), *комбат* = *батальон командирĕ*, *совнархоз* = *халăх хуҫалăх совечĕ*, *комсомол* и др.

2. Ряд русских аббревиатур на чувашский язык переводится только при помощи синтаксических средств, а именно словосочетаниями, компоненты которых невозможно сокращать. Ср.: *детсад* = *ача сачĕ*, *сельсовет* = *ял совечĕ*, *сберкасса* = *перекет касси* и др.

3. Если аббревиатура русского языка создана из интернациональных (не переводимых ни на русский, ни на чувашский языки) слов с сокращением первого компонента и без сокращения второго, то в чувашском языке в большинстве случаев она расшифровывается изафетной конструкцией. И смысл, и структура таких аббревиатур в обоих языках вполне идентичны. Ср.: *агитбригада* расшифровывается по-русски *агитационная бригада*, по-чувашски *агитаци бригади*; *агитплощадка* — рус. *агитационная площадка*, чув. *агитаци площадки*; *агитпункт* — рус. *агитационный пункт*, чув. *агитаци пункчĕ*; *литкружок* — рус. *литературный кружок*, чув. *литература кружокĕ*; *литмузей* — рус. *литературный музей*, чув. *литература музейĕ*; *литсотрудник* — рус. *литературный сотрудник*, чув. *литература сотрудникĕ* и др. В полной мере эти аббревиатуры можно рассматривать и как чувашские образования.

Сложносокращенные слова несравнимы со слитными словами (по мнению некоторых чувашеведов, со сложными словами), хотя оба типа словообразования имеют непосредственное отношение к словосочетанию. Различия между

аббревиатурой и слитным словом можно продемонстрировать, сопоставив два конкретных примера:

Райхаҗат «райгазета» <
район хаҗачё
«районная газета»
(аббревиатура)

Пиҗиххи «пояс» <
пилёк җыххи
«поясничная повязка»
(слитное слово)

1. Слово *райхаҗат* создано путем сокращения компонентов словосочетания в синхронном плане. Слово *пиҗиххи* создано путем осознанного сокращения или деформации словосочетания в диахроническом плане¹⁹.

2. Слова типа *райхаҗат* можно образовать по аналогии (по моделям) и в настоящее время. В словах типа *пиҗиххи* нет строгой модели словообразования. Каждое слитное слово имеет свои особенности видоизменения: оно уникально.

3. Слово *райхаҗат* делится на морфемы. Слово *пиҗиххи* не делится на морфемы. Восстановить прежние компоненты возможно только путем этимологического анализа.

4. В составе слова *райхаҗат* фонетическое влияние одного компонента на другой невозможно. В словах типа *пиҗиххи* возможно видоизменение компонентов по закону палатального или губного сингармонизма. Ср.: *вырсарни* < «воскресенье» < *вырӑс эрни* «русская неделя», *улмуҗси* «яблоня» < *улма йывӑҗси* «яблочное дерево», *кёҗёр* «в эту ночь» < *куҗёр* «эта ночь», *каҗатӑ* «валенки» < *кёҗсе атӑ* «войлочные сапоги», *армути* «полынь» < *эрём ути* «полынь-трава», *Мункун* «Пасха» < *мӑн кун* «большой (великий) день» и др.

5. Лексические значения компонентов слова *райхаҗат* сохраняются полностью. Лексические значения компонентов слитного слова *пиҗиххи* затемнены. Произошло полное слияние их.

6. Значение всего слова *райхаҗат* мотивируется значениями компонентов. Значение слитного слова *пиҗиххи* немотивируемо.

7. Слово *райхаҗат* выражает видовое значение. В слове *пиҗиххи* нет показателя видового значения.

Сопоставление двух типов образования слов убедительно показывает, что слова типа *пиҗиххи* не могут быть поставлены в один ряд со сложносокращенными словами, они ближе к простым словам, чем к сложносокращенным.

Таким образом, сложносокращенные слова как тип словообразования в чувашском языке появились сравнительно недавно в результате жизненной потребности и под воздействием русских сложносокращенных слов. Чуваши приняли не все модели образования сложносокращенных слов русского языка, а только ту, которая учитывает специфику чувашского языка.

§ 16. Образование слов по конверсии

К пониманию сущности конверсии

В современном чувашском языке противопоставлены аффиксальное и конверсионное словообразование.

Конверсия — это синхронное образование слова одной части речи от слова другой части речи без какого-либо словообразующего компонента, но с сохранением семантической связи соотносящихся между собой омонимичных исходных основ.

Образование слов по конверсии в чувашском языкознании и тюркологии в целом не получило еще всестороннего освещения²⁰. В объяснении многих аспектов данного способа отсутствует необходимая степень четкости.

Так, с точки зрения одних языковедов, слова типа *вӑйлӑ* «сильный; сильно» (< *вӑй* «сила» + *-лӑ*) в зависимости от синтаксической позиции в предложении и/или от перевода на русский язык с давно минувших времен следует относить и к прилагательным, и к наречиям, а слова типа *ылтӑн* «золото; золотой» — и к существительным, и к прилагательным, хотя омонимия в указанных основах не обнаружена и не доказана ни в семантическом отношении, ни в морфологическом плане.

С другой точки зрения, глагольно-именные основы типа *тумла* «капать» и *тумла* «капля» необходимо рассматривать как бионимичные, так как каждая основа имеет свою парадигму форм и валентность, и лексические значения их в национально-русских словарях описываются в отдельных статьях. Но в то же время слова типа *ӑшӑ* «теплый» и *ӑш* «тепло», несмотря на наличие лексических и грамматических признаков двух разных частей речи (прилагательного и существительного), не считаются омонимич-

ными, в национально-русских же словарях рассматриваются как одна основа.

Чтобы избежать подобных разноречивых толкований, необходимо учитывать отсутствие четких формальных границ между частями речи в тюркских языках и освобождаться от традиций индоевропеистики при классификации слов по частям речи.

Наше рассмотрение начнем с вопроса о том, пользуются ли в конкретных тюркских языках конверсией в качестве одного из способов образования новых слов. Без исследования данной проблемы трудно считать решенными и другие связанные с ней вопросы, как, например, классификация слов по частям речи, установление омонимии основ, а также констатация омонимии деривационных аффиксов и др. Без соответствующих выводов затруднительно оптимизировать структуру и содержание словарных статей в национально-русских и толковых словарях.

Данные современного чувашского языка говорят о довольно продуктивном употреблении способа словопроизводства по конверсии, о чем свидетельствует и факт частого использования потенциальных слов.

Транспонирующиеся единицы возникают, как правило, в речи. Многие из них употребляются в определенном тексте, а некоторые постепенно переходят и закрепляются в системе языка. Например, в поэме Я. Ухсая «Перевал» одна строфа в своем составе содержит существительное *чипер* в значении «красавец петух»:

— *Кăт-кăтик!* — *текеlese*,
Калясен чиперё
Чăхсене чёнкеlese
Илёртсе сўрерё.

«— Кыт-кадык! — петух Калли
Манит кур любовью,
И откликнулись вдали
Курычки Прасковьи».

(Перевод Б. Иринина)

Обычно существительное *чипер*, образованное по конверсии от прилагательного *чипер* «красивый», выступает в языке в значении «красавец (кавалер) или красавица (девушка)», но в конкретной же речи поэта оно в значении «петух» употреблено очень кстати («красавец петух»).

И вот еще примеры: *Нумай та вэхйт иртмен, вэл [П. Куракин] фермáран 75 килограмм сёр улми хурса таврáннá. Нáрик-нáрик валли ёнтё* (Капкán. 1973. № 9. С. 8) «Прошло немного времени, он [П. Куракин] с фермы привез 75 килограммов картофеля. Конечно же, для свиней»; «*Заря*» колхоза *чáх мурё килсе лекнё. Кёркуннехи шáнасем пек кашни кун тáкáнассё кáт-кáтиксем* (Там же) «В колхозе «Заря» объявился куриный мор. Куры мрут ежедневно, как осенние мухи»;

Вёссёр тинёс тóлекёнче
Хáрушá тáвэл пытанать
(Уйáп М.)

«В спокойствии бескрайнего моря
Прячется грозная буря».

В существующей лингвистической литературе превалирует мысль о том, что при конверсии главной особенностью, или сущностью, ее является парадигма форм [7, с. 93], с помощью которой можно образовать слова. Едва ли можно с этим согласиться. Ведь сначала должно появиться слово, затем только для связи его с другими словами нужно иметь парадигму. В этом отношении глубоко прав был академик Л.В. Щерба, который отмечал: «...едва ли потому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются; скорее, мы потому их склоняем, что они существительные» [28, с. 79].

Как правило, вначале следует определить главные, наиболее глубокие свойства конверсии, затем установить конкретные, внешние, подвижные свойства (явления), объясняющие сущность конверсии.

Суть конверсионного словообразования состоит в том, что:

1) при конверсии производные и производящие основы по отношению друг к другу являются омонимичными;

2) эти основы соотносятся друг с другом не только формально, но и по содержанию;

3) значение одной омонимичной — производной — основы мотивируется другой омонимичной — производящей — основой;

4) омонимичные основы принадлежат к разным частям речи.

Значит, конверсия — это способ словообразования, когда производящая основа, принадлежащая к одной части речи и имеющая определенное лексическое значение, мотивирует значение новой основы, производная же основа приобретает новые лексическое и категориальное значения, но без обозначения их деривационным аффиксом.

Здесь в плане выражения дериват и деривационная (производящая, исходная) основа являются омонимичными основами, а в плане содержания представляют собой семантически связанные основы, но относятся друг к другу как одна лексическая единица к другой и как единица одной части речи к единице другой части речи.

Сущность конверсии важна прежде всего для лица, кодирующего текст, а также для образующего впервые то или иное слово в речи. Кодировующий текст хорошо представляет, что омонимичные пары основ выступают или могут выступать в языке в виде репрезентантов двух частей речи. И при построении высказывания он использует тот или иной член, хорошо различая его лексическое и категориальное значения, и применяет его для связи с другими словами в той или иной форме.

В ином положении находится декодирующий (читающий или слушающий). Поскольку в облике слов отсутствует деривационный аффикс, для понимания лексического и категориального значений омонимичной основы ему требуется контекст, где слово в той или иной форме выступает в качестве одного из компонентов парадигмы, а также хорошо проявляется валентностное свойство. Например, основа чувашского слова *йăнăш* в контексте может иметь формы трех частей речи: или существительного в значении «ошибка» (*йăнăшу* — 2 л., *йăнăшран* — исх. п., *йăнăшсем* — мн. ч.), или прилагательного в значении «ошибочный» (*йăнăшрах* — сравнительная степень, *йăнăшши* — форма выделения в значении «тот из них, который ошибочен»), или глагола в значении «ошибиться, ошибаться» (*йăнăшрăм* — 1 л., однокр. прош. вр., *йăнăшиччен* — обстоятельственная форма времени в значении «до того, как ошибиться», *йăнăшман* — атрибутивная форма прош. вр., отриц. асп. и др.). То же можно сказать относительно валентности

указанных основ: если основа выступает с категориальным значением предметности, то она может иметь при себе определяющие словоформы со значением принадлежности предмета кому-либо, чему-либо (санӑн *йӑнӑшу* «твоя ошибка»), количества предмета (*виӑӑ йӑнӑш* «три ошибки»), места предмета (*сочиненири йӑнӑшсем* «ошибки в сочинении») и др.; основа с категориальным значением признака может иметь при себе адъюнкты со значением меры или степени (*кӑшт йӑнӑшрах* «немного (чуть) ошибочен»), а слово с категориальным значением процесса часто проявляется словоформами, имеющими значение места (*сочиненире йӑнӑшрӑм* «я допустил ошибку в сочинении»), времени (*паян йӑнӑшрӑм* «я сегодня допустил ошибку») и др. Значит, для воспринимающего текст форма слова является важной.

Анализ примера показывает, что парадигма форм, а также сочетаемость слова с подчиненными ему словами в данном случае выступают в качестве внешних свойств омонимичных основ. Но эти атрибуты все же не могут представлять собой проявления или обнаружения сущности только словообразования по конверсии, ибо с их помощью обнаруживаются также лексическое и категориальное значения идентичных основ, возникших и не в результате конверсии. Так, в чувашском языке имеются три одинаковые основы: *ӗр* I сущ. «земля»; *ӗр* II числ. «сто»; *ӗр* III гл. «гнить, загнивать», лексические значения которых ничуть не связаны друг с другом. Если сравнить указанные основы со словами других тюркских языков, то обнаруживается, что последние в материальном отношении не совпадают друг с другом, т.е. не являются омонимичными. Так, первой чувашской основе (существительному) *ӗр* «земля» в татарском языке соответствует *жер*, второй основе (числительному) *ӗр* «сто» — *йфз*, третьей основе (глаголу) *ӗр* «гнить, загнивать» — *чер*. Очевидно, вышеприведенные основы в древнечувашском языке также имели самостоятельные формы, а нынешние формы представляют собой результат диахронического фонетического изменения. Подобным образом произошли многие чувашские бинарные омонимичные основы:

су I сущ. «лето»; ср. тат. *жай*; *су* гл. «мыть»; ср. тат. *ю*;

сур I сущ. «весна»; ср. тат. *яз*; *сур* II гл. «колоть»; ср. тат. *яр*;

хыр(а́) – сущ. «сосна»; ср. тув., тоф. *хады*, якут. *харыйа*, хак. *жара*, *хазы*; *хыр* II гл. «грести, скоблить»; ср. тат. *кыр* и др.

По внешним атрибутам – по парадигме форм и валентности – основы типа *џѐр* относятся к разным частям речи, а внутренние свойства свои они, как омонимичные основы, связанные по конверсии, обнаруживают в контексте.

Основы, соотносящиеся по конверсии, отличаются от омонимичных основ, не имеющих смысловых связей друг с другом, тем, что один член пары, выступающий как производная основа, в семантическом отношении является более сложной, чем лексическое значение другого члена, выступающего в качестве производящей и тем самым мотивирующей основы. Ср., например, чув. *х’утѣ* I прил. «защищенный, прикрытый», *х’утѣ* II сущ. «защита, прикрытие, укрытие». Здесь существительное по отношению к прилагательному является производным, и его словообразовательное значение можно сформулировать примерно так: *х’утѣ* – это место, имеющее признак, выраженный производящей основой (именем прилагательным), или «защищенное место».

Теперь исходя из вышесказанного читатель может задать вопрос, чем же отличается словообразование по конверсии от словообразования с помощью деривационных аффиксов, ибо в обоих случаях мы имеем дело с мотивирующими и мотивированными основами. Действительно, чтобы лучше понять сущность одного способа словообразования, желательно сравнить ее с сущностью другого способа.

Сопоставление словообразования по конверсии с аффиксальными способами словообразования

Конверсионное словообразование по сущности является безаффиксальным словообразованием. Хотя по формальному признаку оно противопоставляется аффиксальному словообразованию, между этими способами имеется много общего. Существенно следующее:

1. В обоих случаях значение деривата мотивируется значением производящей основы.

2. Образование слов в обоих случаях происходит в синхронном плане по определенным моделям. Но образование служебных слов типа *анчах* (союз) «но» нельзя относить к образованию по конверсии, ибо появление союзов проис-

ходит не в момент речи и не по определенным моделям, а в течение длительного времени в результате постепенного изменения лексических и грамматических значений полнозначных слов и становления формального показателя связи между синтаксическими единицами.

3. При образовании слов в качестве производящих основ могут выступать слова не только первичные, но и вторичные. Например:

<i>Хёрсем лашасăра</i>	«Девушки отказывались
<i>тиркенё,</i>	от безлошадного,
<i>Тухман лашасăра</i>	Не выходили замуж
<i>качча.</i>	за безлошадного»;
(Я. Ухсай)	

Эй, тутлă тĕлĕк!.. Ğунатсăра ğунат паратăн, телейсĕре телейлĕ тăватăн (А. Артемьев) «О сладкий сон! Бескрылому даешь ты крылья, несчастного делаешь счастливым».

Сам факт образования новых слов по конверсии от дериватов говорит об отсутствии синкретизма и о продуктивности данного способа словообразования в современном чувашском языке.

4. Как правило, при образовании слов с помощью аффиксов производная основа опирается на одно из значений производящей основы. Другие же значения при этом не берутся во внимание. Так, глагол *каç* имеет ряд значений (см. «Чувашско-русский словарь» под редакцией М.И. Скворцова, 1982). Но для образования существительного *каçă* «переправа» производящая основа взята только в значении «переправляться (через ручей)». Остальные значения не берутся во внимание.

Образование слов по конверсии происходит по тем же правилам, что и при создании слов способом аффиксации. Например, образование существительного *вăтам* «середняк»: *Чухăнсемпе вăтамсем пĕрлешсе колхоз турĕç* (А. Лазарева) «Бедняки и середняки, объединившись, создали колхоз». Другие значения прилагательного совершенно не приняты во внимание.

По мнению некоторых тюркологов, многие прилагательные переходят в наречия. При этом не доказывается, чем отличается значение наречия от значения прилагательного. Ср.

значение слова *тарӑн* в конструкциях типа *тарӑн пусӑ* «глубокая яма» и *пуса тарӑн авӑт* «глубоко рыть яму». Слово *тарӑн* во второй конструкции, несмотря на перевод при помощи наречия «глубоко», от слова *тарӑн* в первой конструкции, переводимого на русский язык прилагательным «глубокая», ничем не отличается. Здесь уместно привести слова академика Л.В. Щербы по поводу русских наречий: «Категория наречий является исключительно формальной категорией, ибо значение ее совпадает со значением категории прилагательных, как это очевидно из сравнения таких пар, как *легкий (легко)*, *бодрый (бодро)* и т.д.» [28, с. 87]. Конечно, об отличии значения слова *тарӑн*, употребленного в позиции перед глаголом, от значения в позиции перед именем говорить не приходится. Если в русском языке слова типа *легкий* и *легко* отличаются друг от друга хотя бы формально, то в чувашском языке слова типа *тарӑн*, употребляемые в разных синтаксических функциях, не отличаются ни в плане содержания, ни в плане выражения.

При решении вопроса о переходе прилагательного в наречие было бы нелишне учесть типологически сходный фактор русского языка. Чувашские прилагательные в позиции перед глаголом на русский язык нередко переводятся прилагательными же. Например: *Анне чирӗ выртать* «Мать лежит больная»; *Анна магазинтан савӑнӑслӑ тухрӗ* «Из магазина сестра вышла веселая». Русисты слова типа *больная*, *веселая* в позиции перед глаголом-сказуемым никогда не рассматривают в качестве наречия, а относят их к прилагательным.

Наконец, возникает закономерный вопрос: почему только прилагательные перед глаголом-сказуемым тюркологами рассматриваются как наречия? Ведь в такой же позиции могут находиться числительные, подражательные слова, а также некоторые местоимения и атрибутивные временные формы глагола. Если быть последовательным, то их тоже следовало бы расценивать подобным образом.

Если слово, образованное по конверсии, повторяет те же значения, что и исходная основа, то едва ли следует относить его к производным основам. В этом отношении небезынтересно узнать, как ведут себя многозначные прила-

гательные при изменении синтаксической позиции. Для примера возьмем прилагательное *вййлӓ* «сильный» в позиции перед именем существительным и в позиции перед глаголом:

1. *Вййлӓ сын* «сильный (крепкий) человек»
Вййлӓ кӓрешет «Он борется сильно»;
2. *Вййлӓ сил* «сильный (значительный по силе проявления) ветер»
Сил вййлӓ вӓрет «Ветер дует сильно»;
3. *Вййлӓ статья* «сильная (убедительная, впечатляющая) статья»
Статьяна вййлӓ сырнӓ «Статья написана сильно»;
4. *Вййлӓ хуҫалӓх* «сильное, мощное, зажиточное хозяйство»
Хуҫалӓха вййлӓ аталантарнӓ «Хозяйство развито сильно».

Если признать употребление *вййлӓ* в обстоятельственной функции в качестве наречия, то трудно мотивировать его переносные значения: последние ничем не отличаются от переносных значений прилагательного. Мотивируются ли они переносными значениями прилагательного или основным значением наречия? Скорее всего, здесь нет производного наречия. Основное и переносное значения прилагательного выступают в двух разных позициях одинаково потому, что определяемые ими слова (существительные и глаголы) логически связаны друг с другом. Признак человека может определяться признаком его действия. Точно также примета явления природы (*сил* «ветер») устанавливается по приметам его действия и т.д.

Перемена позиции слова не изменяет ни его содержания, ни его морфологии.

5. При конверсии выражаются в основном те же словообразовательные значения, что и при аффиксальном словообразовании. См., например, словообразовательные значения отглагольных существительных.

А. Названия процесса, действия: а) при аффиксальном словообразовании: *сӓнав* «наблюдение» (< *сӓна* «наблюдать» + -в), *аталану* «развитие» (< *аталан* «развиваться» + -у), *куҫӓм* «движение» (< *куҫ* «двигаться» + -ӓм), *кулӓш* «смех» (< *кул* «смеяться» + -ӓш) и др.; б) при конверсии: *пулӓшу* «помощь»

(< *пулйш* «помогать»), *тёркёшү* «толкотня» (< *тёркёш* «толкаться»).

Б. Носитель процесса, действия: 1) при аффиксальном словообразовании: *сицём* «молния» (< *сиц* «блистать, сверкнуть» + *-ём*), *чймка* «нырок (утка)» (*чйм* «нырять» + *-ка*), *макӓра* «плакса» (< *макӓр* «плакать» + *-а*); б) при конверсии: *кёвёс* «завистник» (< *кёвёс* «завидовать»), *алхас* «шалун» (< *алхас* «шалить»), *каппай* «хвастун» (< *каппай* «хвастаться, хвалиться»), *нӓйкӓш* «нытик» (< *нӓйкӓш* «ныть») и др.

В. Результат действия: а) при аффиксальном словообразовании: *тупйш* «прибыль» (< *туп* «находить» + *-йш*), *хунав* «побег, поросль» (< *хуна* «пускать ростки, побеги» + *-в*), *пёкё* «дуга» (< *пёк* «гнуть» + *-ё*) и др.; б) при конверсии: *карт* «зарубка, метка» (< *карт* «делать зарубку»), *йӓнйш* «ошибка» (< *йӓнйш* «ошибаться»), *кӓмӓска* «плесень» (< *кӓмӓска* «покрываться плесенью») и др.

Г. Орудие действия: а) при аффиксальном словообразовании: *ӓсма* «черпак» (< *ӓс* «черпать» + *-ма*), *вице* «весы, мерка» (< *виц* «взвешивать», «мерка» + *-е*), *сёркёч* «смычок» (< *сёр* «пиликать, водить смычком» + *-кёч*); б) при конверсии: *хутӓр* «мотовило» (< *хутӓр* «мотать нитки»).

Д. Место действия: а) при аффиксальном словообразовании: *анӓс* «закат» (< *ан* «садиться, спускаться» + *-ӓс*), *вырма* «жнитво» (< *выр* «жать» + *-ма*), *тайлӓм* «склон, изменнность» (< *тайӓл* «наклоняться, склоняться» + *-ӓм*); б) при конверсии: *юнӓх* «место кровоподтека» (< *юнӓх* «покрыться кровоподтеками»).

Весьма примечателен тот факт, что в языке сплошь и рядом встречаются однокоренные синонимичные слова, образованные при помощи указанных двух способов словообразования:

савӓшу и *савӓш* «любование, милование»;

тарӓху и *тарӓх* «гнев, злость»;

тёттёмлӓх и *тёттём* «тьма, темнота, мрак»;

тӓ́леклӓх и *тӓ́лек* «спокойствие, покой» и др.

Если судить по вышеуказанным свойствам словообразования по конверсии и аффиксации, вполне можно прийти к

определенному выводу о том, что конверсия как способ словообразования стоит в одном ряду с аффиксацией.

Отличия же словообразования по конверсии от аффиксального словообразования связаны с отсутствием / наличием словообразовательного форманта.

1. Если производная основа при аффиксальном словообразовании обязательно бывает сложнее исходной основы как в плане содержания, так и в плане выражения, то при конверсионном словообразовании производная основа сложнее производящей (исходной) основы лишь в плане содержания (т.е. в семантическом плане), а в плане выражения она совпадает с производящей основой.

Поскольку при конверсионном словообразовании нет специального эксплицитного выразителя обобщенного значения предмета, то оно выявляется имплицитно через лексическое значение исходной основы. В качестве исходных основ здесь могут выступать не любые слова, а лишь имеющие довольно конкретную семантику. При ее помощи сразу можно определить связанное с ними слово, обладающее обобщенным (видовым) значением. Слово с родовидовым значением обычно эллиптируется, а поясняющее слово, транспонируясь, легко принимает его категориальное и видовое значения.

Так, прилагательное *хўтё* «защищенный, укрытый» обозначает признак конкретного предмета, и по нему без контекста можно установить определяемый им предмет с обобщенным значением «место» (*вырйн*). В силу этого слово *хўтё*, транспонируясь, становится существительным со значением места, имеющего признак *хўтё*, т.е. «укрытие, защита». По этой же модели образованы существительные *тўрем* «равнина» (от прил. *тўрем* «ровный, гладкий»), *сёртлам* «возвышенность» (от прил. *сёртлам* «возвышенный, гористый») и др. Но прилагательные типа *пысёк* «большой», *пёчэк* «маленький» не имеют такой возможности образовывать существительные по конверсии, ибо слова с широким значением признака могут относиться ко многим существительным. Опираясь на значения подобных прилагательных, трудно определить, о качестве какого предмета идет речь.

Возьмём также глаголы с конкретными значениями, как *вёчёх* «раздражаться», *кёвёс* «завидовать, ревновать», *тарёх*

«злиться, досадовать», *ылхан* «проклинать» и др. Они, хотя и не входят в состав определительного словосочетания, выражая психическое состояние человека, свободно транспонируются в существительные и обозначают психические состояния: *вёчёхне пытармасёр* «не скрывая своего раздражения», *кёвёс кайшлама пусларё* «ревность (зависть) стала мучить», *чун тарэхё* «злость души», *ылхан сьмахёсем* «слова проклятия».

Или еще. Подражательные слова воспроизводят издаваемые в природе звуки или определенные движения. Они характеризуются тоже конкретностью значения. В чувашском языке от подражательных слов образованы глаголы по конверсии, обозначающие издание звука или воспроизведение движения, указанные исходными основами: *йăлтăр* (подр. яркому блеску, сверканию), *йăлтăр* гл. «блестеть, сверкать, сиять»: *кусёсем ялтăрса каясё* (Г. Ефимов) «глаза сверкают»; *сăрăл* (подр. — о дрожи, мурашках, ознобе), *сăрăл* гл. «дрожать»: *сан-сурăм сăрăлса кайрё* «по телу пробежали мурашки»; *сёнк* гл. «дремать, клевать носом, погружаться в дрему», ср. *сёнксе лар* «клевать носом».

2. Если при аффиксальном словообразовании парадигмы форм производной основы могут относиться не только к другим частям речи, но и к частям речи, куда входит исходная основа, то при конверсии парадигма форм производной основы может относиться только к другим частям речи. Это объясняется тем, что деривационный аффикс в любом случае эксплицитно может выражать образование нового слова как внутри данной части речи, так и за ее пределами. Читатель, или воспринимающий текст, может сразу определить лексико-структурные признаки подобных слов, если даже парадигма форм производного слова совпадает с парадигмой форм производящей основы. При конверсии же, когда уже нет деривационного аффикса, воспринимающий текст может определить лексико-структурные особенности производной основы только по внешнему проявлению слова: а) по парадигме форм, так как она является единственным средством определения производности слова, зависящим от категориального значения, поэтому она обязательно должна отличаться от парадигмы форм производящей основы; б) по валентности.

3. Если же слово образуется по конверсии от производных основ, то воспринимающие текст не всегда правильно улавливают суть вновь образованного слова: создано оно по конверсии или при помощи аффикса. И когда говорящие или пишущие хотят образовать новые слова по аналогии с ранее созданными, нередко происходит контаминация: за образец берут не конверсионное слово, а слово, созданное при помощи деривационного аффикса.

Так, при помощи аффикса *-чӑк (-чӕк)* от глаголов образован ряд прилагательных: *усӑн* «свисать» + *-чӑк* > *усӑнчӑк* «обвислый», *вылян* «заигрывать» + *-чӑк* > *вылянчӑк* «игривый», *куклен* «приседать» + *-чӕк* > *кукленчӕк* «изогнутый». От некоторых из них по конверсии образованы существительные: *ӳркенчӕк* I «ленивый» → *ӳркенчӕк* II «лентяй», *пӕркеленчӕк* I «морщинистый» → *пӕркеленчӕк* II «морщина», *сӕтӕрӕнчӕк* I «праздношатающийся» → *сӕтӕрӕнчӕк* II «бродяга». Затем говорящие, контаминируя, могут допускать, что существительные образованы не по конверсии, т.е. от прилагательного, а при помощи аффикса *-чӑк (-чӕк)* от глагола, ибо лексические значения указанных слов, образованных как от прилагательных (по конверсии), так и от глаголов (при помощи аффикса), близки друг к другу. И действительно, в результате контаминации при помощи омонимичного аффикса *-чӑк (-чӕк)* образован ряд существительных от глаголов; ср.: *шан* «надеяться» + *-чӑк* > *шанчӑк* «надежда», *лар* «сидеться» + *-чӑк* > *ларчӑк* «сиденье» и др. Последние новообразования никак невозможно мотивировать при помощи прилагательных, ибо в языке нет таковых.

Таким образом, ввиду сложности процесса словообразования по конверсии возможно возникновение омонимичных деривационных аффиксов. Аффиксов, образующих прилагательные и существительные подобно аффиксу *-чӑк (-чӕк)*, в чувашском языке встречается немало; ср. *-ӑк (-ӕк)*: *сӳнӑк* прил. «потухший» — *сӳнӑк* сущ. «узел»; *-ӓм (-ӕм)*, *-ам (-ем)*: *типӓм* прил. «худой» — *утӓм* сущ. «шаг»; *-кӑ (-кӕ)*: *пӳсӑрӑнкӑ* прил. «сдержанный» — *супкӑ* сущ. «пощечина»; *-кӑн (-кӕн)*, *-кан (-кен)*: *высӑкӑн* прил. «жадный, алчный» — *тыткӑн* сущ. «плен»; *-лӑх (-лӕх)*: *вӑрлӑхлӑх* прил. «семенной» — *куслӑх* сущ. «очки» и др. Но таких осложнений, подобных

описанному выше, при аффиксальном словообразовании не встречается.

К вопросу о возможностях возникновения и развития конверсии в чувашском языке

Как показывает анализ языковых данных, в старочувашском языке не было явления конверсии как способа словообразования. Конверсия — не изначальное явление языка. Она сложилась, очевидно, из суммы различных диахронических процессов, имевших тенденцию образовать омонимичные основы лексем от однокоренных пар. В дальнейшем такие омонимичные пары способствовали возникновению новых омонимичных основ, вернее, они послужили моделями для образования новых пар омонимичных основ по аналогии.

Конверсия возникает в каждом языке своими собственными путями. В чувашском языке она как лингвистическое явление включает в себя главным образом субстантивацию различных частей речи (прилагательных, числительных, глаголов, наречий и др.), в меньшей степени — адъективацию некоторых частей речи и в значительной степени — вербализацию подражательных слов. Но ввиду отсутствия письменных памятников трудно что-либо говорить определенно и точно о возникновении конверсии в чувашском языке. Все же, пользуясь методом внутренней реконструкции, можно предначертать контуры ее появления в предположительном плане.

Из материалов исследования можно заметить, что почти каждая конверсионная пара имела свою модель конверсионной основы.

Прежде чем говорить о возможностях возникновения и развития видов конверсии, следует особо отметить, что чувашскому языку, как представителю агглютинативных языков, характер самого языка представляет большие возможности для образования слов по конверсии. У основы слов чувашского языка нет рода и других признаков, мешающих образованию слов по конверсии, не отсекается окончание. В этом отношении во флективных языках совпадение корневой морфемы с одной из парадигматических форм на-

блюдается довольно редко. Так, общеизвестно, что в русском языке основа совпадает с минимальной структурой только корневых существительных мужского рода II склонения. При переходе слова в другую часть речи здесь происходит лишь сужение парадигмы (ср. *столовая*), т.е. словоизменяемые морфемы остаются, изменяются главным образом синтаксическая функция и значение.

В чувашском языке межпарадигматическая омонимия довольно живуча. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в нем обосновалось такое явление, как конверсия.

1. На наш взгляд, происхождению глагольно-именной омонимии в чувашском языке предшествовал продолжительный диахронический процесс выпадения (апокопии) глубокозаднеязычного смычного, например, из состава именного словообразовательного суффикса *-ак* (*-ек*):

Чув.	Тюрк.	Перевод
<i>ала</i>	<i>элек, элек</i>	«сито»
<i>тура</i>	<i>тарак, дарак</i>	«гребень, расческа»
<i>хайра</i>	<i>кайрак, хайырак</i>	«точило, брусок»

В результате данного процесса основы производных имен стали материально совпадать с производящими (глагольными) основами.

Возможно, и на последней стадии образования имен в чувашском языке к глаголу стали прибавлять деривационный аффикс, но без глубокозаднеязычного смычного *-к*: *пура* «сруб» < *пура* «рубить, ставить сруб» + *-а*; *сўре* «борона» < *сўре* «боронить» + *-е*; *пёве* «пруд» < *пёве* «прудить, запруживать» + *-е*.

Когда употребительные производные имена перестали делиться на значимые части (корень и аффикс), по контактизации с указанными основами имена существительные стали образовывать без деривационных аффиксов, т.е. способом конверсии. Теперь уже омонимичные пары образуют не только от глагольных корней с гласными в ауслауте, но и с согласными: *хайла* I гл. «импровизировать» → *хайла* II сущ. «импровизация»; *йăх* I гл. «оплодотворять» → *йăх* II сущ. «племя»; *йăнăш* I гл. «ошибаться» → *йăнăш* II сущ. «ошибка»; *хутăр* I гл. «мотать, наматывать пряжу на мотовило» →

хутър II сущ. «моток», *ылмаш* I гл. «сменяться» → *ылмаш* II сущ. «смена, чередование».

По мере развития конверсионного способа словообразования его стали использовать для создания омонимичных основ также от дериватов: *лърка* I гл. (< *лър* подр. + *-ка*) «ворчать, брюзжать» → *лърка* II сущ. «ворчун, брюзга»; *найкәш* I гл. (< *най* подр. + *-кәш*) «ныть, хныкать» → *найкәш* II сущ. «нытик, плакса, зануда».

2. Примерно такие же возможности образования и развития конверсии имели отглагольные прилагательные. Так, от глаголов образуются прилагательные при помощи аффикса *-а (-е)*: *šәра* «густой» < *šәр* «месить» + *-а*; *šемсе* «мягкий» < *šемсә* «размягчиться, становиться мягким» + *-е*; *чәтре* *хўре* «трясогузка», букв. «трясущийся хвост» < *чәтре-* + *-е*; *парка* прил. «крепкий, здоровый» < *парка* «укрепляться, крепнуть» + *-а*.

Если аффикс *-а (-е)* присоединять к основе с гласным *а (е)* в ауслaute, то в результате полного наложения аффикса на производящую основу производная основа не будет отличаться от производящей. Тут тоже может происходить контаминация: говорящий или пишущий может полагать, что слово образовано не с помощью аффикса, а по конверсии. В случаях, когда слова стали претендентами для образования новых слов, говорящие образуют прилагательные от глаголов, оканчивающихся не только на гласные, но и на согласные, не только от корневых слов, но и от производных: *тәкәле* I гл. «подпирать» → *тәкәле* II прил., *тәкәле ураллә сын* «человек, у которого ноги подпоркой»; *янра* I гл. «звучать, звенеть» → *янра* II прил. «звонкий», *янра кәсле* «звонкие гусли»; *шарла* I гл. «шуметь, бурлить» → *шарла* II прил. «бурлящий, шумящий», *шарла сымасем* (Н. Евстафьев) «бурлящие реки»; *шән* I гл. «замерзать, леденеть» → *шән* II прил. «мерзлый, замороженный», *шән тәпра* «мерзлая земля»; *ахәр* I гл. «шуметь, реветь, бушевать» → *ахәр* II прил. «бушующий, шумливый», *ахәр ёскё* «шумливый пир»; *кёвёс* I гл. «завидовать, ревновать» → *кёвёс* II прил. «завистливый, ревнивый», *кёвёс хёр* «ревнивая девушка».

3. Омонимичные основы могли и могут возникать в результате эллипсиса определяемого члена определительного словосочетания. Но прежде чем приступить к описанию такой

возможности, необходимо отметить, что в чувашском языке следует различать три вида эллиптирования определительного словосочетания и что только один из них имеет отношение к конверсии.

Во-первых, если имя существительное употреблено в предыдущих предложениях, то повторное его употребление вместе с адьюнктом оказывается нерелевантным. Поэтому говорящие сплешь и рядом опускают это существительное и оставляют только его адьюнкт. Все же, чтобы отразить отношение адьюнкта к выпадающему ядру, адьюнкт употребляют в форме выделения при помощи аффикса *-и* или *-скер*. В роли адьюнкта определительного словосочетания чаще всего выступают слова и формы следующих частей речи:

а) прилагательные: *пысăк сын* «высокий (большой) человек» — *пысăкки* «тот (из них), который высок» — *пысăкскер* «один из высоких»;

б) некоторые местоимения: *мӗнле сын* «какой человек» — *мӗнли* «какой (из них)» — *мӗнлескер* «из каких (он)»;

в) атрибутивные временные формы глагола: *вӗренӗ сын* «ученый (проучившийся) человек» — *вӗренни* «тот (из них), который учился» — *вӗренӗскер* «один из тех, который учился» и др.

Поскольку после выключения поясняемого существительного адьюнкт приобретает специальный формообразующий аффикс — аффикс выделения, то здесь не может быть речи о явлении конверсии.

Во-вторых, эллиптирование определительного словосочетания может происходить без специального маркирования. Но слова, выполняющие роль адьюнкта (прилагательные, числительные, некоторые местоимения, атрибутивные временные формы глагола), могут присоединять к себе аффиксы некоторых падежей, которые должны были находиться при эллиптируемом существительном. Слова указанных частей речи, следовательно, берут на себя дополнительную, но сравнительно небольшую нагрузку, вернее, происходит здесь известная семантическая конденсация остающегося слова.

Ниже приводятся примеры с прилагательными: *Вӗр сӗнӗрен кӗрӗк сӗлетрӗм* «Я сшила шубу из совершенно нового [меха]»; *Хакӗлрахна сутасшӑн тем пек мухтарӑм сирӗн пальтӑра* (А. Кӑлкан) «Чтобы продать подороже, я всячески

хвалил ваше пальто»; *Баржа ытла тарйпра ларнипе каяймарймър* (Н. Мранькка) «Оттого, что баржа засела очень глубоко [на мель], мы не могли отправиться дальше».

Подобный эллипсис ядерного слова из состава определительного словосочетания происходит не в результате влияния семантики прилагательного, а благодаря воздействию контекстуальных слов в предложении. Известно, например, что шубу шьют (*сёлессё*) из меха, поэтому говорящий опускает слово *тиртен* «из меха», ему достаточно иметь определяющее его слово *сёнёрен* «из нового». Возьмем следующий пример. Продающий хочет сбыть свой товар по дорогой цене, но он не употребляет слово *хакпа*, ибо его значение имплицитно подразумевается из слова *сутасйән* «чтобы продать», в данном контексте вполне достаточно сказать *хакләрахпа* «подороже» и т.д.

Из примера видно также, что от употребления в том или ином падеже прилагательное (*вёр сёнёрен*, *хакләрахпа*, *тарйпра*) не утрачивает своих лексических, морфологических и синтаксических (валентностных) особенностей, но у него не появляется равным образом ни лексических, ни грамматических признаков существительного в достаточном объеме.

Ср. также примеры на контекстуальный эллипсис: а) с числительными: *Ача пиллёке (пилёк сула) кайрё* «Ребенку пошел пятый год»; *Энё киле вуннйра (вуня сехетре) таврйнтәм* «Я домой вернулся в десять часов»; б) с атрибутивными временными формами глагола: *Кашни ймасра кашйка какай турамё лекмест* (М. Ухсай) «Не каждый раз попадает в ложку кусок мяса»; *Вял сулйнчйксене ўксе юласран пйшйрханмасть* (И. Мучи) «Он не беспокоится, что упадет с саней на крутых ухабах».

Таким образом, у нас нет достаточных данных для признания вышеописанного вида эллипсиса как фактора, способствовавшего появлению конверсии.

Третий вид эллипсиса определительного словосочетания отличается от предыдущих тем, что эллиптирование ядерного слова зависит только от семантики адьюнкта. В таких случаях в его роли должно выступать главным образом прилагательное. И по лексическому значению прилагательного легко можно установить, какое ядерное слово оно опреде-

ляет. Обычно такое прилагательное обозначает качество замкнутой группы предметов.

Так, в языке имеется группа прилагательных, выражающих масти лошадей: *хйла* «буланный», *сўрен* «рыжий», *турй* «гнедой» и др., или ряд прилагательных, обозначающих состояние природы: *сулхйн* «прохладный», *шйрйх* «жаркий», *уяр* «ведренный, ясный» и др. В таких случаях при необходимости обозначить, например, вид лошади вместо словосочетания *сўрен лаша* применяют только адъюнкт *сўрен*. И это прилагательное уже пользуется всеми правами существительного: во-первых, оно обозначает не просто масть лошади, а саму лошадь с такой мастью; во-вторых, данное слово может иметь все морфологические признаки (парадигму) существительного; в-третьих, с этим словом могут сочетаться такие определяющие слова, которые соединяются с существительными. Для убедительности приведем предложения со словом *сўрен*: *Тимрук та хййсен сўренне картишине кёртсе тйварчй* (Илпек М.) «И Тимрук распряг во дворе свою рыжую лошадь». *Сўренём, сўренём, сймартапа сёлй сйнче кйна тйтмалла та сана... Чим-ха, вйй илер...* (Илпек М.) «Мой рыженький (конь), надо бы кормить тебя только овсом и яичками... Погоди же, наберемся сил...». Вполне можно утверждать, что слово *сўрен* транспонировалось в существительное.

Следует отметить, что существительные, образованные по конверсии от прилагательных, выгодно отличаются от определительных словосочетаний своей сжатостью, экономностью, образным, экспрессивным (но не переносным) обозначением предмета или явления и стремлением назвать единым словом уже известное понятие.

Кроме всего этого, образование новых существительных от прилагательных по конверсии в любом случае преследует цель создавать собственные названия отдельных видов предмета, выражаемого опускаемым опорным компонентом словосочетания, т.е. существительным. Ср.: *кахал сын* «ленивый человек» — *кахал* «лентяй», *ёсчен сын* «трудолюбивый человек» — *ёсчен* «труженик, работяга», *айван сын* «глупый, наивный человек» — *айван* «глупец, простака» и др.

Данным же видом эллипсиса воспользовались при обозначении школьных оценок по пятибалльной системе количественными числительными (от единицы до пяти): из определительного словосочетания исключается ядерное слово *палл* «знак, балл», и образуется существительное. Ср.: *Сăвă каланайшĕн учитель мана пиллĕк лартса пачĕ* «За декламацию стихотворения учитель поставил мне пятерку».

Пожалуй, такому же способу обязаны и образования названий птиц от подражательных слов, а также названий деятелей от определительной формы глагола настоящего времени.

Вероятно, имеются и другие возможности появления слов по конверсии. Надеемся, что по мере развития чувашского языкознания будут описаны и они.

§ 17. Производные слова по конверсии. Образование конверсионных существительных

Большинство произведенных по конверсии слов относится к именам существительным. Они образуются от прилагательных, глаголов, определительной формы глагола настоящего времени, наречий, подражательных слов и числительных. Среди них преобладают существительные, образованные от прилагательных.

Существительные, мотивированные прилагательными

По словообразовательному значению эти существительные делятся на две подгруппы: существительные со значением «носитель признака» и существительные со значением отвлеченного признака.

Существительные со значением «носитель признака»

При образовании существительных данной подгруппы в качестве производящих основ главным образом берутся такие прилагательные, которые выражают характерные признаки предмета (одушевленного, неодушевленного), явления. По ним легко определить, что выражает производное слово.

1. Модель А (характерный признак человека) → N (лицо по характерному признаку)* *айван* «глупец, простак» (*айван*

«глупый, простодушный»), *куштан* «крикун; гордец» (< *куштан* «крикливый, высокомерный»), *лўппер* «неповоротливый, вялый человек» (< *лўппер* «неповоротливый, вялый»), *маттур* «крепыш, силач, здоровяк» (*маттур* «крепкий, сильный, здоровый»), *мёскён* «бедняга, горемыка» (< *мёскён* «бедный, жалкий, несчастный»), *начар* «слабак, слабый человек» (< *начар* «слабый, плохой»), *нёрккес* «лентяй, меланхолик» (*нёрккес* «ленивый, меланхолический»), *пёчэк* «малыш» (< *пёчэк* «маленький»), *суккяр* «слепец, слепой» (< *суккяр* «слепой»), *самра́к* «молодой человек» (< *самра́к* «молодой»), *та́ван* «родня, родственник» (< *та́ван* «родной»), *услап* «лентяй» (< *услап* «ленивый, вялый»), *ухмах* «дурак, дурень» (< *ухмах* «глупый»), *ўсёр* «пьяница» (< *ўсёр* «пьяный»), *хара́м* «дармоед» (< *хара́м* «бесполезный»), *чуха́н* «бедняк» (< *чуха́н* «бедный»), *юлхав* «лентяй» (< *юлхав* «ленивый»), *ют* «чужой человек» (< *ют* «чужой»), *яш* «молодой человек» (< *яш* «молодой»), *телейсёр* «несчастный человек» (< *телейсёр* «несчастный»), *ку́ссяр* «слепой человек, слепец» (< *ку́ссяр* «слепой»), *чёлхесёр* «немой человек» (< *чёлхесёр* «немой»), *ура́сяр* «безногий человек» (< *ура́сяр* «безногий»), *чунса́р* «бездушный человек» (< *чунса́р* «бездушный»), *тура́сяр* «безбожник» (< *тура́сяр* «безбожный»), *хыра́мламас* «пузатый человек» (< *хыра́мламас* «пузатый»), *мелкемес* «человек с взлохмоченными волосами» (< *мелкемес* «лохматый»), *хитрешке* «красотка» (< *хитрешке* «красивенький»), *синсе́шке* «девушка с тонкой талией» (< *синсе́шке* «тоненький»), *са́пкаланча́к* «бродяга» (< *са́пкаланча́к* «бродячий»), *ва́танча́к* «застенчивый человек» (< *ва́танча́к* «застенчивый, стеснительный»), *ва́там* «средняка» (< *ва́там* «средний»), *ачаш* «неженка, баловень» (< *ачаш* «нежный»), *вата́* «старик, старуха» (< *вата́* «старый»), *вы́са* «голодный человек» (< *вы́са* «голодный»), *вёскён* «хвастун» (< *вёскён* «хвастливый»), *тарка́н* «беглец» (< *тарка́н* «беглый») и др. (ср.: *вётёр-шакяр* «детвора», *сётёк-суря́к* «оборванец», *вата́-вётё* «старые да малые, и стар и млад», *ўрёк-су́рёк* «нелюдим, мрачный человек»).

*Здесь приняты следующие обозначения: А — имя прилагательное, Adv — наречие, М — подражательное слово, N — имя существительное, V — глагол, Vatv — атрибутивная временная форма глагола, Z — имя числительное.

2. Модель А (масть животного) → N (животное такой масти): *тимёр кйвак* «серая в яблоках лошадь», *улма-чйпар* «тж», *сўрен* «рыжая лошадь», *пйвйр* «чалая лошадь», *хйла* «саврасая лошадь».

3. Модель А (свойство явления природы) → N (явление природы с указанным свойством): *йшй* «тепло» (< *йшй* «теплый»), *вёри* «жара» (< *вёри* «жаркий»), *йёне* «ненастье, сыкоть» (< *йёне* «влажный, мокрый»), *нўрё(к)* «сырость» (< *нўрёк* «сырой»), *пйчй* «духота» (< *пйчй* «душный»), *сём* «темнота» (< *сём* «темный»), *сивё* «холод» (< *сивё* «холодный»), *сулхйн* «прохлада» (< *сулхйн* «прохладный»), *сўтй* «свет» (< *сўтй* «светлый»), *тёксём* «сумрак» (< *тёксём* «сумрачный»), *тёттём* «тьма, темнота» (< *тёттём* «темный, сумрачный»), *тўлек* «тишина» (< *тўлек* «тихий»), *уяр* «ясная погода» (< *уяр* «ясный, ведренный»), *шйрйх* «жара, зной» (< *шйрйх* «жаркий, знойный»), *шартлама* «трескучий мороз» (< *шартлама* «трескучий»), *шйлкйм* «проливной дождь» (< *шйлкйм* «проливной») и др.

4. Модель А (характерный признак места или пространства) → N (место или пространство с характерным признаком): *айлйм* «низина, низменность» (< *айлйм* «низинный, низменный»), *ваймйк* «пологость, покатость, склон» (< *ваймйк* «пологий, покатый, наклонный»), *ирёк* «вольное пространство, свобода» (< *ирёк* «вольный, свободный»), *кукйр* «извилина, поворот» (< *кукйр* «кривой»), *лаптйк* «плоскость, широкая сторона» (< *лаптйк* «плоский, ровный»), *путйк* «впадина, углубление» (< *путйк* «впалый»), *сакйлта* «выбоина (на дороге), ухаб» (< *сакйлта* «ухабистый, ввалившийся, уступчатый»), *сйртлам* «возвышенность» (< *сйртлам* «возвышенный»), *сёвек* «склон» (< *сёвек* «отлогий, пологий, некрутой»), *сывйх* «близость» (< *сывйх* «близкий, ближний»), *тавра* «окрестность, округа» (< *тавра* «окрестный, окольный»), *тйрйх* «полоса, местность, округа» (< *тйрйх* «продольный»), *тёмеске* «бугор, холм» (< *тёмеске* «бугристый, холмистый»), *тўрем* «равнина, ровное место» (< *тўрем* «ровный, гладкий»), *усй* «пространство», *тёнче усси* «мировое пространство» (< *усй* «открытый, просторный»), *хирёс* «противоположная сторона» (< *хирёс* «противоположный»), *хўтё* «укрытие, защита, прикрытие» (< *хўтё* «защищенный, прикрытый») и др.

5. Модель А (цвет предмета) → N (предмет с указанным цветом): *ешёл* «зелень», *йайра-курак ешёлё* «зелень растений» (< *ешёл* «зеленый»), *кавак* «синь, синева», *тупе кавакё* «синь небес» (< *кавак* «синий»), *писев* «краска (для крашения губ), румяна, губная помада» (< *писев* «румяный, красный», *писев улма* «красное яблоко»); *сар* «желток», *саймарта сарри* «желток яичка» (< *сар* «желтый»); *хура* «зрачок», *кус хури* «зрачок» (< *хура* «черный»), *шур* «белок», *кус шурри* «белок глаза» (< *шур* «белый») и др.

6. Модель А (характерный признак предмета) → N (предмет с указанным признаком): *пёркеленчэк* «морщина, складка» (< *пёркеленчэк* «морщинистый, складчатый»), *уйрам* «отдел, раздел, отделение» (< *уйрам* «отдельный»), *урла* «поперечина, перекадина» (< *урла* «поперечный»), *хайал* «полость, дупло» (< *хайал* «полый»), *чаймар* «кулак» (< *чаймар* «круглый»), *ванчак* «осколок, обломок» (< *ванчак* «разбитый, поломанный»), *катра* «кудри» (< *катра* «кудрявый»), *саврашка* «круг, кружок» (< *саврашка* «круглый»), *сёррёк* «обломок, осколок» (< *сёррёк* «разбитый, расколотый, треснутый»), *сёрёк* «гниль» (< *сёрёк* «гнилой»), *сунак* «пригарь» (< *сунак* «пригорелый»), *тайрах* «пролет» (< *тайрах* «продольный»), *улах* «уединение» (< *улах* «уединенный»), *хайрак* «сушняк» (< *хайрак* «засохший»), *хушак* «надлом» (< *хушак* «надломленный, сломанный») и др.

Сушествительные

со значением отвлеченного признака

Сушествительные, входящие в эту подгруппу, совмещают в себе присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением существительного как части речи.

1. Модель А (признак предмета) → N (отвлеченный признак): *вайрттайн* «тайна» (< *вайрттайн* «тайный»), *высай* «голод» (< *высай* «голодный»), *ёлкен* «великолепие» (< *ёлкен* «великолепный»), *сук* «бедность» (< *сук* «отсутствующий»), *тутай* «сытость» (< *тутай* «сытый»), *усал* «зло» (< *усал* «злой»), *хитре* «красота» (< *хитре* «красивый»), *чайн* «правда» (< *чайн* «правдивый»), *ырай* «добро» (< *ырай* «добрый»), *айсайрт* «неожиданность» (< *айсайрт* «неожиданный»), *кивсен* «долг» (< *кивсен* «заимообразный») и др.

2) Модель А (психофизиологическое свойство) → N (абстрактное название указанного свойства): *айван* «наивность», *хам айванъма пула* «из-за своей наивности» (< *айван* «наивный»); *артак* «нега» (< *артак* «нежный»), *ачаиш* «нежность» (< *ачаиш* «нежный, изнеженный»), *ватъ* «старость», *ватти ситнѣ* «к нему старость пришла» (< *ватъ* «старый»), *вѣрттѣн* «тайна» (< *вѣрттѣн* «тайный»), *ѣшенчѣк* «усталость» (< *ѣшенчѣк* «усталый»), *кахал* «лень» (< *кахал* «ленивый»), *кичем* «скука» (< *кичем* «скучный»), *кутѣн* «упрямство» (< *кутѣн* «упрямый»), *мѣнтѣр* «пресыщение, избыток» (< *мѣнтѣр* «пресыщенный, упитанный»), *салху* «тоска, грусть» (< *салху* «тоскливый, грустный»), *сисѣнкѣ* «чуткость» (< *сисѣнкѣ* «чуткий»), *суя* «ложь» (< *суя* «лживый»), *тунсѣх* «скука, тоска» (< *тунсѣх* «скучный, тоскливый»), *ухмах* «глупость» (< *ухмах* «глупый, дурной»), *ѣсѣр* «пьяное состояние» (< *ѣсѣр* «пьяный»), *хавас* «радость» (< *хавас* «радостный»), *хастар* «активность, усердие» (< *хастар* «активный, усердный»), *хаяр* «злость» (< *хаяр* «злой»), *ырѣ* «добро» (< *ырѣ* «добрый») и др.

Существительные,

мотивированные глагольными основами

Существительные, образованные от глагольных основ, обозначают лица и предметы по их действию. По значению эти существительные делятся на следующие группы:

1. Модель V (неодобрительное действие человека) → N (лицо, характеризующееся склонностью к такому действию): *алхас* «шалун, озорник» (< *алхас* «озорничать, шалить»), *калаш* «краснобай» (< *калаш* «разговаривать»); ср.: пословица *чѣмен чѣкеш пулнѣ*, *калашман калаш пулнѣ* «молчаливый стал щебетать, как ласточка, неразговорчивый стал краснобаем», *каппай* «хвастун, самохвал» (< *каппай* «хвастаться, хвалиться, кичиться»), *кѣвѣс* «ревнивец» (< *кѣвѣс* «ревновать»), *лѣрка* «ворчун, брюзга» (< *лѣрка* «ворчать, брюзжать»), *нѣйкѣиш* «нытик» (< *нѣйкѣиш* «ныть») и др. Существительные, образованные по данной модели, употребляются с пренебрежительным оттенком.

2. Модель V (характерное действие животного) → N (животное с таким действием): *ула такка* «дятел» (< прил.

ула «пестрый» + сущ. *такка* «стучать», орф. *улатакка*), *тыркас* «суслик» (< сущ. *тыр(ă)* «зерно» + гл. *кас* «резать», орф. *тыр-кас*), ср. речевое образование *антăх* (Ç. Элкер) «волк» (< *антăх* «жадничать»).

3. Модель V (характерный процесс природы) → N (явление природы с таким процессом): *варкăш* (вариант: *вăркăш*) «мелкий ветерок» (< *варкăш* «развеваться на ветру»), *йăлкăш* «блеск» (< *йăлкăш* «блестеть»), *шăн* «мерзлота, мороз» (< *шăн* «мерзнуть, замерзать, леденеть») и др.

4. Модель V (действие, производимое при помощи орудия) → N (орудие для осуществления данного действия): *ала* «сито» (*ала* «просеять»), *сўре* «борона» (< *сўре* «боронить»), *тура* «гребень» (< *тура* «расчесать»), *хутăр* «мотовило» (< *хутăр* «наматывать (на мотовило)»).

5. Модель V (процесс, производимый лицом) → N (название указанного процесса): *авсăн* «качание, веяние» ↑ (< *авсăн* «отвеяться», ср. *авсăн такани* «ночва для веяния хлеба»), *алхас* «распутство» (< *алхас* «шалить, озорничать»), *иртёх* «баловство, шалость» (< *иртёх* «шалить, баловаться»), *савăш* «любовь» (< *савăш* «любить друг друга» взаим. залог), *тивёс* «право» (< *тивёс* «удостоиться делать что-либо») и др.

6. Модель V (действие, происходящее на определенном месте) → N (место, характерное для данного действия): *кай* «задняя сторона, запад, западная сторона» (< *кай* «уходить, идти обратно»), *тул* «внешность» (< *тул* «наполняться, прибывать»), *юнăх* «синяк» (< *юнăх* «покрыться кровоподтеками» — о кровоизлиянии).

7. Модель V (процесс) → N (результат процесса): *манăс* «забвение» (< *манăс* «забываться»), *йăх* «род» (< *йăх* «оплодотворять, покрывать»), *пăнтăх* «плесень» (< *пăнтăх* «плесневеть»), *пёве* «пруд» (< *пёве* «прудить»), *пура* «сруб» (< *пура* «срубить»), *тутăх* «ржавчина» (< *тутăх* «ржаветь»), *хутăш* «смесь» (< *хутăш* «смешаться») и др.

8. Модель V (психофизиологический процесс) → N (процесс по глаголу): *вёчёх* «зло, раздражение, зависть» (< *вёчёх* «злиться, раздражаться»), *кёвёс* «ревность, зависть» (< *кёвёс* «ревновать, завидовать»), *найкăш* «нытье, стенание» (< *найкăш* «ныть, стонать»), *тарăх* «злоба» (< *тарăх* «злиться»), *тўс* «терпение»

(< *тўс* «терпеть»), *юнийҳ* «тоска, печаль» (от гл. *юнийҳ* «тосковать, печалиться»).

Существительные, мотивированные подражательными словами

В языке давно применяются производные существительные, образованные по модели: М (подражательный звук, издаваемый предметом или живым существом) → N (предмет или живое существо, издающие данный звук): *куккук* «кукушка», *карай* «коростель», *пётпёттёк* диал. «перепелка», *ча-как* «сорока», *шйкёр-макёр* «шурум-бурум», *тўттўрут* «дудка».

Имеется слово, образованное по модели: М (подражание звуку, издаваемому живым существом) → N (часть тела данного живого существа): *киккирик* «гребень (у петуха)». В разговорной речи существительные образуются также и по модели: М (подражательный звук) → N (название действия по издаванию данного звука): *шй-шай* (А. Артемьев) «веселый шум», *хапха чёрикё* (А. Воробьев) «скрип ворот», *чуп-чуп уййхё* «медовый месяц» (букв. «месяц поцелуев»), *пйшал янё* «эхо выстрела из ружья», *урамсенче трамвай йён-янё* (Я. Ухсай) «на улице громыхание трамваев»; *Маниён ун (путек) мекекё хйватлй тупй сассинчен нумай хитре* (Я. Ухсай) «Для меня его (ягненка) бление намного красивее, чем раскаты мощного орудия» и др. Хотя значение существительных узнаётся слушающими быстро, но подобные слова не получили еще всеобщего признания, т.е. не стали достоянием языка.

Существительные, мотивированные наречиями

Данные существительные образуются только по модели: Adv (временное обстоятельство) → N (название части продолжительного времени). Производные слова можно подразделить на четыре подтипа:

а) название частей эпохи: *авал* «древность» (< *авал* «в старину, давно, некогда»), *ёлёк* «прежнее время» (< *ёлёк* «раньше, прежде, когда-то»), *ўлём* «будущность, будущее» (от нар. *ўлём* «потом, впредь, в дальнейшем»); например: *Эн шанатйп сутй ўлёме* (А. Кайкан) «Я верю в светлое будущее»;

б) название частей человеческого века: *ыран* «будущее» (< *ыран* «завтра»), *паян* «настоящее» (< *паян* «сегодня»), *ёнер* «прошлое» (< *ёнер* «вчера»); все они образованы от наречий с переносными значениями, например:

*Паяну мухтавлӓ санӓн,
Ырану — мухтавлӓрах.*
(А. Воробьев)

«Твое сегодня славное,
Но твое завтра будет
еще более славным»;

в) название частей года: *кёркунне* «осень» (< *кёркунне* «осенью»; ср. *кёр* «осень»), *хёлле* «зима» (< *хёлле* «зимой», ср. *хёл* «зима»), *суркунне* «весна» (< *суркунне* «весной», ср. *сур* «весна»), *сулла* «лето» (< *сулла* «летом», ср. *су* «лето»);

г) название частей суток: *сёрле* «ночь» (< *сёрле* «ночью»); *Вёсем сёрлесёр таврайнамасё* «Они не вернутся до ночи», *кайтӓрла* «полдень» (< *кайтӓрла* «днем, в полдень»), *кайтӓрла иртрё* «прошел полдень». Не употребляются в качестве имени существительного наречия времени *касхине* «вечером», *ирхине* «утром».

Существительные, мотивированные атрибутивными временными формами глагола

В современном чувашском языке наблюдается тенденция к образованию имен существительных по модели *Vatv N*, где атрибутивная форма настоящего времени обозначает свойственное лицу действие в настоящем, а существительное — лицо по данному действию. Наиболее часто употребляемыми являются *вулакан* «читатель», *вёренекен* «ученик», *вёрентекен* «учитель», *сӓлакан* «спаситель», *пулӓшакан* «помощник», *айӓпланакан* «обвиняемый» и др. До появления этих слов часто употреблялись *ыйткалакан* уст. «нищий, собирающий подаяние» и *каскалакан* «плотник».

Подобные существительные утрачивают глагольные признаки. В частности, у них исчезают глагольные связи с поясняющими словами и грамматические значения аспекта и времени. Но зато они, как и все существительные, могут иметь свои определения и изменяться по числам и падежам, а также спрягаться, например: *хисеплӗ вулаканӓмсем* (В. Бурнаевский) «уважаемые мои читатели». Таким образом, вышеприведенные слова стали лексическими едини-

цами языка, омонимичными атрибутивным временным формам глагола.

Существительные, мотивированные числительными

Самую большую группу имен существительных, созданных в недавнем прошлом по модели Z (неатрибутивные формы числительных) → N (название школьных оценок), составляют слова: *пёрре* «единица», *иккё* «двойка», *виççё* «тройка», *тáваттá* «четверка», *пиллэк* «пятерка». После транспонирования в другую часть речи числительные ведут себя исключительно как имена существительные: они могут иметь все формы лица, числа и падежа и сочетаться с соответствующими определяющими их словами. Вот некоторые примеры, взятые из газеты «Пионер сасси»: *Вáл иккёсенчен хáтáлчё* «Он избавился от двоек»; *Иккёмёш чёрёкре уáн пёр иккё те тухмарё* «Во второй четверти ему не вывели ни одной двойки»; *Вáл пиллэксемне тáваттáсем илнё* «Он получил пятерки и четверки»; *Иккисене учительсем питё мáнтáртá пысáк лартса парáççё тата* «К тому же учителя выводят двойки очень жирными и крупными».

§ 18. Образование конверсионных прилагательных

Имена прилагательные способом конверсии образуются главным образом от глагола. Здесь можно выделить следующие модели:

1. Модель V (действие или состояние предмета или явления природы) → A (характеризуемый указанным действием или состоянием): *ахёр* «бушующий, шумливый» (< *ахёр* «бушевать, реветь»), *ахёр çанталáк* «бушующая погода»; *антáх* «мучительный» (< *антáх* «мучиться, изнемогать»), *антáх юрату* «мучительная любовь»; *варкáш* «легкий, слабый» (< *варкáш* «веять, дуть»), *варкáш çил* «легкий ветерок»; *йáлкáш* «сверкающий, горящий» (< *йáлкáш* «блестеть, сверкать»), *йáлкáш кулá* «яркая улыбка»; *йáмáх* «ослепительный» (< *йáмáх* «ослепляться»), *йáмáх тёс* «ослепительный цвет»; *палка* «клокочущий» (< *палка* «бить ключом, клокотать»), *палка çáлкүç* «клокочущий родник»; *çиçкён* «блестящий, сверкающий» (< *çиçкён* «блестеть, сверкать»), *çиçкён күçсем* «сверкающие глаза»; *тёркёш* «тол-

пящийся» (< *тёркёш* «толпиться»), *тёркёш халăх* «толпящийся народ»; *тинкер* «пристальный, внимательный» (< *тинкер* «смотреть внимательно»), *тинкер куçсем* «внимательные глаза»; *чётре* «дрожащий, трясущийся» (< *чётре* «дрожать, трястись»), *чётре хўре* «трясущийся хвост»; *шарла* «бурлящий, шумящий» (< *шарла* «шуметь, бурлить»), *шарла сырма* «бурлящая река»; *янра* «звнящий, громкий, звонкий, гремющий» (< *янра* «раздаваться, звучать»), *янра юрă* «звонкая песня»; *ялкăш* «пылающий, сверкающий» (< *ялкăш* «ярко гореть, пылать»), *ялкăш куçсем* «сверкающие глаза» и др.

2. Модель V (действие лица или живого существа) → А (склонный делать то, что обозначается мотивирующей основой): *аскăн* «озорной, шаловливый» (< *аскăн* «шалить, озорничать»), *аскăн çил* «шаловливый ветер»; *варкăш* «легкий, слабый» (< *варкăш* «веять, дуть»), *варкăш çил* «шаловливый ветер»; *вёчĕх* «раздражительный, злой» (< *вёчĕх* «злиться, раздражаться»), *вёчĕх чун* «злая душа»; *каппай* «хвастливый» (< *каппай* «хвастаться, кичиться»), *каппай пуçлăх* «хвастливый начальник»; *кёвĕç* «ревнивый» (< *кёвĕç* «завидовать, ревновать»), *кёвĕç сын* «завистливый человек», *кёвĕç арăм* «ревнивая жена»; *нăйкăш* «пискливый» (< *нăйкăш* «стонать»), *нăйкăш сын* «ноющий человек, нытик»; *çăтăх* «прожорливый» (< *çăтăх* «быть прожорливым»), *çăтăх ĕне* «прожорливая корова»; *тиркеш* «придиричивый, разборчивый» (< *тиркеш* «быть разборчивым, придираяться»), *тиркеш поэт* (П. Хусанкай) «придиричивый поэт» и др.

3. Модель V (подвергаться действию природы) → А (находящийся в состоянии, возникшем в результате действия природы): *кушăрка* «огрубелый, обветренный» (< *кушăрка* «обветриваться»), *кушăрка алăсем* «огрубелые руки»; *пăнтăх* «заплесневелый» (< *пăнтăх* «плесневеть»), *пăнтăх кўлĕ* «загрязнившееся озеро»; *пиçĕх* «загорелый» (< *пиçĕх* «загорать»), *пиçĕх ўт-тир* «загорелое тело»; *сарăх* «пожелтелый» (< *сарăх* «желтеть, становиться желтым»), *сарăх çулçăсем* «пожелтелые листья»; *тутăх* «заржавелый» (< *тутăх* «ржаветь»), *тутăх нухрат* «заржавелый нухрат (монета)» и др.

4. Модель V (подвергаться действию) → А (содержащий результат этого действия): *алчăра* «косой» (< *алчăра* «слеп-

нуть, ослепиться (при сильном свете)»), *алчӑра кӑссем* «косые глаза»; *анра* «глупый, бестолковый, тупой» (букв. «бестолковая голова»), *анра пуҫ* «бестолочь»; *парка* «здоровый, прочный, крепкий» (< *парка* «укрепляться, крепнуть»), *парка тымар* «здоровый корень», *парка сын* «здоровый человек»; *пӑчӑх* «душный, спертый» (< *пӑчӑх* «становиться душным, спертым»), *пӑчӑх пекарня* «душная пекарня»; *сӗлкӗш* «грустный, скучный» (< *сӗлкӗш* «пропитываться водой, становиться невеселым»), *сӗлкӗш сӑн* «грустный вид»; *урмӑш* «драчливый, скандальный, ненормальный» (< *урмӑш* «скандалить, бесноваться»), *урмӑш этем* «помешанный человек»; *хӑр* «сухой» (< *хӑр* «сохнуть, худеть, чахнуть»), *хӑр шӑмӑ* «сухая кость», *хӑр нике* «иссохшая девушка»; *хутӑш* «смешанный» (< *хутӑш* «смешиваться, перемешиваться»), *хутӑш отряд* «смешанный отряд»; *ылхан* «проклятый» (< *ылхан* «проклинать»), *ылхан юна* «проклятый столб»; *япӑх* «запущенный, заброшенный, плохой» (< *япӑх* «ухудшаться, становиться плохим»), *япӑх хуҫалӑх* «заброшенное хозяйство».

5. Некоторые прилагательные образованы по конверсии и от существительных. Это хорошо видно на примере девербальных существительных, образованных при помощи отдельных аффиксов и выступающих уже в качестве производящей основы при создании прилагательных по конверсии.

Так, слово *хӗрӳ*, как и многие существительные на -у (-ӳ), выступает прежде всего как название предмета (*хӗр* «нагреваться» + -ӳ > «жара»). Но оно может принимать все приметы прилагательного и обозначать признак предмета или действия *хӗрӳ ёҫ* «напряженная (жаркая) работа», *хӗрӳ калас* «говорить (выступать) с жаром». Ср. также: *ул(ӑ)шу* I «перемена», «ошибка», *улӑшу* II «ошибочный», *алсана улӑшу тӑхӑн* «неправильно надеть рукавицы (перепутав правую и левую)»; *хӑравҫӑ* I «трус», *хӑравҫӑ* II «трусливый, боязливый», *хӑравҫӑ(рах) сын* «боязливый человек».

§ 19. Образование конверсионных глаголов

Глаголы образуются по конверсии от подражательных слов лишь по одной модели: М (подражание движению предмета)

→ V (производить движение, указанное мотивирующим словом): *вӑр* «отталкивать с силой, отшвыривать», *вӑрса яр* «отшвырнуть»; *йӑлтӑр* «сиять, сверкать», *сӑлтӑрсем йӑлтӑрасӑсӗ* «звезды сверкают»; *йӑм* «пропасть», *купӑс сасси йӑмрӗ* «исчезли звуки гармонии»; *пӑш* «тосковать, кручиниться», *ӑш пӑшат* «душа горит»; *сӑрӑл* «дрожать», *сан-сӑрӑм сӑрӑлса кайрӗ* «по телу пробежали мурашки»; *сӗнк* «склонять голову», «дремать» (от *сӗнк* подр. о затихании, впадении в забытие), *сӗнксе сӑуре* «ходить, опустив голову»; *чӑлтӑр* «мерцать, дробно блеснуть», *кавак сӑтӑ чӑлтӑрсе килет* «еле заметно приближается рассвет»; *ялтӑр* «засверкать, заблестеть», *кусӑсем ялтӑрса илчӑс* «его (ее) глаза заблестели».

Теоретическое решение вопроса о конверсии имеет непосредственное отношение к лексикографии. Но в словарях, вышедших в последние десятилетия, словарные статьи омонимичных основ оформлялись бессистемно (о чем говорили выше): в одних случаях каждая омонимичная основа дается в самостоятельной статье (это особенно относится к глагольным парам), в других авторы делают вид, что не замечают омонимичности основ (это касается прежде всего основ прилагательных и существительных, наречий и существительных). Но иногда в одну и ту же словарную статью включаются авторами омонимичные основы нескольких частей речи в качестве значений и, следовательно, форм одного и того же слова. Для примера возьмем статью слова *йӑнӑш* из «Чувашско-русского словаря» В.Г. Егорова (1954):

йӑнӑш 1. ошибка; 2. ошибочный, неправильный; 3. ошибочно, неправильно; 4. ошибаться.

После анализа подобных словарных статей невольно приходишь к следующему выводу. Если в словарь в число лексических значений слова автор включает и категориальные значения, то, следовательно, не учитываются им ни парадигмы значения, ни валентностные свойства слов. Таким образом можно составлять словари теперь, только пренебрегая достижениями современной лингвистической науки в дефиниции слова. Но надо учесть, что словарь был составлен в тридцатые годы и издан в 1935 году, когда языкознание не было еще на подъеме,

как в наши дни. К сожалению, при переиздании (1954) автор не счел нужным доработать словарь.

Если слово действительно образовано или образуется по конверсии, то оно и производящая основа не должны иметь параллельных значений. По мере развития языка значения омонимичных основ появляются независимо друг от друга.

Вот образцы статей некоторых омонимичных основ, составленные на основе «Чувашско-русского словаря» под редакцией М.Я. Сироткина. В целях экономии места в них не включено множество различных примеров, хотя они необходимы в словарях.

йшă I. сущ. 1. Тепло, теплая погода; теплота; *сывлăш йиши* теплота воздуха; *йшă тыт*- сохранять тепло; *йшă яр*- «пропускать тепло»; *паян сирĕм градус йшă* «сегодня двадцать градусов тепла» 2. жара; *йшă шатри* сыпь от жары; *чĕкĕнтĕре йшă тиврĕ* свеклу взяло жаром 3. *перен.* жизненная энергия, внутренний жар, сила; *старикĕн йиши пĕтнĕ* у старика уже нет сил 5. *физ.* теплота; *йшă единици* единица теплоты.

йшă II. (*йш*) прил. 1. теплый // тепло; *йшă кун* теплый день; *санталăк йшă тăрат* погода стоит теплая; *йшăрах тумлан*- одеваться (по)теплее 2. *перен.* свежий; *йшă сăкăр* свежий хлеб 3. *перен.* теплый, ласковый, приветливый; *йшă куçсем* ласковые глаза; *йшă сăмах* теплое слово 4. *перен.* приятный, добрый, сладкий; *йшă хыпар* приятная (добрая) весть; *йшă ыйхă* сладкий (приятный) сон.

Для сравнения с вышеуказанными двумя статьями можно привести статью со словом *йишăн*. Оно образовано от прилагательного с переносным значением *йшă* «теплый, ласковый, приветливый».

йишăн тепло, приветливо, ласково; *куçĕсем йишăн пăхăçĕ* его глаза смотрят приветливо.

Что касается вышеуказанных омонимичных основ с *йăнăш*, то следовало бы оформить три статьи:

йăнăш I сущ. ошибка, погрешность, заблуждение; *йăнăш ту* допустить ошибку; *йăнăшсем ан ту* не делать ошибок; *йăнăша юса* исправлять ошибку; *грамматика йăнăшĕ* грамматика

тическая ошибка; *асърхамасър тунă йăнăш* недосмотр, случайная ошибка;

йăнăш II прил. ошибочный, неправильный // ошибочно, неправильно; *йăнăш сăмах* ошибочное слово, *йăнăш теори* ошибочная теория; *йăнăш хисеп* просчет; *йăнăш каласа яр* неправильно выразиться, оговориться; *вăл йăнăшрах каларё* он выразился несколько ошибочно;

йăнăш III гл. ошибаться, заблуждаться, быть в заблуждении; *йăнăшса сиен кур* терпеть убыток, ошибаясь.

§ 20. Образование парных слов

Свободное сочетание или производное слово?

Довольно значительную долю в числе производных слов чувашского языка составляют так называемые парные слова, которые бытуют в нем, надо полагать, с древнейших времен. Тюркологи, исследовавшие язык памятников древней письменности, отмечают, что в генезисе парные слова уходят в далекое прошлое [1, с. 14, 56, 102–105, 136]. Об этом же говорят и некоторые данные чувашского языка. «Тот или иной член парного слова теперь непонятен, в современном языке не употребляется, значение его можно узнать из других тюркских языков или словаря диалектов» [10, с. 101]. Например, парное слово *хурт-хăмър* имеет значение «пчѐлы». Первый компонент его употребляется со значениями «червяк», «гусеница» и «пчела», а второй компонент *хăмър* утратил свое значение и не употребляется самостоятельно. Омонимичное слово *хăмър* «коричневый» не имеет никакого отношения к данному парному слову. Если же мы обратимся к другим тюркским языкам, то можем обнаружить, что чувашское слово *хăмър* имеет общее происхождение со словами: уйг. *кумурска*, тув. *кымыскаяк*, шор. *кымырташ* «муравей». Древнее слово *хăмър* в чувашском утратило значение «муравей». Слово же *кăткă* «муравей» было заимствовано чувашами из марийского языка в более позднее время.

Подобных компонентов с утраченной семантикой в составе парных слов в современном чувашском языке более сотни. В этом отношении парные слова, пожалуй, можно рассматривать как один из музеев лексических архаизмов. Поэтому трудно согласиться с утверждением С.П. Горского о

том, что только «к концу 90-х годов XIX века закрепилось употребление парных слов и их правописание» [8, с. 60]. Нам думается, что нельзя ставить в один ряд закрепление типов словообразования в языке и их правописание, так как первое зависит от второго. Надо учесть еще и то, что в правописании бывает много условностей и оно не вполне считается с фактами языка. Тем более в конце XIX века правила правописания чувашского языка не успели еще сложиться и упрочиться.

Относительно парных слов в тюркологии долгое время бытовало более или менее единое мнение. Исследователи представляли их в специальных работах или грамматиках по тюркским языкам как вид словообразования [8, с. 63–64; 74–75; 10, с. 136; 12, с. 63; 13, с. 135–138; 18, с. 297–328]. Свои мнения авторы доказывали, приводя многочисленные языковые факты.

Сравнительно недавно появилась в печати работа К.М. Любимова, в которой на материале турецкого языка автор предлагает рассматривать парные слова как свободные словосочетания. По его мнению, у каждого компонента парного слова могут быть падежные показатели, посессивное спряжение, самостоятельное ударение, а «пары слов сочетаются простым перечислением». Но утверждение К.М. Любимова о том, что парные слова следует относить к свободным словосочетаниям, не подтверждается убедительными данными. Нет анализа языковых фактов. Во-первых, употребление словоизменятельных аффиксов после первого компонента трудно считать релевантным, падежные и посессивные аффиксы выполняют здесь только факкультативную роль. Они не являются признаком раздельнооформленности слов-компонентов. Во-вторых, в парных словах ударение падает лишь на второй компонент, первый компонент произносится без самостоятельного ударения: *кунсул*, *лару-тӑру* и др. По этой причине трудно утверждать, что компоненты конструкции сочетаются друг с другом при помощи перечислительной интонации: последняя возможна лишь в предложениях с однородными членами. Наши наблюдения, изложенные ниже, оспаривают тезис К.М. Любимова. Все данные говорят о том, что парные слова являются одним из видов словообразования чувашского языка [29].

Структурные особенности и модели парных слов

Парное слово как произведенное способом сложения основ характеризуется тем, что равноправные основы-компоненты его состоят в тесном семантическом взаимоотношении и образуют неделимую единицу, выражающую обобщенное значение.

Связь между компонентами парного слова напоминает синтаксические сочинительные отношения; ни один из членов не находится в зависимости от другого. Но в действительности между компонентами парного слова наблюдаются самые близкие взаимоотношения. Основы для образования парных слов подбираются такие, чтобы по отношению друг к другу они были или синонимами, или антонимами, или с однородными и приблизительными понятиями. Такая тесная взаимосвязь, как правило, не наблюдается между однородными членами предложения. В качестве производящей основы выступают здесь две (в редких случаях — три) основы, и значение производного слова мотивируется главным образом этими производящими словами. Поскольку компоненты парного слова относятся к словам одной и той же части речи, то и производное слово должно иметь то же категориальное значение, что и производящие основы.

Семантически парные слова в целом выражают собирательное значение. Но здесь не может быть и речи о равенстве словообразовательного значения сумме лексических значений компонентов. Если бы парное слово выражало только сумму лексических значений двух его компонентов, то отпала бы необходимость в нем. Слово *ýпке-пёвер* «внутренности», надо думать, существует с древнейших времен, и с самого начала оно показывает не только эксплицитно выраженные значения, но и имплицитные. В рамках собирательного значения данного слова входят как понятия легких и печени, так и понятия сердца, почек и др., т.е. всех внутренностей.

Хотя с течением времени компоненты парных слов могут изменять свои лексические значения, но они все равно остаются в составе конструкции парного слова и выступают как выразители собирательного значения; ср. *хёҕ-пйшал* «оружие», *ҕайр-тáвар* «хлеб-соль».

Было время (например, в годы Гражданской войны), когда собирательное значение парного слова *хёс-пайшал* включало немного понятий: *хёс* «сабля», *пайшал* «ружье», *пулемет* «пулемет», *тупа* «пушка». Но военная техника так быстро развивается, что теперь в значение этого парного слова включаются совершенно новые понятия: автомат, ракета, атомные устройства и др., а понятия сабли и ружья исключаются, ибо последние сняты с вооружения. Все же прежнее средство выражения значения «вооружение» — парное слово *хёс-пайшал* — сохраняется.

Возьмем другое парное слово — *сайкар-тавар* «хлеб-соль, угощение». В старину гостей угощали хлебом и солью. Например: *Ялсене пыйа чух сурхамран сайкар-таварна кётсе шлесё* (П. Осипов) «Когда бываешь в деревнях, за версту встречают хлебом-солью». Теперь же с улучшением жизни людей значение слова *сайкар-тавар* изменилось. Гости угощают не столько хлебом и солью, сколько чаем с различными сладостями и т.п., но выражение *хайнана сайкар-тавар ларт* «ставить гостю хлеб-соль» все равно сохраняется. Такие же изменения наблюдаются в значениях парных слов *ата-пушмак* «обувь», *сёр-шыв* «страна», *си-пус* «одежда», *сул-йёр* «дорога», *чайак-тирёк* «посуда» и т.п.

В парном слове в плане содержания главным является первый компонент. А другой компонент в большинстве случаев играет лишь второстепенную роль. Очень часто в этой функции выступают слова с ослабленным или затемненным лексическим значением. Многие из них входят в пассивный запас языка или относятся к архаизмам: *сән-сәпат* «лицо, облик», *ёскё-сикё* «пиршество», *пурнай-тәрмәш* «жизнь вообще, быт, условия жизни», *хён-хур* «нужда, бедность, невзгоды, тяготы (жизни)», *тёрёс-тёкел* «исправный, сохраннный, невредимый» и др. В некоторых случаях подобные вторые компоненты стали участвовать в образовании ряда парных слов; ср. -*качка*: *йыт-качка* «собирать», *йымму-качкине* «вместе с костями и тому подобными», *машину-качку* «всякие твои машины»; -*маса*: *тутә-маса* «вкусовые качества», *йәла-маса* «обычаи», *йёрке-маса* «порядки», *чикё-маса* «границы дозволенного»; -*шыв*: *ят-шыв* «доброе имя, добрая слава, честь», *май-шыв* «толк, смысл, суть» и др.

Анализ приведенных примеров приводит к выводу, что второй компонент независимо от того, заполнен он лексическим значением или утратил его, служит средством выражения обобщенного или собирательного значения парного слова.

Хотя парные слова с архаическими компонентами трудно относить к определенным типам, но поскольку они употребляются в речи довольно часто, то можно полагать, что под их непосредственным влиянием в языке появились еще два типа парных слов: парные слова с эхообразными компонентами (типа *хырşă-марşă* уст. «подати и налоги», *шăршă-маршă* «запахи», *хёреслĕ-мёреслĕ* «крест-накрест, вдоль и поперек», *хăрăк-харăк* «старый, ветхий, гнилой» и др.) и парные слова с общими компонентами (типа *хуралşă-мĕн*): *Кунта лагерьти пек хуралşă-мĕн çук* (С. Элкер) «Здесь нет, как в лагере, охранника и тому подобных»; *каяс-тăвас: Вăл киле каяс-тăвас пирки сăмах та тапратмасть* (И. Лисаев) «Он ни слова не молвит по поводу того, ехать домой или нет».

Таким образом, языковые данные показывают, что в чувашском языке парные слова образуются не менее чем по пяти основным словообразовательным семантическим структурам. Они создаются путем сложения:

- а) двух синонимичных основ;
- б) двух антонимичных основ;
- в) двух (или трех) слов, однородных по значению или связанных единой темой;
- г) самостоятельной основы и ее неполного повторения без определенной семантики;
- д) именной основы и вопросительного местоимения *мĕн* или *мĕнле*, *мĕнлĕ*, глагольной основы и вспомогательного глагола *ту* «делать».

Эти типы структур характерны в целом для всех знаменательных частей речи.

Каждая из указанных словообразовательных структур характеризуется спецификой. Парные слова, образованные по одной схеме, могут выражать меньшую совокупность предметов, действий, по другой схеме — большую совокупность и т.д. Но в образовании моделей парных слов, кроме лексико-семантических данных, имеет значение и принадлежность слов к той или иной части речи.

Парные слова, образованные сложением синонимичных основ

Парные слова, образуемые сложением синонимичных основ, выражают собирательное значение, обобщающее предметы, признаки, действия в очень небольшом объеме. Например, парное слово *укса-тенкё* состоит из компонента *укса* «деньги» и компонента *тенкё* «деньги», заимствованного из персидского языка, и означает денежные знаки как бумажные, так и металлические. Парное слово *тәнлә-пуслә* состоит из компонентов *тәнлә* «умный, рассудительный» и *пуслә* «башковитый», близких в семантическом отношении, и в целом выражает значение «благоразумный». Парное слово *ёлёк-авал* состоит из синонимичных наречий *ёлёк* «когда-то, давно» и *авал* «в древности» и выражает понятие «в прежние времена».

Синонимы редко бывают полными и абсолютными. Небольшие различия в семантическом и стилистическом оттенках дают возможность парным словам выражать ограниченно собирательные понятия. Объем их обобщения намного меньше, чем в других структурах парных слов. Здесь мы имеем следующие модели*.

1. N1 син. + N2 син. = N3: *анат-симёс* «различные кушанья» (от *анат* «пища, еда, кушанье», ср. рус. обед; *симёс* «еда, кушанье»); *вэй-хал* «сила и здоровье» (от *вэй* «сила», *хал* «сила, мощь, здоровье»); *шыв-шур* «воды, распутица» (от *шыв* «вода», *шур* «болото»; ср. коми *шур* «ручей», удм. «река»); *уй-хир* «поля, пашни, нивы» (от *уй* «поле», *хир* «нива, степь») и др.

2. A1 син. + A2 син. = A3: *имлё-сиплё* «целебный» (от *имлё* «целебный», *сиплё* «целебный, имеющий целебные свойства»); *ўрёк-сўрёк* «вялый, медлительный» (от *ўрёк* «вялый», *сўрёк* «вялый», *сўрек* «вялый, инертный»); *ула-чәпар* «пестрый, разноцветный» (от *ула* «пестрый», *чәпар* «пестрый, рябой, цветастый, разноцветный»).

3. V1 син. + V2 син. = V3: *именсе-вәтанса* «стесняясь и смущаясь», *аркатса-сәмәрсе* «ломающая и разрушающая», *пәлнә-пәләнә* «знакомый», *макәрать-йәрет* «плачет-рыдает»;

4. Adv1 син. + Adv2 син. = Adv3: *ёлёк-авал* «в прежние времена» и др.

*Буквенные символы означают: А — имя прилагательное, Adv — наречие, М — подражательное слово, N — имя существительное, Pr — местоимение, V — глагол, Vats — атрибутивная временная форма глагола, Z — имя числительное.

В большинстве случаев в качестве начального, доминантного компонента используются слова, широко распространенные и более существенные для создания собирательного значения, а в качестве второго компонента применяются малоупотребительные слова или слова с затемненным лексическим значением. Ср.: *вай-хал* собир. «сила и здоровье», *имлѣ-синлѣ* «целебный», *шыв-шур* собир. «воды, естественные водоемы», *ула-чӑпар* «пёстрый, неравномерный», *уй-хир* «поля, пашни, нива» и др. Во-вторых, парные слова этого типа не могут образоваться от числительных, местоимений и подражательных слов, так как слова, входящие в указанные части речи, не выступают в роли синонимов.

Парные слова, образованные сложением антонимичных основ

Парные слова, образующиеся сложением антонимичных основ, выражают собирательные значения, которые охватывают круг предметов, признаков и действий шире, чем при сложении синонимичных основ. Антонимичные основы здесь мотивируют лексическое значение парного слова с указанием границы понятия, передаваемого компонентами первого слова, такое парное слово может имплицитно охватывать и промежуточные (непротивопоставленные) значения предметов, признаков и действий. В качестве примера возьмем словосочетание *высӑлӑ-тутӑлӑ нуран* «жить впроголодь (недоедая)», где парное слово *высӑлӑ-тутӑлӑ* состоит из антонимов *высӑлӑ* «голодный» и *тутӑлӑ* «сытый». Если вникнуть в суть лексического значения парного слова, то можем заметить, что оно состоит не только из значений «голодный» и «сытый», но и из подразумеваемых имплицитных значений других признаков: «полуголодный» и т.д. Но, разумеется, парное слово, как и любое другое производное слово, может охватить лишь самые типичные или основные стороны действительности, многие семантические компоненты могут лишь иметься в виду.

Парных слов, образованных при помощи антонимичных основ, в языке встречается значительно больше, чем парных слов, образованных при помощи синонимичных основ. При их создании участвуют следующие модели:

1. N1 ант. + N2 ант. = N3: *лару-тӑру* «обстановка, обстоятельства, ситуация, положение» (от *лару* «сидение», *тӑру* «стояние»); *кун-сул* «жизнь, жизненный путь» (от *кун* «день», *сул* «год»); *ватӑ-вӗтӗ* «и стар и млад» (от существительных, образованных способом конверсии); *кут-пуç* «начало и конец» (от *кут* «зад», *пуç* «голова»). *Хуйхи-савӑнӑçӗ, нуши-ырӑхӗ — пурте пулнӑ* (Г. Ефимов) «Горе и радость, нужда и благо — все было».

2. A1 ант. + A2 ант. = A3: *кутсӑр-пуçсӑр* «беспорядочный, без начала и конца, невероятный» (от *кутсӑр* «без задка», *пуçсӑр* «без передка»), *таттисӗр-сытписӗр* «беспрерывный» (от *таттисӗр* «без обрывка», *сытписӗр* «без связки»), *пур-çук* «все, что имеется» (от *пур* «имеющийся», *çук* «отсутствующий»), *пурла-çукла* «когда есть, а когда нет» (от *пурла* «имеющий», *çукла* «не имеющий»), *йӑçлӗ-тутлӑ* «кисло-сладкий, с горечью и сладостью» и др.

3. V1 ант. + V2 ант. = V3: *кӗрен-тухан* «навещающий» (от *кӗрен* «заходящий», *тухан* «выходящий»), *парса-илсе* «давая и получая», *ларма-тӑма* «сидеть и стоять», *килен-каян* «приходящий и уходящий» и др.

4. Adv 1 ант. + Adv 2 ант. = Adv3: *айӑн-çийӑн* «в беспорядке, одно на другом, вверх дном» (от *айӑн* «низом», *çийӑн* «верхом»), *кутӑн-пуçӑн* «непоследовательно, противоречиво» (от *кутӑн* «задом», *пуçӑн* «головой»), *хӗлӑн-çӑвӑн* «и зимой, и летом, круглый год» (от *хӗлӑн* «зимой», *çӑвӑн* «лето»), *каллӗ-маллӗ* «взад-вперед, туда-сюда», *ирлӑн-касӑлӑн* «по утрам и вечерам» и др.

Поскольку между словами, входящими в классы числительных, местоимений и подражательных слов, не может быть антонимических отношений, то от них невозможно образовать парные слова указанного типа.

Парные слова, образованные сложением основ, однородных по значению

Парные слова, образующиеся сложением основ, однородных по значению или относящихся к одной определенной теме, выражают собирательное значение приблизительно, без каких-либо конкретных границ. Иногда для мотивации значения парного слова достаточно наличия значений имеющихсх двух

основ. Например, *атте-анне* «родители» (от *атте* «отец», *анне* «мать»). Но в большинстве случаев в семантику мотивированного слова входит не только то, что выражено мотивирующими основами, но и дополнительные семантические компоненты, передаваемые имплицитно, например: *атӑ-пушмак* «обувь» (от *атӑ* «сапог», *пушмак* «башмак»). В данном случае в качестве семантических компонентов парного слова могут быть включены понятия всех изделий, носимых на ногах (сапоги, башмаки, туфли, ботинки, боты, галоши и др.). Но поскольку слово с собирательным значением было образовано, то оно будет продолжать функционировать без каких-либо внешних видоизменений и в дальнейшем, хотя в жизни в понятие обуви стало входить множество других предметов. Облик слова меняется медленно.

По сравнению с другими типами образования парных слов круг слов, образованных по настоящему типу, очень велик.

По данной модели образованы и можно образовать парные слова, относящиеся не только к существительным, прилагательным, глаголам и наречиям, но и к числительным, местоимениям и подражательным словам. И следует отметить также, что видовые понятия в редких случаях могут быть переданы тройными или четверными словами, например: *Хан-харан лаши-ёни-сурӑхӗ черетлӗн кӗпӗрленсе тухаҫҫӗ* (В. Паймен) «Из ворот гурьбой выходят лошадь, корова и овцы». Но подобные образования встречаются только в речи, они не воспроизводятся, и считать их единицей языка, очевидно, не следует.

1. Самая значительная доля парных слов образована по модели N1 однокор. + N2 однокор. = N3: *ҫӗр-шыв* «страна» (орф. *ҫӗршыв*; *ҫӗр* «земля», *шыв* «вода»), *сӗтел-пукан* «мебель» (*сӗтел* «стол», *пукан* «стул»), *утӑ-улам* «корм» (*утӑ* «сено», *улам* «солома»), *хӗҫ-пӑшал* «оружие» (*хӗҫ* «сабля», *пӑшал* «ружье»), *пуҫ-ура* «голова, конечности и голова» (*пуҫ* «голова», *ура* «нога») и др.

Приведем примеры с производными существительными, состоящими из трех основ. *Тимӗр-хӑма-улам виткӗч курӑнмасть* (В. Паймен) «Железных, тесовых, соломенных крыш не видеть». *Тепӗр чух вӑл тата, эрех-сӑра-кӑрчама, хырама чирне тӑллат*

(В. Бурнаевский). «Иногда они, спиртные-хмельные напитки (букв. «водка-пиво-брага»), помогают вылечить желудочные болезни». Производные слова из трех компонентов образуют, по-видимому, в тех случаях, когда налицо все семантические компоненты и есть необходимость выразить их полностью эксплицитным способом.

2. Модель A1 однор. + A2 однор. = A3 образования новых слов не отличается продуктивностью.

Изредка встречаются производные прилагательные, состоящие из трех производящих основ: *Уйӓх тавра масмак нек хӓрлӓ-сарӓ-симӓс карта* (Ю. Скворцов) «Вокруг луны виднеется кольцо красно-желто-зеленого цвета, точно у масмака».

3. Парные слова, образованные по модели Z1 однор. + Z2 однор. = Z3, выражают приблизительность от определенного числа до следующего. В образовании подобных числительных имеются некоторые особенности. Первый компонент всегда выражает значение меньшего числа, чем второй. Если в роли слагаемых компонентов выступают числительные с минимальной разницей (например, *ик-виç* «два-три», *виç-тӓват* «три-четыре», *улт-çич* «шесть-семь»), то колебание в значении числа будет незначительное. Такие парные слова образуются от числительных главным образом в пределах единиц (от одного до девяти). В подобных случаях говорящий может колебаться и между тремя числами. Тогда производное слово состоит, конечно, из трех компонентов: *ик-виç-тӓват* «два-три-четыре», *виç-тӓват-пилӓк* «три-четыре-пять». Если каждый компонент выражает число более десяти, то разница между числами первого и второго компонентов может составить и более одной единицы: *вун-вун ик* «десять-двенадцать», *çирӓм-çирӓм пилӓк* «двадцать-двадцать пять», *çӓр-çӓр çирӓм* «сто-сто двадцать» и т.д. В данном положении в семантику мотивированного слова входят не только значения мотивирующих компонентов, но и дополнительные семантические компоненты. Если же в роли компонентов выступают только названия десятков или сотен, то разница в десятках или сотнях между компонентами, как и между единицами, будет незначительна: *çирӓм-вӓтӓр* «двадцать-тридцать», *виççӓр-тӓватçӓр* «триста-четыреста» (возможен вариант *виç-тӓват çӓр* «три-четыре сотни»).

4. Парных слов, образованных по модели $Pr1$ однор. + $Pr2$ однор. = $Pr3$, очень мало. Встречаются некоторые формы парного слова: *въл-ку* «то-се, кое-что» (от мест. 3 л. *въл* с лично-указательным значением и *ку* «этот»), *въл-кусем* (во мн. ч.), *ун-кун шинчен* «о том о сем» (род. п. с послелогом), *йна-кйна* (дат. п). Загадочной пока является форма *уни-куни*, встречающаяся в произведениях некоторых писателей (М. Трубиной, В. Алендея) — носителей урмарско-козловского говора: *уни-куни шинчен вакласа лар* «беседовать о том о сем».

5. $V1$ однор. + $V2$ однор. = $V3$. Поскольку глагольная основа выступает лишь с определенным значением — со значением единственного числа повелительного наклонения, то при употреблении парных глаголов первый компонент не может не принимать ту форму, какую принимает второй компонент. Ср. формы парного глагола *ёс-си* «пить-есть»: *ёсме-симе* (инф.), *ёсёр-сийёр* (мн. ч. повел. накл.), *ёсесё-сиесё* (3 л. мн. ч. наст. вр. изъяв. накл.), *ёссе-сисе* (обст. форма времени).

Вот некоторые парные глаголы в тех или иных определенных формах: *утса-чупса* «шагая и бегая», *курнй-илтнё* «видевший и слышавший», *ырми-канми* «не устающий и не отдыхающий», *пулни-иртни* «происшедшее и прошедшее», *акас-лар-тас* «сеять и сажать» и др.

Пример на трехкомпонентный производный глагол: *Чанаевецем Каппель генералйн полкне пёр салтак тартми тураса-сулса-сйтърса тйкрёс* (В. Бурнаевский) «Чапаевцы уничтожили полк генерала Каппеля, порубив, скосив и растерев в порошок всех солдат до единого».

6. $Adv1$ однор. + $Adv2$ однор. = $Adv3$. Число парных наречий и невелико: *ыран-паян* «сегодня-завтра», *пёлтёр-вицёмсул* «в прошлом или позапрошлом году».

Примеры на трехкомпонентное производное: *Тўлеккён юхакан тйрй шыв витёр кйваккй-симёссён-хёрлён ййлкйшакан сўхе чулсем курйнасё* (М. Кипек) «Сквозь спокойно текущую прозрачную воду виднеются тонкие камушки, сверкающие синезелено-красным цветом».

7. $M1$ однор. + $M2$ однор. = $M3$. Компоненты парных подражательных слов отличаются друг от друга в основном гласны-

ми первых слогов, точнее, здесь происходит чередование гласных *ă/a* и изредка *ё/е*. Подражательные слова подобной структуры обозначают неоднородные звуки или неравномерные движения. Ср.: *вăр-вар* «быстро, проворно», *вăрт-варт* «расторопно, ловко», *йăлтăр-ялтăр* — подр. о прерывистом ярком сверкании, *пăкăл-пакăл* — подр. о беспорядочном кувыркании, *хăлтăр-халтăр* — подр. гроыханию или грохоту неравномерной силы.

Из примеров третьей схемы видно, что в большинстве парных слов, состоящих из компонентов определенной темы, существенную роль в создании видового значения играет первый компонент, он отражает ядро содержания парного слова, а второй компонент принимает в этом деле лишь незначительное участие, его роль сводится лишь к примерному обозначению объема собирательного значения.

Парные слова, образованные сложением определенного слова и его эхообразного варианта

Парных слов, образующихся сложением определенного слова и его приближительного повтора, в чувашском языке довольно много.

Как отличительную особенность данной структуры следует отметить, что второй компонент парного слова не имеет определенного лексического значения и самостоятельного употребления. По фонемному составу он применяется как бы для рифмовки с первым компонентом и поэтому прилипает к нему как нельзя лучше. Н.К. Дмитриев удачно назвал его отзвуком, словом-эхом. Эхообразные варианты слов в языке присущи только конструкциям парных слов. Они могут быть созданы и употреблены носителями языка в ходе речи после знаменательных слов (существительных, прилагательных и некоторых местоимений, глаголов, наречий и подражательных слов) в качестве выразителя собирательного значения*.

По сравнению с другими словообразовательными структурами парных слов данная структура выделяется и тем, что

*Некоторые исследователи относят подобные конструкции к повторам. В свое время и автор настоящей работы поступал таким образом.

собирательное значение характеризуется здесь наличием коннотации и пренебрежительного отношения к предмету, качеству и др.

Эхообразный вариант при первом компоненте образуется двумя способами:

а) чередованием любой начальной согласной фонемы первого компонента с фонемой $|m|$ или $|c|$, изредка с фонемой $|n|$ или $|ш|$; $|x|$, $|ч|$; либо присоединением этих же фонем к началу слова, если в его анлауте находится гласная фонема;

б) чередованием или гласных внутри слова $а/а$, $у/а$, $а/ё$, $ё/а$, $у/а$, $у/ё$.

Иногда в структуре второго компонента возможно одновременное чередование и начального согласного, и внутрисловного гласного.

В принципе, у каждого определенного слова бывает свой эхообразный вариант. Но в некоторых случаях в фонетическом отношении эхообразные варианты ряда слов случайно могут совпасть друг с другом и произноситься одинаково, ср. *шёрш-марш* «запахи» и *кёрш-марш* «соседи» (*кёрш-арш* «тж»).

Из сказанного выше видно, что второй компонент является, в сущности, трансформированным повтором (термин Р.А. Аганина [1, с. 18]). Но его роль другая, чем роль полного, а также частичного повторов. Если полный, а также частичный повторы слова нужны языку для выражения грамматических значений, то семантически невесомый трансформированный повтор все же осознается как некий синонимический придаток первого значения элемента [8, с. 74—75] парного слова и, очевидно, участвует как компонент, необходимый для мотивации значения производного слова.

Парные слова рассматриваемой структуры образуются по следующим моделям:

1. N1 лекс. + N2 транс. = N3. Здесь N2 транс. не имеет лексического значения. В составе второго компонента возможны следующие видоизменения:

1) чередование начальной согласной фонемы с фонемами $|m|$, $|c|$, $|n|$, $|ш|$, $|x|$: *шёрш-марш* собир. «всякие запахи», *шухайш-макш* «всякие мысли»; *кэйтэк-мэйтэк* «недостатки и тому

подобное», *кукрашка-мукрашка* «всякие извилины», *кукăль-макăль* «пирог и тому подобное», *курушĕ-маршă* (*курушĕ-аршă*) «соседи и подобные им»; *хырçă-марçă* «всякие налоги», *хăрăк-марăк* «сушняк и прочее», *хатĕр-матĕр* «всякие принадлежности (чего-либо)», *хуйхă-майхă* «всякого рода невзгоды», *хура-мара* «грязные тряпки и т.п.»; *йĕрке-мĕрке* «всякие беспорядки», *çĕрĕк-марăк* «всякая гниль», *пăсĕ-мăсĕ* «пар и тому подобное», *хуйхă-суйхă* «горе и тому подобное», *хыпар-сыпар* или *хыпар-супар* «всякие вести», *хурлаx-сурлаx* «несчастье и тому подобное»; *туйăм-суйăм* «всякие чувства», *тумĕ-сумĕ* «одежда и тому подобное»; *кăлтăк-сăлтăк* «недостатки и подобные им»; *мухмăр-сухмăр* «хмельное состояние»; *йĕпе-сапа* «ненастье, непогода и тому подобное», *йăла-сăла(й)* «обычай, уклад»; *вăй-сăй* «сила, крепость»; *намăс-симĕс* «стыд и тому подобное»; *путек-çатак* «ягнята, козлята», *патак-çитак* «палки и прочее», *вăрçă-харçă* «всякие войны» и др.;

2) присоединение согласных фонем к гласной фонеме в анлауте слова: *эрĕш-мерĕш* «всякие украшения», *аяккалла-маяккалла* «в разные стороны, по сторонам», *ыйхă-майхă* «всякие сны», *ыйхă-суйхă* «всякие сны», *инкек-синкек* «всякого рода беды», *элек-селек* «всякие сплетни», *усси-пăсси* «польза и тому подобное», *асап-тĕсеп* «всякие мучения».

3) чередование гласных в анлауте (иногда и в ауслауте) второго компонента: *тарçă-тĕрçĕ* «всякие прислуги», *хатĕр-хĕтĕр* «всякие инструменты, принадлежности чего-либо», *карçăк-кĕрçĕк* или *карçăк-кăрçăк* «всякие старухи», *татак-кĕсĕк* «лоскутья и тому подобное», *кашăк-кĕшĕк* «ложки и прочее», *качçă-кĕчĕ* «разные парни»; *хушăк-хашăк* «щели и тому подобное»; *путек-çатак* «ягнята вообще», *хуйхă-майхă* «горе и тому подобное», *тымар-тăмар* «всякие корни», *хырçă-марçă* «всякие налоги»; *тир-тĕр* «мех и тому подобное», *турат-тĕрет* «разные сучья» *çĕтĕк-çатăк* «всякое барахло»; *кăришĕ-аршă* «соседи и подобные им», *хыпар-супар* «всякие вести».

2. A1 + A2 = A3. В составе второго компонента бывают следующие видоизменения:

1) чередование начальных согласных фонем: *картлă-мартлă* «имеющий разные нарезы», *кĕтеслĕ-мĕтеслĕ* «имеющий раз-

ные углы», *кука́р-мака́р* «кривой, извилистый»; *хе́ресле-ме́ресле* «крестовидный»; *те́рле-ме́рле* «различный, всякий»;

2) присоединение согласных фонем к гласной фонеме в анлауте слова: *ахаль-махаль* «пустяковый, простой»; *ула-ча́ла* «различного цвета, неоднородного цвета».

3. $M1 + M2 = M3$. В составе парных подражательных слов второй компонент в редких случаях может выступать и в качестве эхообразного варианта. Здесь возможны или чередование начального согласного с фонемой $[m]$ или $[n]$, или присоединение согласной фонемы $[m]$ к гласной фонеме в анлауте. Примеры: а) *ша́кар-мака́р* «мелкий, пустяковый», *ке́ре́с-мере́с* «громкий, шумный», *ча́л-нар* «вдребезги, врассыпную»; б) *апа́р-тапа́р* «негодный, бросовый». Эхообразные варианты подражательных слов, как и варианты слов других частей речи, самостоятельно не употребляются.

Трансформированные повторы при образованных по моделям $Pr1 + Pr2 = Pr3$, $V1 + V2 = V3$, $Adv1 + Adv2 = Adv3$: *хайхи-майхи* «такой-сякой»; *ытти-хе́тти* «все остальное»; *именсе-сименсе* «стесняясь и смущаясь», *хе́ссе-не́ссе* «степенно, экономно, расчетливо»; *хутран-ситрен* «изредка», *ва́ртта́н-картта́н* «втихомолку».

Изредка эхообразный компонент может находиться на первом месте, т.е. перед вторым компонентом: *та́йла́к-та́йла́к* «полуразвалившийся, покосившийся», *ча́лайш-чалайш* «перекошенный», *ша́в-шав* «шум-гам», *армак-чармак* «растопыренный».

Парные слова, образованные сложением

имен или глаголов и их постоянных компонентов

Парные слова могут образоваться также прибавлением постоянного компонента типа местоимений *ме́н* «что», *ме́нле* «имеющий что-то». Они выражают собирательное значение, как и другие структуры парных слов, но с прибавлением дизъюнктивно-сравнительного оттенка, передаваемого по-русски выражениями или «что-нибудь в этом роде», или «имеющий признак в этом роде» т.д. Например: *Туй-ме́н курма кайсан та ва́л [Парта́с] ялан манпа пе́рле су́ресше́н* (С. Аслан) «И тогда, когда идем смотреть свадьбу или что-нибудь в этом роде, он [Пардас] все-

гда старается быть со мной»; *Кунта лагерьти пек хуралсă-мён сук* (С. Элкер). «Здесь нет охраны или чего-нибудь в этом роде, как в лагере»; *Халăх хушинчен чёнекен-тăвакан пулмарё* (И. Саламбек) «Среди народа не оказалось желающего выступить или кого-нибудь в этом роде». Парные слова этого типа не отличаются конкретностью значения. Утверждая что-либо, говорящий сомневается в достоверности выражаемого понятия: то ли это понятие, выраженное первым компонентом, то ли понятие, чем-то похожее на первое, но в то же время знает, что должно быть одно из двух. Словообразовательное значение ориентируется здесь главным образом на значение, выраженное первым компонентом.

Вторые компоненты представляют из себя семантически абстрактные слова: при именах употребляется вопросительное местоимение *мён*²¹ и производные от него *мёнке*, *мёнке*, а при глаголах — вспомогательный глагол *ту* «делать». Но при некоторых неличных глагольных формах могут выступать те же вторые компоненты, что и при именах. На наш взгляд, это говорит о стремлении языка к нивелировке вторых компонентов.

Главным, что отличает структуру парных слов данного типа от остальных, является то, что употребление вторых компонентов происходит более или менее регулярно, т.е. тот или иной второй компонент при надлежащих речевых условиях может образовать парное слово потенциально от всех слов соответствующей части речи. Поэтому эти парные слова даже трудно называть готовыми единицами языка. И образования парных слов данного типа, по-видимому, следует считать только речевыми, потенциальными. Такое же довольно регулярное словообразование мы видели и при аффиксальном способе.

Далее рассмотрим образование парных слов данной (пятой) структуры по частям речи.

1. Модель $N1 + мён = N2$. Общее у существительного и местоимения *мён* их семантическая и грамматическая соотносительность: на вопрос *мён?* почти всегда отвечают именем существительным: местоимение *мён* изменяется по лицам, числам и падежам, как и существительное. Ср.: *Пысăк клуб тав-*

рашĕ пулманнипе спектакль-мёне шкулта лартаççĕ (Юхма М.) «Из-за отсутствия большого клуба спектакль или что-то в этом роде ставят в школе»; *ёçре-мёнре тĕл пулсан* «встречаясь на работе или где-то в этом роде»

2. Модель A1 + *мёнле* (*мёнлĕ*, *мён*) = A2. В роли второго постоянного компонента парных прилагательных в зависимости от того, употребляются последние в форме выделения или не употребляются, могут выступать и местоимение *мён* «что», и местоимение *мёнле* «имеющий что-либо» или *мёнлĕ* «подобный чему-либо»: *Тата тапăнсан ватти-мённе тиркесе тăмăн* (П. Осипов) «Если нападете еще раз, тогда я не стану смотреть на (вашу) старость и тому подобное»; *Кĕтерук кинемĕ те ытарлă-мёнлĕрех çеç каласа кăтартрĕ* (А. Ёсхĕл) «И тетя Катя рассказывала (нам) иносказательно или как-то в этом роде».

3. Модель Pr1 + *мён* = Pr2. Парных местоимений в чувашском языке мало. Вот некоторые примеры: *нимне-мённе аяланса илеймесĕр* (А. Артемьев) «ничего путного не поняв»;

— *Вăт инкек, епле аманнă?*

— *Епли-мёнĕ, кĕпер айне йăваннă* (Н. Евдокимов)

«— Вот беда. Как же он ранен?

— Как-то вот так, свалился под мост».

4. Модель V1 + *ту* (*мён* и др.) = V2. Парные глаголы в личной форме употребляются реже, чем глаголы в неличной форме. В зависимости от их семантических и грамматических причин в качестве второго компонента могут выступать и вопросительные местоимения, и глагол *ту*: *ывăнни-мённе пĕлмесĕрех* «не зная усталости или что-то в этом роде»; *Шупашкара пырас-тăвас пулсан* (Илпек М.) «Если придется приехать в Чебоксары»; *Ана хирĕç никам та чĕнекен-тăвакан пулмарĕ* (Хв. Уяр) «Против него никто не стал говорить или делать что-то в этом роде»; *Николай хывăнса-туса тăмарĕ, тўрех сцена çине хăпарса кайрĕ* (М. Хури) «Николай не стал раздеваться или делать что-то в этом роде, сразу поднялся на сцену».

5. Модель Adv1 + *мёнле* (*мёнĕн*) = Adv2. В парных наречиях в качестве второго компонента употребляются слова *мёнле* «как, каким образом», *мёнĕн* (оруд. п. от *мён*) и т.п.: *шўтлĕ-мёнлĕ* «в шуточной и тому подобной форме», *шўтлĕн-мёнĕн* «тж».

Парные слова с компонентами, утратившими лексическое значение

В рассмотренные виды структур мы не включили такие образования, у которых один компонент (первый или второй) или оба компонента утратили свои лексические значения. Исходя из семантики и фонетики современного языка и без этимологического анализа трудно утверждать, к какой структуре словообразования относится то или иное парное слово: образовано оно путем сложения синонимичных основ или антонимичных и т.д. Тем не менее производность конструкции парного слова совершенно очевидна, так как не совсем утрачены функции и некоторые формальные признаки, еще не произошло полное упрощение и до сего времени сохранилось собирательное значение.

Утрата лексического значения первого компонента — редкое явление. Но такой факт можно встретить в речи. Например, среди существительных находим такие парные слова, как *сан-суръм* «тело, туловище», *йӕс-нӕс* «чад». В этих конструкциях самостоятельно могут употребляться компоненты *суръм* «спина» и *нӕс* «пар». А компоненты *сан* и *йӕс* теперь, по-видимому, надо считать реликтами слов старочувашского языка. В лексическом составе современного литературного языка мы подобных слов не находим.

Но при этимологическом анализе ряда данных можно установить их лексическое значение. Так, в некоторых говорах или фольклорных произведениях слово *сан** употребляется в значении «спина». Поэтому вполне допустимо предполагать, что парное слово *сан-суръм* было образовано из синонимичных слов. Слово *йӕс*** не употребляется в современном языке в значении «дым». Значит, производное слово *йӕс-нӕс* было образовано из слов одной определенной темы: *йӕс* «дым» и *нӕс* «пар».

Или возьмем прилагательное *армак-чармак* «растопыренный», наречие *йӕри-тавра* «вокруг, кругом». В современном языке компоненты этих слов полностью утратили свои лексические значения, они употребляются только в паре.

*Ср. *сан* «тело, туловище» [А XII, с. 37]. — *Ред.*

** Ср. *йӕс* «изморось» [ЧРСл 1982, с. 124]. — *Ред.*

В современном языке чаще всего употребляются парные слова с неизвестными значениями второго компонента, например существительные: *хйна-вёрле* «гости» (*хйна* «гость»), *тáван-пётен* «родня, родственники» (*тáван* «родственник»), *тúре-шара* (арх.) «административные служащие» (*тúре* «судья»), *ёс-хёл* «дело» (*ёс* «работа»), *кúришё-ариш* «соседи» (*кúришё* «сосед»), *тыр(а)-пул(а)* «хлеба» (*тыр* «хлеб, зерно»), *яш-кёрём* «молодежь, молодые люди» (*яш* «молодой человек») и др.; прилагательные: *тёрёс-тёкел* «целый, исправный» (*тёрёс* «правильный»), *ятлá-шывлá* «именитый» (*ятлá* «имеющий имя»), *урлá-пирлэ* «вдоль и поперек, вкривь и вкось, в беспорядке» (*урлá* «поперечный»), *вак-тёвек* «мелкое, незначительное» (*вак* «мелкий») и др.

В настоящее время эти парные слова весьма близки по структуре к парным словам, у которых в качестве второго компонента выступает эхообразный вариант. Обе конструкции имеют собирательное значение с оттенком приблизительности. Вполне возможно, что модельная структура четвертого типа возникла под влиянием (по аналогии) парных слов, утративших семантику вторых компонентов.

Без определенного значения могут употребляться также оба компонента парного слова, например: существительное *юр-вар* «приварок, провизия, продукты для приготовления пищи (мясо, молоко, творог, кислое молоко и т.д., кроме хлеба», прилагательное *анра-сухра* «ошалелый, шальной, одурелый, бестолковый» (ср. *анраса кай* 1) потерять сознание; 2) оторопеть, растеряться; *анран* *сурáх* 1) овца, обеспамятовавшая от ударов; 2) человек, похожий на такую овцу); наречие *ытлáн-ситлён* «вдоволь, с избытком» (диал. «без излишков, еле сводя концы с концами».

О видах связи между компонентами парного слова

В тюркологической литературе возник вопрос о видах и способах связи между компонентами парного слова. Одни исследователи считают, что компоненты соединены сочинительной связью [1, 12], другие — способом примыкания [10, 14]. Но эти суждения по поводу связи компонентов требуют теоретического обоснования.

По общепринятому мнению, примыкание является видом подчинительной связи [7, с. 360]. При этом один член поясня-

ется другим, но поясняющий член не имеет показателя подчинительной связи. Хотя компоненты парных слов в тюркских языках связаны между собой без формальных показателей, но синтаксически ни один из них не подчиняется другому. Значит, здесь не может быть речи о способе примыкания между компонентами парного слова.

Требует некоторого уточнения и тезис о сочинительной связи компонентов парного слова. Дело в том, что в идеальном смысле связь сочинения выявляется в конструкциях однородных членов. Но сопоставление конструкций парных слов с конструкцией однородных членов показывает, что между ними обнаруживается больше различий, чем сходных моментов. Эти конструкции, как уже отметили выше, сходны между собой в том отношении, что содержащиеся компоненты не подчиняются друг другу по смыслу. Исходя из этой особенности вполне допустимо предполагать, что конструкции парных слов восходят к древним конструкциям однородных членов. Но после того, как парные слова обособились от однородных членов, в их структуре постепенно появились весьма существенные расхождения.

1. В парных словах, как правило, нет той свободы расположения компонентов, какая наблюдается в конструкциях с однородными членами. В качестве исключения можно отметить лишь некоторые парные слова, компоненты которых могут меняться местами: *кунён-сёрён* и *сёрён-кунён* «днем и ночью», *чаи́йк-тирёк* и *тирёк-чаи́йк* «столовая посуда», *са́мах-юмах* и *юмах-са́мах* «разговор, беседа».

2. Однородные члены предложения редко состоят из двух компонентов. Их ряд чаще бывает открытым. Если же однородные члены и состоят из двух компонентов, то большей частью они соединяются друг с другом при помощи аффикса творительного падежа (*паянна ыран* «сегодня и завтра»), при помощи соединительных (*тата* «и»), разделительных (*е* «или», *пёр... пёр* «то... то»), противительных (*анчах* «но», *сапах* «однако» и др.) союзов, а также при помощи союзной частицы *та* (*те*), в редких случаях — при помощи перечислительной или противительной интонации.

Компоненты же парных слов соединяются главным образом при помощи особой (не перечислительной) интонации.

При перечислительном интонировании ударение падало бы на каждый компонент парного слова. А в действительности ударение падает лишь на второй компонент, что сильно воздействует на объединение компонентов в одно слово [10, с. 117; 12, с. 9]. Между компонентами парного слова союзов не бывает, нередко (в фольклорных и поэтических произведениях) может находиться союзная частица *та/те*: *урлӑ та пирлӗ* «в беспорядке» (от *урлӑ* «поперек»), *вут та хӗм* «искры» (от *вут* «огонь» и *хӗм* «искры»), *асар та писер* «сильный, несуразный» (значения компонентов неизвестны).

3. Каждый компонент сочинительного сочетания свободно может иметь при себе поясняющие слова, а при компонентах парного слова не может быть никаких поясняющих слов. Если же имеется такое слово перед первым компонентом, то оно может относиться только к конструкции парного слова целиком: *юратнӑ атте-анне* «любимые родители» (букв. «любимые отец и мать»).

4. Комплекс однородных членов целиком не может участвовать в образовании новых слов, парные же слова нередко выступают в качестве мотивирующих основ при различных способах образования новых слов:

а) при аффиксальном способе словообразования: *суту-илӑҫӗ* «торговец» (от *суту-илӑ* «торговля», аф. -*ҫӗ*), *хӗҫ-пӑшаллан* «вооружиться» (от *хӗҫ-пӑшал*, аф. -*лан*), *йӗри-тавралӑх* «окрестность» (от *йӗри-тавра* «кругом», аф. -*лӑх*; *йӗри* — неизв. слово, *тавра* «круглый»), *кукӑр-макӑрлан* «становиться кривым» (от *кукӑр* «извилистый», эхообр. сл. *макӑр*, аф. -*лан*), *им-ҫамла* «удобрять» (от *им-ҫам* «лекарство, снадобье; удобрение, аф. -*ла*);

б) при словообразовании по конверсии: прил. *ватӑ-вӗтӗ* «стар и млад», сущ. *ватӑ-вӗтӗ* «старики и дети»; прил. *хура-шурӑ* «черный и белый», сущ. *хура-шур* «горе и невзгоды»; прил. *уксах-чӑлах* «хромой и искалеченный», сущ. *уксах-чӑлах* «инвалид, калека» и др.;

в) при словосложении (в парных словах): *хӗн-хур-асан* «мучения, страдания» (от парн. сл. *хӗн-хур* «мучение, гнет», *асан* «страдание»); *кӗлетки-шӑм-шакки* «его внешность и туловище» (от *кӗлетке* «внешность», парн. сл. *шӑм-шак* «скелет, туловище») и др.

5. Компоненты сочинительного сочетания не нуждаются в благозвучии: рифмовке, аллитерации, ассонансе и т.п. Но, как отмечено рядом тюркологов (Н.К. Дмитриевым, А.Т. Кайдаровым и др.), при образовании парных слов в большинстве случаев говорящие добиваются благозвучия как средства более прочного соединения компонентов. Ср:

Рифмующиеся парные слова: *сăмах-юмах* «разговоры» (от *сăмах* «слово», *юмах* «сказка, разговор»), *калла-малла* «взад-вперед», *ўрĕк-сўрĕк* «вялый, медлительный», *лару-тăру* «обстановка» (от *лару* «сидение», *тăру* «стояние») и др.

Аллитерирующиеся парные слова (повторение одинаковых согласных звуков в начале слова, слога): *шыв-шур* «воды, распутица» (от *шыв* «вода», *шур* «болото»), *чăх-чĕп* «куры» (от *чăх* «курица», *чĕп* «цыпленок»), *сан-сурăм* «тело, туловище», *пыршă-пакарта* «потроха» (от *пыршă* «кишка», *пакарта* «внутренности»), *хурт-хăмър* «пчѐлы».

Ассонансирующие парные слова (созвучие согласных в начале и середине компонентов): *пўрт-сурт* «надворные постройки», *тир-сăран* «кожевенные материалы», *сĕлен-калта* «гады, пресмыкающиеся» и др.

Писатели, поэты создают много парных слов, которые часто страдают отсутствием эвфонии. Поэтому было бы трудно ожидать, чтобы эти слова вышли за рамки художественного произведения и ими пользовались все носители языка. Например: *Улмуççисĕр, чие-сырласăр мĕнле пурăнас?* (Г. Ефимов) «Как же жить без яблонь, вишен?» (букв. «без вишен-ягод»).

6. В современном чувашском языке каждый однородный член сочинительного сочетания, как правило, оформляется необходимым аффиксом. И очень редко бывает, чтобы общий формат выносился на конец ряда, за скобки. Употребление же аффиксов парными словами носит совсем другой характер. Сказанное выше о парных словах свидетельствует о том, что они создаются на основе учета семантики производящих основ, постоянного местоположения, единого ударения и возможной фонетической настройки компонентов. Здесь не может быть и речи об образовании парных слов путем сложения словоформ.

Если бы в качестве компонентов выступали словоформы, то и при первом, и при втором компонентах всегда должны были бы находиться одни и те же аффиксы. Фактически же в чувашском языке в большинстве случаев аффиксы присоединяются ко второму компоненту: *сăрт-варсенчи юманлăх* «дубовый лес, находящийся на холмах и оврагах», *тĕс-питрен маттур* «красивый с виду и лица», *улăх-çарансенче* «на лугах, полянах», *мĕнле сăн-питне* «с каким видом, лицом», *лакăм-текĕмсенче* «на ухабистых местах», *çi-пуçĕсем лайăх* «его (ее) внешний вид хорош», *трамвай-троллейбуссенче* «в трамваях и троллейбусах», *чухăн-чахăнсемне* «с бедняками и подобными им», *кăлтăк-калтăкшăн* «из-за каких-либо недостатков», *спектакль-мĕнне шкулта лартаççĕ* «спектакли и что-либо в этом роде они ставят в школе», *тăшĕк-минтерĕ-мĕнĕне* «вместе с периной, подушкой и тому подобным» и др.

Но фактически аффиксы присоединяются не ко второму компоненту как таковому, а к конструкции парного слова в целом. Было бы бессмысленно утверждать, что в парном слове *шăршă-маршăран* «из-за угара» аффикс *-ран* употреблен со второй основой (независимого слова *маршă* в чувашском языке нет, и оно не может изменяться по падежам в самостоятельном виде) и что первый компонент употреблен в основном падеже, второй компонент — в исходном падеже, т.к. это означало бы признание самостоятельного склонения каждого компонента парного слова. Из большинства приведенных примеров видно, что аффиксы невозможно употреблять при первом компоненте, т.е. параллельно с аффиксами, стоящими при втором компоненте: *мĕнле сăнна-питне* (?), *лакăмсенче-тĕкĕмсенче* (?) и др.

Но первый компонент иногда действительно может принимать некоторые аффиксы — аффиксы, которые употребляются при конструкции парного слова в целом. Такие явления наблюдаются особенно в парных словах, образованных от существительных. Например: *алли-урисем* «его руки и ноги» (от *алă-ура*), *уйсем-хирсемĕр* «наши поля и нивы» (от *уй-хир*), *йăли-йĕркине* «их обычаи и нравы» (от *йăла-йĕрке*), *ăшăм-чикĕмне* «своим (моим) нутром» (от *ăш-чик*), *тăванĕ-хурăнташĕсене* «своих (его или их) родственников» (от *тăван-хурăнташ*), *хуйăм-суйăмсемне* «со своими (моими) горестями-невзгода-

ми» (от *хуйхă-суйхă*), *кўриши-аришисенчен* «от их соседей и окружающих» и др.

Из примеров видно, что к парному слову в целом присоединяются все необходимые аффиксы, а к первому компоненту — только аффикс, стоящий впереди. Чем объяснить сложившееся положение? Нужен ли аффикс первому компоненту? Если нужен, то для чего? Если не употреблять аффикс лица при первом компоненте и оставлять его только при втором, то у слушающего может сложиться неправильное представление о парном слове, ибо вместо конструкции парного слова будто получается конструкция так называемого изафета, т.е. именное определительное словосочетание, в котором определяемое слово употреблено в форме принадлежности, а определяющее — без какого-либо аффикса. Ср.:

<i>тăванĕ-хурăнташĕсене</i>	— <i>тăван-хурăнташĕсене</i>
<i>йăли-йĕркипе</i>	— <i>йăла-йĕркипе</i>
<i>кўриши-аришисенчен</i>	— <i>кўриĕ-аришисенчен</i>

Значит, аффикс при первом компоненте употребляется не для связи с другим словом, как при однородных членах, а как бы для доказательства того, что между компонентами парного слова нет подчинительной (изафетной) связи и что оба компонента равноправны. Все же употребление аффикса принадлежности при первом компоненте не всегда является релевантным. В ряде случаев — в зависимости от семантики — можно обойтись без него; ср.: *йшăм-чикĕмпе* — *йш-чикĕмпе*, *хуйхăм-суйхăмсемпе* — *хуйхă-суйхăмсемпе*.

Бывает и другое оформление парного слова, образованного от имен существительных. В конструкции оба компонента могут принимать одни и те же аффиксы (по одному, по два, по три и т.д. одинаковых аффикса): *уйне-хирне* «его (их) поля и посевы», *ёсsem-нуссем* «дела», *хёсne-пăшалпа* «(с) саблей и ружьем».

Литература к разделам «Морфемика», «Морфонология»

1. *Андреев И.А.* Происхождение формы множественности имен в свете диалектных данных // Материалы по чувашской диалектологии. — Вып. 3. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. — С. 44–58.
2. *Андреев Н.А.* Имя существительное // Материалы по грамматике современного чувашского языка: морфология. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. — С. 5–61.
3. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1. Фонетика. Ч. 2. Морфология. — Казань: Типолиитография Императорского университета, 1898. — 276 с.
4. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1998. — 276 с.
5. *Егоров В.Г.* Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. — С. 151–239.
6. *Земская Е.А.* Современный русский язык: словообразование. — М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
7. *Иванов А.И.* Склонение и его роль в чувашском языке // Учёные записки ЧНИИ. — Вып. 34. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. — С. 67–99.
8. *Исхаков Ф.Г.* Имя существительное // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — Вып. 2: Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 72–142.
9. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
10. *Кубрякова Е.С.* Основы морфологического анализа: на материале германских языков. — М.: Наука, 1974. — С. 324.
11. *Кодухов В.И.* Общее языкознание. — М.: Высшая школа, 1974. — 302 с.
12. *Котвич В.Л.* Исследования по алтайским языкам. — М., 1962.
13. *Котлеев В.И.* Два типа чередования в системе гласных чувашского литературного языка // Ученые записки ЧГПИ им. И.Я. Яковлева. — Вып. 22. Чебоксары, 1965.
14. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. Изд. 2-е. — М.: Просвещение, 1987.
15. *Матвеев Т.М.* Грамматика чувашского языка: морфология. — Симбирск, 1919.
16. *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи. — Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви. 1965. — 343 с.
17. *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: опыт сравнительного исследования. — М.: Наука, 1962.
18. *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. — М.: Наука, 1966. — С. 218.
19. *Сергеев В.И.* Морфемика: лекцисен тексчĕ. — Шупашкар, 1987. — 48 с.
20. *Суник О.П.* Существительное в тунгусо-маньчжурском языке: в сравнении с другими алтайскими языками. — Л.: Наука, 1982. — С. 247.
21. *Тимухха Хĕветĕрĕ.* Чăваш чĕлхийĕн грамматикĕ. — Шупашкар: Чăваш кĕнеке кăларакан уйрăм. — 1-мĕш кăларăм. — 1924. — 144 с. — Иккĕмĕш кăларăм. — 1928. — 192 с.
22. *Pritsak O.* Tschuwaschische Pluralsuffixe // Studio Altaica. — Wiesbaden, 1957.

Примечания и комментарии
к разделам «Морфемика», «Морфонология»

1. Исходя из постулата автора, что «морфема должна повторяться в ряде слов (минимум в двух словах)», по поводу словоформы *кайиччен* мы можем сказать следующее: аффикс-морфема *-ччен* повторяется во многих существительных и наречиях: *апатчен* «до обеда», *киноччен* «до начала киносеанса», *ыранччен* «до завтра» и т.д., не говоря о глагольных формах, выражающих время действия: *кайиччен* (*эпир кайиччен*) «до нашего отъезда, ухода», *эсир киличчен* «до вашего прихода (приезда)». Неясной остается судьба элемента (форматива) *-и-* в составе словоформ *кайиччен*, *киличчен*. Вероятно, он представляет форму причастия возможности: *кур-и* «могущий видеть»; ср. *кури-курми* «плохо видящий». Полагаясь на затемненность значения, этот элемент следует считать формативом (грамматическим аффиксом с затемненным значением) и членимость словоформы представить так же, как и в данной работе И.П. Павлова: *кай-и-ччен*. Но, по мнению Н.И. Ашмарина, параллельно существует форма *пулаччен*, *килеччен* от деепричастия слитного на *-а*, *-е* и послелога *-ччен* [3, с. 315]. Аффикс *-иччен* разлагают на две части: аффикс причастия возможности *-и* и послелог *-ччен*. В свое время такое разложение И.П. Павлов считал правильным, ибо в других тюркских языках *-чэн* сочетается с причастной формой, с именами [МГСЧЯ 1957, с. 259].

2. В чувашеведении существует двоякая тенденция: в орфографии — раздельное написание, в морфологии — композитное оформление аффиксов, это касается таких аффиксов, как *-массерен* (*-мессерен*), *-нйранна* (*-нёренне*) и др. Н.И. Ашмарин насчет аффикса *-массерен* (*-мессерен*) конкретно указал, что он из супинов на *-ма*, *-ме* и послелога *-серен*. Мнение И.П. Павлова несколько иное: якобы послелог *-серен* сочетался в прошлом с причастием на *-ма* (*-ме*) [14, с. 295]. Считая, что в современном чувашском языке инфинитивный аффикс *-ма* (*-ме*) не является «мертвым», а аффикс *-серен* употребляется самостоятельно с именами существительными (*килсерен* «в каждом доме», *ялсерен* «в каждой деревне» и т.д.), то их членимость налицо: *кил-ме-серен* > *килмессерен*.

3. Насчет так называемого аффикса *-нйранна* (*-нёренне*) И.П. Павлов писал следующее: «Оно (деепричастие) образуется путем прибавления к причастию прошедшего времени на *-нй* (*-нё*) двух падежных аффиксов: *-ран* + *-на*» [16, с. 296; МГСЧЯ 1957, с. 265].

Речь о «омертвелости» этих аффиксов вообще не идет. А как быть тогда в случаях: *ачаранна* «с детства» или *курнйран вара* «после того, как видел»?

Все это говорит о том, что «так называемые композитные аффиксы» членимы. Работы Н.И. Ашмарина, В.Г. Егорова, И.П. Павлова были написаны в те времена, когда в языкознании вопросы о членимости слов и словоформ не были подняты на должный уровень. Уже начиная с 70-х годов XX века проблемы членимости слова стали интенсивно разрабатываться. Об этом красноречиво говорит выход сборника научных трудов под названием «Развитие современного русского языка, 1972: словообразование, членимость слова» (М.: Наука, 1975. 262 с.).

4. И.П. Павлов не учитывает то обстоятельство, что в языке, кроме прямой принадлежности, существует понятие «косвенная принадлежность».

Под прямой принадлежностью мы понимаем такие отношения между предметами и лицами, когда они имеют непосредственное отношение к другому предмету или лицу и являются их органической частью: *кётъўс пуиши* «кнут пастуха».

Косвенная принадлежность предполагает условный характер принадлежности предмета. Выражение такой принадлежности часто бывает связано с выделительностью. Этот вопрос не был поднят до сих пор не только в чувашеведении, но и в тюркологии в целом. Первым, кто обнаружил грамматическую форму косвенной принадлежности в одном из тунгусо-маньчжурских языков — в эвенском языке, был В.Г. Богораз. О.П. Суник поддержал мнение В.Г. Богораза и писал о «категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках». Б.В. Болдырев посвятил данной проблеме монографию под названием «Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках» (М.: Наука, 1976. 151 с.).

Идея о выделении форм косвенной принадлежности плодотворная, и мы поддерживаем её. В этом случае в слове *кунёне* (*кун-ё-не*) форматив *-ё-* полностью не теряет свое значение и это слово не превращается в наречие. Ср. *Хёвелё хёртет те хёртет* «Солнце все печет да печет»; слово *хёвелё* — в форме 3 лица косвенной принадлежности, ибо *солнце* — предмет ничейный.

5. Исходя из высказываний М. Докулила, Е.А. Земской, мы считаем, что членимость так называемых «слитных» аффиксов чувашского языка *-нӑсем* (*-нӗсем*), *-нӑсемӗн* (*-нӗсемӗн*), *-массерен* (*-мессерен*), *-уӑӑн* (*-ӑӑӑн*), *-нӑранпа* (*-нӗренпе*) прозрачна. Ср. М. Докулит: «Принципиальная членимость основы (и словоформы) зависит от того, можем ли мы выделить в них хотя бы одну составную часть, встречающуюся с тем же значением (и функцией) и в других, реально в языке существующих словах».

Вот мнение Е.А. Земской: «Членимыми являются основы (и словоформы), хотя бы одна часть которых повторяется в каких-либо других основах (и словоформах), реально существующих в языке, соотносительных в данной по значению» (см. об этом: *Сергеев В.И.* Морфемика. Шупашкар, 1987. С. 22).

Да и по мнению самого автора И.П. Павлова, «морфема должна повторяться в ряде слов (как минимум в двух словах)».

Сказано одно, сделано наоборот. Словоформа *утнӑсемӗн* по вышесказанным правилам должна члениться так: *ут-нӑ-сем-ӗн*, ибо здесь *-нӑ-* аффикс причастия прошедшего времени, «живой» аффикс; по данным словаря Н.И. Ашмарина, элемент *-сем-* автономно встречается в высказывании *нумаӑсем нумай* «все больше и больше»; аффикс орудийного падежа *-ӗн-* сейчас превратился в аффикс категории образа действия.

6. В чувашском языке нет аффикса *-ашкал* (*-ешкел*), а есть *-шкал* (*-шкел*), восходящий к (полнозначному) слову *вышкал* «подобный», «похожий». В словаре Н.И. Ашмарина даны следующие примеры:

Сынна вышкал сын пулать. (Вӑл сын майлӑ сын пулать тени пулать.)
Сана вышкал «Похож на тебя» [А V, с. 220].

Здесь же дана отсылка: управляющий дательным падежом, означает «подобно (кому, чему)»: *сакнашкал*, *савнашкал*, *кунашкал* «такой»; послелог *-шкел*, управляющий дательным падежом, *вышкал* > *шкал* означает «подобно (кому, чему)»: *Айӑншешкелех полӑ* «Был похож на мать» [А XVII, с. 383].

По данным В.Г. Егорова, слово *вышкал* «похожий» имеет диалектный характер, от него образовался словообразовательный (!?) аффикс *-йшкал*

(-ёшкел), прибавляемый к форме дательного падежа, при этом протетическое (?) в отпадает, звук *ä* (ё) тоже выпадает [Егоров ЭСЧЯ 1964, с. 59–60]: Итак, остается лишь аффикс -шкел (-шкел), прибавляемый к форме дательного падежа: сан-а-шкел «наподобие тебя»; амйш(н)-е-шкел «похожий на мать»; пир-е-шкел (или: пи-р-е-шкел) «подобно нам». На этой позиции стояли чувашеведы Н.А. Андреев и М.Р. Федотов.

7. Бывшие залоговые аффиксы -йш (-ёш), -йç (-ёç), -йл (-ёл), -йн (-ён) признаны сейчас словообразовательными.

8. Сочетание *вйрлӑх тырӑ* «семенное зерно» (букв. «семена зерна») представляет собой форму изафета I, а образование *вйрлӑхлӑх* (в сочетании *вйрлӑхлӑх тырӑ* «урожай, предназначенный на семена») не является прилагательным, а представляет форму предназначения (или достаточности) имени существительного.

9. Членимость словоформы *вйрманалла* выглядит так: *вйрман-ал(л)-а* «по направлению к лесу»; *вйрман* — основа слова, *-ал(л)-* — направительная форма существительного (ср. *хир-ел(л)-е*); *-а (-е)* формант дательного падежа; в числительных: *хёрӗх-ел(л)-е* «к сорока годам»; аффикс *-ал(л)-, -ел(л)-* по происхождению восходит к самостоятельному слову *ал* «сторона, направление» (ср. тат. *ал* «перед, передний», кирг. *алд* «перед, передняя часть»), которое в чувашском языке сохранилось лишь как компонент сложных слов: *тӗнел* «передняя часть избы для почетных гостей» (букв. «главная передняя часть избы»), *çиел* «верхняя сторона», *хыçал* «задняя сторона» (см. об этом рецензию И.А. Андреева на работу И.П. Павлова «Хальхи чӑваш литература чӗлхи: морфологи», напечатанную в сборнике «Вопросы чувашской литературы и языка» (Учёные записки. Вып. 32. С. 189–200).

10. В действительности повторы основ существительных выражают значение множественности, в этом И.П. Павлов прав, ибо *множественность* — понятийная категория и выражается не только грамматическими, но и фонетическими, лексическими средствами [Ахманова СЛТ 1969, с. 237]. В сочетаниях *ял-ял урлӑ* «через деревни», *сын-сын урлӑ пӗл* «узнать через людей» повторы *ял-ял, сын-сын* выражают логическое множество, но не участвуют в образовании грамматической категории числа. Откройте любой школьный или вузовский учебник по морфологии, везде сказано: «Пёррелӗ хисепӗн аффиксӗ пулмасть, нумайлӑ хисепӗн аффиксӗ -сем» [16, с. 71] — и нигде никем, кроме И.П. Павлова, не сказано, что повторы основ существительных участвуют в образовании категории множественного числа (Хальхи чӑваш литература чӗлхи: морфологи. Шупашкар, 1965. С. 21).

11. Редупликаты типа *мӑшӑрӑн-мӑшӑрӑн* «парами», *ушкӑнӑн-ушкӑнӑн* «группами» не являются наречиями, формант *-ӑн* в этих примерах не деривационный, а реляционный аффикс — показатель категории образа действия существительных, и раньше, когда его принимали за формант инструментального (орудийного) падежа, он также считался реляционным.

12. В словоформах *çӑлать-çӑлатех, кӗтрӗ-кӗтрех, кӑларчӗ-кӑларчех, тупатчӗ-тупатчӗсех, чӑмӑртанӑ-чӑмӑртаннах* нет никаких оснований считать ауслаутные *-ах (-ех)* частицами (*татӑк*), ибо все частицы чувашского языка оформляются или раздельно, или через дефис, а формант *-ах (-ех)* — слитно. Это говорит о том, что названный элемент выделяется в составе словоформы (а не порознь) и изменяет значение остальной части слова — является аффиксом [лат. *affixus* < *af* «сзади» + *fixus* «при-

крепленный]; ср. *префикс* [лат. *praefixum* < *prae* «вперед» + *fixus* «прикрепленный»]. Подчиняясь принципу тотальности употребления, этот аффикс оформляет категорию усилительности во всех знаменательных (отчасти и в служебных, например *пекех*) частях речи в чувашском языке.

13. В список слов, где происходит чередование конечной фонемы [p] с нулем звука, следует включить также слово *кур* «смотреть»; ср. *кăтарф-т* «показывать» (должно быть: *куртарт*).

14. В чувашском языке нет аффикса *-ун (-ўн)*, членимость словоформ не такая, как представлено автором (*юлташ-ун-та, пўрт-ўн-те*), а должно быть: *юлташ-у-н-та, пўрт-ў-н-те*, где *-н-* есть праформатив — аффикс притяжательного падежа.

15. В чувашском языке нет такого аффикса, как *-масăр (-месёр)*, словоформы *курмасăр, пĕлмесёр* поморфемно членятся так: *кур-ма-сăр, пĕл-ме-сёр*, где *-ма (-ме)* — не что иное, как форма инфинитива, а *-сăр (-сёр)* — формант лишительного падежа.

Было же время, когда к инфинитивной форме на *-мак (-мек)* присоединялся формант *-шăн (-шён)*, ныне аффикс причинно-целевого падежа *кур-мак-шăн, пĕл-мек-шён*.

И.П. Павлов *-масăр (-месёр)* считает показателем отрицательного аспекта деепричастия на *-са (-се)*: *кур-са — кур-ма-сăр, пĕл-се — пĕл-ме-сёр*. Этой проблеме он посвятил отдельную статью «К вопросу о происхождении двух деепричастных аффиксов в чувашском языке» (Учёные записки ЧНИИ. Вып. 14). Вопрос этот спорный.

Л.С. Левитская склонна видеть в форманте *-сăр (-сёр)* аффикс лишительного падежа (Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. С. 102—103). Такой точки зрения придерживались чувашеведы Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, но они думали, что формант лишительного падежа *-сăр (-сёр)* присоединяется к отглагольному имени на *-ма (-ме)*. Мнение И.П. Павлова стоит особняком. Он считает, что *-сăр (-сёр)* — не что иное, как деепричастная форма на *-р* в тюркских языках, т.е. было *кил-ме-сёр*, финальная часть в безударном положении превратилась в *-сёр: килмесёр*. Приведенное толкование вызывает сомнения.

Структурную параллель чувашскому *-ма-сăр (-ме-сёр)* (*кур-ма-сăр, сис-ме-сёр*), если рассматривать их как инфинитивные формы в лишительном падеже, можно найти в турецком языке, где встречается комбинация аффиксов *tak-sir-in*: аффикс *-tak* считается показателем глагольного имени + аффикс древнего инструментального аффикса *-in*. Возможно, с исторической точки зрения дериваты на *-ма (-ме)* были отглагольными именами, как, например, *туртма* I диал. 1) пенал; 2) скребок; 3) кочерга; *туртма* II — курево, *туртмалли* «тж». В современном чувашском языке в сочетании *туртма пуçларĕ* «начал курить» *туртма* — инфинитивная форма; то же самое и в предложении: *Ку сурăх икĕ пăта яхăн туртма пултарать* «Эта овца может весить около двух пудов»; *Тулли урапана туртма сăмăл мар* «Нелегко тянуть полный воз»; *Текстри сăмахсене туртма юрмасть* «Нельзя вычеркивать слова из текста».

Вопрос о сочетании аффиксов *-ма-сăр (-ме-сёр)* окончательно не решен. Вместо аффикса *-сăр (-сёр)* может выступить аффикс деепричастия *-сан (-сен)*: *Ку сурăх икĕ пăт туртмасан та пултарать* «Эта овца может и не весить двух пудов»; *Эпĕ туртмасан, эсĕ туртмасан* «Если я не буду курить, если ты не будешь курить».

Литература к разделу «Словообразование»

1. *Аганин Р.А.* Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. — М., 1959.
2. *Андреев Н.А.* Имя прилагательное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. — Чебоксары: Чувгосиздат, 1957. — С. 62—106.
3. *Андреев Н.А.* Передача на чувашском языке непереводаемых относительных прилагательных русского языка // Ученые записки ЧНИИ. — Вып. 16. — Чебоксары. Чуваш. кн. изд-во, 1958. — С. 141—157.
4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 605 с.
5. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 2: Морфология. — Казань: Типолитография Императорского университета, 1898. — С. 392.
6. *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. — Казань: Типолитография В.М. Ключникова, 1903. — С. 570.
7. *Ганиев Ф.А.* Конверсия в татарском языке. — Казань, 1985.
8. *Горский С.П.* Очерки по истории чувашского литературного языка дооктябрьского периода. — Чебоксары: Чувгосиздат, 1959.
9. *Дмитриев Н.К.* О парных словосочетаниях в башкирском языке // Строй тюркских языков. — М., 1962. — С. 133—144.
10. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 276 с.
11. *Егоров В.Г.* Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. — С. 157—239.
12. *Егоров В.Г.* Словосложение в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. — М.: Наука, 1971. — С. 95—107.
13. *Земская Е.А.* Современный русский язык: словообразование. — М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
14. *Кайдаров А.* Парные слова в современном уйгурском языке. — Алма-Ата, 1958.
15. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
16. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Наука, 1960.
17. *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. — М.: Наука, 1976. — С. 396.
18. *Муратов С.Н.* Устойчивые словосочетания в тюркских языках. — М., 1961.
19. *Орлова А.П.* Образование глаголов с помощью аффикса *-ла (-ле)* // Труды ЧНИИ. — Вып. 59. — Чебоксары, 1975.
20. *Павлов И.П.* Краткий очерк морфонологии современного чувашского языка // Чувашский язык, литература и фольклор. — Вып. 4. — Чебоксары. Чувгосиздат, 1974.

21. Павлов И.П. О сложноподчиненном предложении с частицей *те* // Учёные записки ЧНИИ. — Вып. 34. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. — С. 145–152.
22. Павлов И.П. *Хуть (хать)* союза *сыхăнанан пăхăнуллă* предложением *синчен* // Учёные записки ЧНИИ. — Вып. 32. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. — С. 145–151.
23. Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. — М.: Наука, 1966. — С. 437.
24. Сергеев Л.П. Диалектологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1968.
25. Убрятова Е.И. Парные слова в якутском языке // Язык и мышление. — 1948. — Вып. 11.
26. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. — С. 127.
27. Шерба А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 270 с.
28. Шерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. — С. 77–100.
29. Лобимов К.М. Об одной группе словосочетаний в тюркских языках (На материале турецкого языка) // Вопросы языкознания. — 1969. — № 5.

Примечания и комментарии к разделу «Словообразование»

1. Тезис автора о том, что «при словообразовании... не происходит качественных изменений ни в плане выражения, ни в плане содержания», является неверным. Новое значение, возникающее в деривате в результате соединения производящей основы теми или иными словообразовательными средствами, называется словообразовательным значением. Естественно, значение производного слова отличается от производящей основы; ср. *таса* — имя прилагательное со значениями: 1. чистый, освобожденный от грязи, пыли; 2. перен. нравственно безупречный, честный, правдивый; 3. чистоплотный, опрятный; 4. чистый (не содержащий примесей); 5. невинный, невиновный, безвинный; 6. беспорочный, незапятнанный; 7. перен. звонкий, чистый (о голосе); 8. возвышенный, благородный; 9. святой, священный; 10. рослый, крепкий, здоровый; 11. чистый (со свободной поверхностью). Дериваты *тасал* 1. очищаться; 2. освобождаться; 3. исцеляться; 4. исчезать; 5. становиться рослым, крепким, здоровым; 6. уст. совершать обряд очищения от грехов и *тасат* 1. чистить, очищать; 2. освобождать, избавлять; 3. убирать, чистить; 4. мед. прочищать (желудок); 5. перен. разг. очищать, обкрадывать.

Сравнивая данные примеры, никто не может сказать, что при словообразовании не происходит качественных изменений. Изменения налицо и в плане выражения, ибо *таса* — имя прилагательное, *тасал*, *тасат* — глаголы. Вышеприведенные примеры ясно говорят о происходящих изменениях в плане содержания.

2. В «Морфологии», в разделе «Имя прилагательное», примеры типа *тин-тикёс* «гладко-прегладко», *ем-ешёл* «зелено-презелено» автором названы интенсивными (усилительными) формами, а не формами превосходной степени. Видимо, этот разноречивый термин объясняется тем, что автор данные разделы (словообразование и имя прилагательное) написал в разное время, а затем не успел привести к единообразию.

3. В словоформе *йăмрасемлĕ* «с ветлами» И.П. Павлов формант *-лĕ* считает деривационным аффиксом, но на самом деле здесь основа слова *йăмра* — имя существительное во множественном числе с аффиксом *-сем* + *-лĕ* (в форме обладания). В словосочетании *йăмрасемлĕ ял* аффикс *-лĕ* выполняет связывающую (синтаксическую) роль, и поэтому его нельзя считать дериватором. В данном случае аффикс *-лă*, примыкая к имени существительному *йăмра* (*йăмралă*), не изменяет лексического значения, а указывает лишь на его синтаксическую роль. Имя существительное *йăмрасемлĕ* имеет те же определители, что и основа слова: *ватăй йăмрасемлĕ ял* «деревня со старыми ветлами», *сăллĕ йăмрасемлĕ ял* «деревня с высокими ветлами»; *самраĕк йăмрасемлĕ ял* «деревня с молодыми ветлами» и т.д.

4. В сочетании *йăпчăк юрри* «песня соловья» все ясно — это конструкция изафета 2, где первый компонент *йăпчăк* — имя существительное в единственном числе, в основном падеже, *юрри* — имя существительное с основой *юрă* + *-и* — аффикс принадлежности 3 лица, но в словосочетании *йăпчăк юррилĕ сад* «сад, наполненный соловьиной песней», по И.П. Павлову, словоформа *юррилĕ* превращается в прилагательное. Выходит, в составе имени прилагательного *юрр-и-лĕ* содержится показатель категории принадлежности 3 лица, который присущ только именам существительным. Отсюда ясно: морфонологические форманты *-сем*, *-и* явно показывают, что здесь имеем дело с именами существительными, а аффикс *-лă* (*-лĕ*) является реляционным, а не деривационным.

То же самое мы имеем в сочетаниях *арсын чунĕллĕ (хĕрарăм)* — *арсын чунлă (хĕрарăм)* «женщина с душой мужчины», где аффикс *-лă* — показатель формы обладания.

5. Что касается словоформы *апачĕлĕх (апачлĕх)* в сочетании *выльăх апачĕлĕх (апачлĕх) культура*, мы также имеем дело с аффиксом *-лĕх* в синтаксической функции, т.е. он не дериватор, а релятор и является показателем формы предназначения.

6. В сочетании *сăхе туталлă хĕр* «девушка с тонкими губами» стержнем сочетания является *сăхе тута* (прил. + сущ.). При сочетании *сăхе туталлă* «лексические значения обоих компонентов сохраняются, а это значит, что словоформа *туталлă* не может быть прилагательным». Если она была бы прилагательным, мы должны были бы иметь сочетание *туталлă хĕр*, а этого в языке нет. И.П. Павлов поставил вопрос (§ 7) о статусе деривационного и реляционного аффиксов в чувашском языке, но решение этого вопроса стало для него затруднительным.

7. Ссылаясь на то, что современный инфинитив на *-ма (-ме)* не только не принимает ни реляционных, ни деривационных аффиксов, не сочетается с послелогом, автор приводит примеры с аффиксами *-ла (-ле)*, *-лăх (-лĕх)*, *-серен*: *тĕлĕнмелле сын* «удивительный человек», *ватăлмалăх кунсенче* «на старости лет», *каймассерен* «каждый раз, как отправлялся» и отмечает, что это было «до трансформации отглагольного имени в глагольную форму». Тем самым автор отрицает «живое» существование не только аффикса инфинитива *-ма (-ме)*, но и *-ла (-ле)*, *-лăх (-лĕх)*, *-серен*, хотя и приводит примеры типа: *кунсерен* «ежедневно», *килсерен* «в каждом доме». У нас нет достоверных сведений о том, что исторически в языке бытовали отглагольные имена типа *тĕлĕне* (?) по аналогии *пума* «лестница», *вырма* «жатва», *ёсме-сима* «продукты питания». Но, как ни странно, раньше И.П. Павлов примеры типа *тĕлĕнмелле*, *каймалла* выда-

вал за формы *пулмалли наклонени* (т.е. за причастия) «причастия должностования», считая, что аффикс *-малла (-мелле)* слитный, не делимый на морфемы, а здесь, оказывается, *-ма (-ме)* — аффикс инфинитива, а *-лла (-лле)* — направительная форма. Автор, сам того не замечая, стал на правильный путь членения морфем словоформ типа *тёлён-ме-лле, кала-ма-лла*.

8. Если учесть положение, что в чувашском языке нет вообще относительных (по И.П. Павлову, некачественных) прилагательных, все прилагательные принимают аффикс *-ён (-ён)* и превращаются, по И.П. Павлову, в наречия. Принцип тотальности употребления говорит о том, что он не дериватор, а релятор и образует категорию образа действия прилагательных (в существительных некатегориальную форму образа действия: *вёрманён курён* «виднеться лесом»). В числительных типа *иккён* «вдвоем», *виççён* «втроем», *пийён* «тысячами» аффикс *-ён (-ён)* признан И.П. Павловым показателем собирательности числительных, что вызывает сомнение, ибо функция аффикса *-ён (-ён)* как в существительных, прилагательных, числительных, так и в причастных формах (*курён туййанть* «кажется, будто видит», *пурёнассён туййанть* «кажется, что будет жить») одна и та же — выразить идею образа действия.

9. Дериваты типа *пăха* «смотритель» встречаются только в сочетаниях: *ял пăхи* «название божества», *масар пăхи* — то же, что *масар пуç* «глава кладбища» [АХ, с. 175].

10. По отношению к слову *тарçă* «слуга, лакей, батрак, холуй» мы не можем сказать, что оно перестало делиться на значимые части, ибо корень слова *тар-* 3 «труд по найму; наем, аренда» существует в современном языке: *тара тыт* «нанимать на работу»; *çёр тара ил* «арендовать землю». Отсюда морфемная членимость налицо: *тар-* + *-çă*. Что касается слова *тарапçă*, то словари лексему *тарап* дают как диалектизм в значении «упрямство, каприз» (*тарап ту* «капризничать, упрямиться»), значит, это слово тоже членимо: *тарап-çă* «упрямец, капризуля; притворщик, симулянт».

11. Слова *чупак* «поцелуйчик», *кёпёк* «рубашонка», *чёпёк* «щыпленочек» не зафиксированы ни в «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмари-на, ни в чувашско-русских словарях 1961, 1982, 1985 годов издания.

12. И.П. Павлов не переступил порог «порока», что чувашские имена прилагательные выражают значение качества и признаков.

Но обратим внимание на словоформы с *-ма (-ме)* в устойчивых сочетаниях: *тайма пуç* «покорная голова», *сёрме кунăс* «скрипка», *туртма кунăс* «гармошка», *тёкме карта* «частокол», *хушма хуçалăх* «подсобное хозяйство», *хушма рейс* «дополнительный рейс», *шалкам(а) сумăр* «противной дождь», *ахăрма çăвар* «орало», *ларма хёр* «девушка на посиделках», *чашлама çăл* «журчащий родник», *ташлама чёл(ё)* «круглый ломоть хлеба (следующий за горбушкой)», *утма сул* «тропинка», *сёрме пуян* «богатеи», *шартлама сивё* «трескучий мороз».

По И.П. Павлову, в данной работе образования с инфинитивным аффиксом *-ма (-ме)* являются прилагательными, но в работе по морфологии, выпущенной в 1965 году, он мыслил конкретно, верно, но по-другому: «Хăш-пёр тёпчевёсем мёнлелёх палă ячёсем тăвакан аффиксен шутне *-ма (-ме)*, *-а (-е)* аффиксене те кёртесçе. Анчах вёсем сакна шута

илмессё: аффикссем темисе сáмахпа сýрессё пулин те, сáв аффикслá сáмахсем пёрер е икшер сáмаха сёс áнлантарассё, чýлай сáмахсемпе сýхáннинне кур-
ма сук: *ахáрма сáвар* «горлопан», *кара сáвар* «крикун».

Ситменнине тата -ма (-ме), -а (-е) аффикслá сáмахсем... пахалáх ви-
не кáртатма пултараймáссё: вáл сáмахсем танлаштару степенёнче пулмáссё,
питё, кáшт йышши сáмахсемпе сýхáнмáссё. Сáвáппа та вёсене иккёмёшле
паллá ячёсем мар, фразеологи единицисенче хýтса ларнá формáсем сёс
темелле... Халё -ма (-ме) аффикс инфинитив формине тáвать, -а (-е) аф-
фикс — деепричасти формине» (Хальхи чáваш литература чёлхи: морфо-
логи. Шулашкар: ЧАССР кёнеке изд-ви, 1965. 151–152 с.).

13. По И.П. Павлову, модель V + -мáш (-мёш) = А образует прилагательные, но слова *култармáш, тёлёнтермёш, пусламáш, йёрёнтермёш* и др. способны принимать аффикс множественного числа -сем и все как один — аффикс 3 лица категории принадлежности: *пусламáшйё* «начало», *тёнче култармáшйё* «всеобщее посмешище»; *тёнче тёлёнтермёшйё* «чудо света». Некоторые из них могут принимать аффиксы 1 и 2 лица категории принадлежности: *йёрёнтермёшйём* «ты моя надоеда», *йёрёнтермёшý* «твоя надоеда». Все это говорит о том, что эти слова не прилагательные, а существительные.

14. Модель V + -áш (-ёш) = А (прилагательное) не оправдывает себя; *пёлёш* «родственник; знакомый человек» всецело представляет собой имя существительное, склоняется, принимает аффикс множественного числа -сем, имеет полную парадигму категории принадлежности: *пёлёш, пёлёшý, пёлёшйё; пёлёшёмёр, пёлёшёр, пёлёшйёр*.

15. Исследователи подспудно принимают, что в случае присоединения аффикса -ла (-ле) основы слов остаются в той же части речи, что и без этого аффикса. Это обстоятельство и заставляет писать с прописной буквы словоформы *Маяковскилле* «как Маяковский», *Ворошиловла* «по-ворошиловски». Да и в сочетаниях *арсылла хёрарáм* «женщина на мужской лад», *шахматла выля* «играть в шахматы», *чáвашла калаç* «разговаривать по-чувашски» назначение аффикса -ла (-ле) чисто синтаксическое, т.е. реляционное, а не деривационное. Мы имеем дело не со словами разных частей речи, а лишь со словоформами имени существительного. Аффикс -ла (-ле) в существительных подчиняется принципу тотальности употребления (его не принимают лишь некоторые собственные имена, например названия предприятий, заводов, фабрик и др.).

Принимая аффикс за деривационный (наречеобразующий), автор, сам того не замечая, увеличил число наречий до неузнаваемости: все названия языков мира могут принять аффикс -ла (-ле), а их на земле 3 тысячи пятьсот (с учетом диалектов — 7 тысяч с лишним), все имена, фамилии и прозвища человека, названия профессий, званий способны принимать аффикс -ла (-ле), а их несколько сотен тысяч, все названия деревьев и трав, зерновых, животных, птиц, насекомых способны принимать аффикс -ла (-ле), и все они окажутся во власти наречий с аффиксом -ла (-ле). В таком случае мы «утонем» в море наречий. Даже «Чáвашла-вырáсла словарь» окажется словарем наречий, если считать слова *чáвашла, вырáсла* наречиями. Словоформы с -ла (-ле) только поштучно можно считать наречиями: *кáйтáрла* «днем», *сёрле* «ночью», поскольку они не содержат значения сравнения и уподобления: действительных наречий в чувашском языке не превышает шестидесяти.

16. В число наречий на -ла (-ле) И.П. Павлов предлагает включить многочисленные образования: 1) на -áн (-ён): *алмазáн* «как алмаз», *хёвёлён* «как

солнце», с допущением написания с прописной буквы имен собственных *Атáлáйн*, *Донбáсáйн* «по Волге, Донбассу» (заметьте: наречия не пишутся с прописной буквы!); 2) *-ёне (-и́не)*: *ва́хáчёне* «временами», *кунёне* «весь день», *тё́нчине* «весь мир»; 3) *-серен*: *су́лсерен* «ежегодно»; 4) *-чен (-ччен)*: *ка́счен* «до вечера»; 5) *-ранпа (-ренне)*: *ачаранпа* «с детства»; 6) *-ласа (-лесе)*: *кё́лтелесе* «в виде снопов»; 7) *-латса (-летсе)*: *кё́тү́летсе* «целыми стадами» (см. в § 12 «Наречия, мотивированные существительным»).

17. Непризнание (а может быть, и незнание) существования форм косвенной принадлежности (ср. *ачам* — обращение к чужому ребенку, а также обращение к взрослому; в произведении Б. Чиндыкова «Чўк уйáхё» имеются интересные примеры типа: *Асу, э́ё лавккая ан кай халь* «Отец (обращение к родному отцу формой 2 лица притяжательности), ты сейчас не ходи в магазин»; *Пурнáсáйм, мён пурнáсё ё́нтё ман* (вместо *пурнáсё* подразумевается *пурнáсáйм* «жизнь моя», т.е. вместо 1 лица косвенно представлена форма 3 лица, толкнуло И.П. Павлова в «ловушку»: он признал формы *ялёне* «всей деревней», *класёне* «всем классом», *республикине* «всей республикой» наречиями. Слова *ял*, *класс*, *республика*, как существительные, не теряют значение предметности и в случае принятия аффиксов *-ё (-и)* + *-не*, где *-ё (-и)* — показатели формы косвенной принадлежности 3 лица, *-не* — аффикс творительного падежа. Ср.: *Максимовё́не мён тумалла?* «Что же предпринять с Максимовым?», *Максимов-ё́не* — в форме косвенной принадлежности 3 лица *-ё* + *-не* (аффикс формы творительного падежа). Неужели имя собственное при этом превращается в наречие? Попытки такого «чудесного» превращения имен собственных в наречия были и раньше, они есть и в данной работе. См. раздел об образовании наречий».

18. «Адвербомания» И.П. Павлова проявляется больше, чем у других чувашеведов. Н.И. Ашмарин насчет аффикса *-áйн (-ё́йн)* пишет с намеком: «Родительный падеж имен существительных, прилагательных и числительных также употребляется иногда в смысле наречия: *вы́рáйн* «местами» [6, с. 228]; заметьте: «иногда в смысле наречия». Ср. еще: «Заметим еще наречные выражения, образуемые род. падежом» [6, с. 139]. Таким образом, у Н.И. Ашмарина четкого высказывания насчет наречности аффикса *-áйн (-ё́йн)* нет. Аффиксы, указанные выше в семи пунктах, в большинстве своем являются реляционными, некоторые из них являются искусственно усложненными. Как ни странно, сочетание падежных аффиксов *-ран* (исх. п.) + *-па* (твор. п.) признаны деривационными, образующими наречия, но те же падежные аффиксы в сочетании с формантом причастия прошедшего времени *-нá (-нё́)* образуют якобы деепричастия на *-нáранпа (-нё́ренне)*: *кил-нё́-рен-не* «с тех пор как пришел», *ку́рнáранпа* «с тех пор как видел». А как быть тогда со словоформами *ача-ран-па* «с детства», *самрáк-ран-па* «с юности»?

Итак, стараниями наших языковедов наречий стало больше, чем существительных, прилагательных и глаголов, вместе взятых.

19. Слова *колхоз*, *комбат* автор рассматривает как заимствованные слова, но не делимые на морфемы. Слова типа *ком-со-мол*, *кол-хоз*, *сов-хоз*, *ком-бат* и содержащиеся в них элементы не достигают статуса безусловного морфа в системе языка, они как будто мнимые, но в нашем сознании они предстают в словосочетаниях как полноценные слова (морфы): *Коммунистический союз молодежи*, *коллективное хозяйство*, *советское хозяйство*, *командир батальона*. Хотя эти морфемы мы принимаем за квазиморфемы, но они, безусловно, членимы.

Автор абсолютно прав по отношению к слову *райхаçат* (районная газета) и без колебания пишет, что слово *райхаçат* (*район хаçачё*) делится на морфемы, ибо оно создано путем сокращения слова *район* в синхронном плане в *рай*.

По отношению к слову *пиçиххи* у автора прямо противоположное мнение: «слово *пиçиххи* не делится на морфемы», ибо это слово «создано путем осознанного сокращения или деформации словосочетания (*пилёк сыххи*) в диахроническом плане». В слове *пиçиххи* «пояс» элемент *пи-* в современном языке можно принять и за радикасоид, и за префиксоид, и за форматив. Если принять это положение, то это слово свободно членится **пи + сых(ă) -и > пиçиххи*. Исторически элемент *пи-* мог представлять полнозначное слово *пӗ* «туловище» *пӗ + сыххи*, но данные других тюркских языков препятствуют такому допущению: узб. *белбоғ*, ног. *белбав*, тат. *белбау*, где *бел* «поясница».

20. Автор прав в том, что «образование слов по конверсии в чувашском языкознании и в тюркологии вообще не получило всестороннего освещения». К тому же А.М. Щербак в статье «Есть ли конверсия в тюркских языках?» в категоричной форме высказался – нет. И.А. Андреев в рецензии на книгу И.П. Павлова «Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи» (1965) негативно отнесся к явлению конверсии: «Содержащаяся в книге трактовка конверсии вносит дополнительные затруднения при определении самих частей речи» (с. 194–196).

21. Насчет компонента *-мĕн* (*хуралç-мĕн*, *йыт-мĕн*) у автора нет конкретизации. В разделе «Частицы» элемент *-мĕн* признан автором частицей, а здесь о ней говорится, что это слово образует парные слова с общим компонентом. А что такое «общий компонент» – нет объяснения. В части под названием «Парные слова, образованные сложением имен или глаголов и их постоянных компонентов» элемент *-мĕн* признан местоимением: *туй-мĕн*, *хуралçă-мĕн*, а в парном образовании *шутламасăр-мĕнсĕрех* второй компонент *-мĕнсĕрех* безоговорочно признан вопросительным местоимением.

Сокращения

А I–XVII – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 1–17. – Казань; Чебоксары, 1928–1950.

Ахманова СЛТ – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.

МГСЧЯ 1957 – Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. – Чебоксары: Чувгосиздат, 1957.

РЧС – Русско-чувашский словарь / под ред. И.А. Андреева, Н.П. Петрова. – М., 1971.

ЧНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт (при Совете министров ЧАССР).

ЧРСл – Чувашско-русский словарь // под ред. М.И. Скворцова. – М.: Русский язык, 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
--------------------	---

Раздел 1. Морфемика

§ 1. Понятие о морфемике	10
§ 2. Морфема и ее репрезентанты	11
§ 3. Сегментные морфемы	13
§ 4. Особенности корневых и аффиксальных морфем по характеру выражаемого значения	14
§ 5. Особенности функций корневых морфем	16
§ 6. Виды и функции аффиксальных морфем	17
§ 7. Варианты морфем	19
§ 8. Об аффиксоидах в чувашском языке	23
§ 9. Связанные корни (радиксоиды)	24
§ 10. О заимствованных морфемах	26
§ 11. Слияние нескольких служебных морфем в одну	28
§ 12. Омонимия, синонимия и антонимия морфем	32
§ 13. Аффиксальный плеоназм в чувашском языке	37
§ 14. Нулевые морфемы	39

Раздел 2. Морфонология

§ 1. Значашее чередование	43
§ 2. Редупликация начальной части прилагательных	45
§ 3. Повторы слов как особый тип морфем-операций	47
§ 4. Звуковые изменения на стыке морфов	55
§ 5. Правила соединения морфов в лексему	57
§ 6. Чередование фонем	57
Чередования в корневых морфах	59
Чередования в аффиксальных морфах	68
§ 7. Вставка фонем между морфемами	76

§ 8. Наложение морфов	90
§ 9. Усечение производящих основ	93
§ 10. Образование алломорфов путем контаминации	94

Раздел 3. Словообразование

§ 1. Предмет словообразования	99
§ 2. Классификация способов словообразования. Аффиксация ...	100
§ 3. Мотивирующая основа	106
§ 4. Семантически связанные основы	109
§ 5. Синтаксическая конструкция в роли мотивирующей основы	110
§ 6. Деривационный аффикс	114
§ 7. К вопросу о статусе деривационного и реляционного аффиксов в чувашском языке	116
§ 8. Словообразовательное значение	123
§ 9. Словообразовательный тип	124
§ 10. Образование аффиксальных существительных	125
Существительные, мотивированные глаголами	125
Существительные, мотивированные прилагательными	135
Существительные, мотивированные существительными	137
Деминутивы	142
Существительные, мотивированные подражательными словами	144
Существительное, мотивированное числительным	145
§ 11. Образование аффиксальных прилагательных	145
Прилагательные, мотивированные существительными	145
Прилагательные, мотивированные прилагательными	149
Прилагательные, мотивированные глаголами	152
Прилагательные, мотивированные подражательными словами	157
§ 12. Образование аффиксальных наречий	159
Наречия, мотивированные существительными	159
Наречия, мотивированные прилагательными	162
Наречия, мотивированные числительными	163

Наречия, мотивированные наречиями	163
Наречия, мотивированные подражательными словами	164
Наречия, мотивированные атрибутивными временными формами глагола	165
§ 13. Образование аффиксальных местоимений.	
Местоимения, мотивированные местоимениями	165
§ 14. Образование аффиксальных глаголов	167
Глаголы, мотивированные существительными	167
Глаголы, мотивированные прилагательными	172
Глаголы, мотивированные числительными	174
Глаголы, мотивированные местоимениями	175
Глаголы, мотивированные наречиями	175
Глаголы, мотивированные подражательными словами	175
Глаголы, мотивированные глаголами	178
О категории залога	180
§ 15. Аббревиатуры	183
§ 16. Образование слов по конверсии	192
К пониманию сущности конверсии	192
Сопоставление словообразования по конверсии с аффиксальными способами словообразования	197
К вопросу о возможностях возникновения и развития конверсии в чувашском языке	205
§ 17. Производные слова по конверсии. Образование конверсионных существительных	211
Существительные, мотивированные прилагательными	211
Существительные, мотивированные глагольными основами	215
Существительные, мотивированные подражательными словами	217
Существительные, мотивированные наречиями	217
Существительные, мотивированные атрибутивными временными формами глагола	218
Существительные, мотивированные числительными	219
§ 18. Образование конверсионных прилагательных	219

§ 19. Образование конверсионных глаголов	221
§ 20. Образование парных слов	224
Свободное сочетание или производное слово?	224
Структурные особенности и модели парных слов	226
Парные слова, образованные сложением синонимичных основ	229
Парные слова, образованные сложением антонимичных основ	230
Парные слова, образованные сложением основ, однородных по значению	231
Парные слова, образованные сложением определенного слова и его эхообразного варианта	235
Парные слова, образованные сложением имен или глаголов и их постоянных компонентов	238
Парные слова с компонентами, утратившими лексическое значение	241
О видах связи между компонентами парного слова	242
<i>Литература к разделам «Морфемика», «Морфонология»</i>	<i>248</i>
<i>Примечания и комментарии к разделам «Морфемика», «Морфонология»</i>	<i>249</i>
<i>Литература к разделу «Словообразование»</i>	<i>253</i>
<i>Примечания и комментарии к разделу «Словообразование»</i>	<i>254</i>
<i>Сокращения</i>	<i>259</i>

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научное издание

ПАВЛОВ Иван Павлович

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

В 2 томах

Том 1

Морфемика
Морфонология
Словообразование

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Оригинал-макет *Л.Н. Сапоговой*

Подписано в печать 20.10.2014. Формат 60х84¹/₁₆
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать оперативная
Физ. печ. л. 14,6. Тираж 150 экз.
Заказ № 14

Отпечатано в РИО Чувашского государственного института
гуманитарных наук

428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1